

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

2009. №1

Научно-практический журнал
Северо-Западной академии
государственной службы

Выходит четыре раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199178, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335 94 72, 335 42 16

Факс.: (812) 335 42 16

E-mail: uk@szags.ru

© Северо-Западная академия государственной службы, 2009

© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2009

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

- Горшков А. С.** — ректор Северо-Западной академии государственной службы, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *председатель совета*;
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель председателя совета*;
- Артамонов В. С.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург);
- Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Двас Г. В.** — вице-губернатор администрации Ленинградской области, доктор экономических наук (Санкт-Петербург);
- Журавлев В. П.** — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук;
- Межевич Н. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Михеев Ю. А.** — заслуженный экономист Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Понеделков А. В.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Тургаев А. С.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Филиппов Г. Г.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Чубинский-Надеждин В. В.** — заслуженный работник культуры РСФСР, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Шевченко В. Я.** — действительный член Российской академии наук, доктор химических наук, профессор, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий РФ (Санкт-Петербург).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург) — *главный редактор журнала*;
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Елфимов Г. М.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора*;
- Кашина М. А.** — кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Клюев А. В.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Чигарева И. В.** — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург);
- Чимаров С. Ю.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Яновский В. В.** — кандидат физико-математических наук, доцент (Санкт-Петербург).

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

- 5 В. Б. АЛЕКСАНДРОВ**
Творчество Гоголя в свете парадигмы постмодерна
- 14 Т. В. САВИНКОВА**
Юбилей Гоголя и проблемы национальной идентификации
- 20 М. А. АЛЯКРИНСКАЯ**
«Назначение человека — служить, и вся жизнь наша есть служба»: идеи служения и службы в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»
- 28 И. А. ТРУШИНА**
Оптина Пустынь в жизни и творчестве Гоголя
- 38 И. А. ИВАНЧУК**
Гоголь — «Колумб реалистического стиля диалога»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 46 В. П. ЖУРАВЛЕВ**
Правовые основания и особенности организации деятельности избирательных комиссий муниципальных образований в Российской Федерации: вопросы и ответы
- 50 А. В. ТОРБА**
О практике реализации административной реформы в Калининградской области

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 58 С. П. АЛЕКСАНДРОВА**
Особенности применения договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации
- 68 М. М. КУЧЕРЯВЫЙ**
Потенциальные угрозы безопасности России в воздушно-космическом пространстве
- 76 Н. В. ЗАХАРОВА**
Управление инновационными процессами в Европейском Союзе: роль совместной научно-технической политики стран ЕС
- 93 Г. Н. КРАСНОЛУЦКИЙ**
Интеллигенция и перестройка: крушение или обретение надежд?
- 105 А. О. ПЛИЕВА**
Внешиполитическая составляющая политического поля ЕС

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 115 Л. Н. БАБКИНА, М. Е. ДРОБИН**
Ожидаемая продолжительность жизни в регионах Российской Федерации как показатель качества жизни населения
- 140 Е. И. ДЕРГАЧЕВА, Г. А. ЕВДОНИН**
Принятие решений в управленческой деятельности: возможности количественного моделирования

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 148 Н. Ю. ЛАПИНА**
Социальные реформы в России: каков вектор изменений?
- 173 Г. М. ЦИНЧЕНКО**
Подготовка специалистов по социальной работе в рамках Болонского образовательного процесса
- 179 А. Ф. ИЗМАЙЛОВ**
Информационная модель города (о некоторых подходах к проблеме моделирования информационных отношений в городской среде)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 187 Г. М. ЕЛФИМОВ**
Понятие «нового» в теории эмерджентной эволюции

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 223 В. А. ВОЛКОВ**
Надежный инструмент реформы государственной службы (по страницам научно-практического журнала СЗАГС «Государственная служба»)

По инициативе Всероссийского института научно-технической информации РАН журнал СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» прошел экспертизу у ведущих специалистов ВИНТИ РАН, информация о нем размещается в Реферативном журнале и базах данных ВИНТИ РАН

Статьи научного журнала СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается

В. Б. АЛЕКСАНДРОВ ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ В СВЕТЕ ПАРАДИГМЫ ПОСТМОДЕРНА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

творчество Гоголя, постмодерн, современная культура, самореализации личности

KEY WORDS:

oeuvre of Gogol, postmodern, modern culture, personal self-actualization

В статье предпринята попытка рассмотреть творчество великого русского писателя Н. В. Гоголя в свете парадигмы постмодерна, который представляет собой довольно значительный пласт современной культуры. Автор считает, что присущие постмодерну идеи и принципы позволяют многое в творчестве великого писателя увидеть по-новому.

Обращение к истории культуры убеждает в том, что некоторые ее формы, связываемые с определенными историческими этапами общественного развития, могут обнаруживаться с большей или меньшей отчетливостью и в другие эпохи. Просветительская ориентация, романтизм, реалистическая тенденция заявляют о себе не только в отведенных им «исторических нишах», но и в «нехарактерные» для них времена. Более того, причудливым образом они могут сочетаться и в творчестве одного автора — писателя, художника, драматурга.

Сказанное относится и к тем формам культуры, которые мы сегодня определяем как новые, соответствующие современным социальным реалиям. Их прообразы встречаются в творчестве деятелей искусства прошлых веков, что, по-видимому, является сви-

An attempt has been made in the article to consider the oeuvre of the great Russian writer N. V. Gogol in the light of the postmodern paradigm. Postmodern is rather essential layer of the modern culture. The author considers that the ideas and principles inherent to postmodern allow to see a lot in the oeuvre of the great writer in a new light.

детельством универсальности человеческой природы, ее относительной независимости от экономических, социальных и политических обстоятельств.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть творчество великого русского писателя Н. В. Гоголя в свете парадигмы постмодерна, который представляет собой довольно значительный пласт современной культуры. Существование этого направления связывается со становлением постиндустриального общества, с процессами глобализации, информатизации, возрастанием роли масс и проч.

Творчество Гоголя, весьма противоречивое и неоднозначное как в стилистическом отношении, так и в плане того типа сознания, которое выражали его произведения, получало самые различные оценки: одни трактовали его как реалистическое, другие — как пример

романтизма, определенная часть критиков видела в Гоголе выдающегося комедиографа, некоторые — создателя эпических произведений. Его оценивали и как выдающегося мистика, и как талантливое мастера изображения конкретных явлений. Естественно, эти оценки менялись с появлением нового культурного опыта, который заставлял по-новому взглянуть на творчество писателя совершенно другой эпохи, в силу своего таланта сумевшего выразить еще не вполне проявившиеся, еще дремлющие возможности отношения к окружающему миру, на возможности авторской самореализации, которые потребовали для своего полного осуществления новых форм социальной реальности. Иными словами, здесь действует хорошо известный принцип, согласно которому «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны», или на более официальном философском языке — принцип единства исторического и логического.

Присущие постмодерну критика логоцентризма, номадология, плоскостность как отказ от поиска сущностных основ исторических процессов, акцентировка нарратива как описания, выстраивающегося в соответствии с установкой пишущего или читающего, игровое начало являются теми идеями, которые позволяют по-новому увидеть многое в творчестве этого великого писателя.

Трактовка творчества Гоголя в духе реализма, получившая в нашем литературоведении весьма выраженную традицию, предполагала рассмотрение образов его произведений как типологического отображения современной ему русской жизни. Образы Плюшкина, Коробочки, Манилова, Городничего

трактовались как типологически оправданные.

Между тем внимательное прочтение его произведений, тех сентенций, которые он высказывает по поводу своих персонажей и своего творчества вообще, заставляет отнести к нему несколько иначе. Думается, что художественное творчество Гоголя, которое он сам иногда определяет как поэтическое, как и всякое поэтическое творчество выступает, прежде всего, формой самореализации его личности. Оно не преследует социально-обличительных целей, и тем более целей социально-преобразовательных. Это эманация его личности, способ бытия, вне которого он существовать не может. Гоголь не ищет сути явлений. Он поверхностен в том смысле, что текст, который им создается, и есть та последняя реальность, которая его интересует. Он существует в этой реальности, блуждая «без руля и без ветрил».

В этом состоит «философия» его художественного творчества, которая предполагает отказ от всякой метафизики, ориентированной на установление некоторой трансценденции, некоего логоса, на поиск глубинных основ человеческого бытия. Характеристику смысла своего творчества Гоголь дает в первых строках 2-го тома «Мертвых душ». Здесь он задается вопросом: «Зачем же выказывать напоказ бедность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства?» [1, с. 253]. Ответ его на этот вопрос таков: «Что же делать, если такого свойства сочинитель, и так уже заболел он сам собственным несовершенством, и так уже устроен талант его, чтобы

изображать ему бедность нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства» [2]. Этот талант иного свойства, нежели талант выведения социальных типов. Поэтому рассмотрение гоголевских персонажей как типичных для русской действительности является, по меньшей мере, проблематичным.

Творчество Гоголя — это проявление «болезни собственным несовершенством». Пренеприятнейшие черты Плюшкина, Коробочки, Собакевича и др. не являются социально-типическими и даже национально-типическими (хотя некоторые персонажи можно считать образами, в которых писателем угаданы определенные национальные черты). Известный русский критик XIX в. Н. А. Полевой, осуждая тех, кто восхищается верностью изображения русской действительности Гоголем в его «Мертвых душах», восклицает: «Кто против того, что есть у нас, как и *везде* (выделено нами — В. А.), Собакевичи, Плюшкины, Ноздревы, но не такие они, да если бы и такие попались вам, они исключения, они уроды. Как же по собранию уродов изображаете вы человека и где естественность и верность изображения, за которые превозносите вы “Мертвые души”?» [3, с. 118–119].

Гоголевские персонажи — носители таких личностно-психологических черт, которые являются и наднациональными, и надсоциальными. Гоголь находит их в себе как предельное выражение тех тенденций, которые он обнаруживает в своем внутреннем мире. Эти персонажи, конечно, не он сам, но он сам — это та почва, на которой можно производить эксперименты по «выращиванию»

названных выше персонажей. Сам Гоголь поясняет «технологию» создания образов персонажей, живущих в его произведениях, следующим образом: «Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобой, насмешкой и всем, чем ни попало» [4, с. 128].

Гоголь вполне определенно указывает на то, что черты его персонажей могут быть найдены каждым человеком в самом себе при условии напряженного рассмотрения своего внутреннего мира. «А кто из вас, — пишет он, обращаясь к читателю, — полный христианского смиренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос “А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?”» [5].

Еще более откровенно он высказывается в «Выбранных местах из переписки с друзьями». «Герои мои потому близки душе, — пишет Гоголь, — что они из души, все мои последние сочинения — история моей собственной души» [6]. И далее совсем конкретно: «...Я стал наделять своих героев сверх их гадостей своей собственной дрянью» [7]. Он удивляется тому, что великий Пушкин, выслушав чтение им первых глав «Мертвых душ», воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!» Гоголь по поводу этого восклицания пишет: «Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка!» [8].

Конечно, творчество Гоголя нельзя трактовать в духе абсолютного субъективизма. Ему свойственна и наблюдательность, весьма справедливые характеристики национальных черт русского человека. Так, например, он замечает: «Века проходят за веками; полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлют непробудно». Этот «материал» может породить «великие движения души». Но для этого нужен тот, «кто бы крикнул живым, пробуждающим голосом, — крикнул душе пробуждающее слово: вперед! которого жаждут повсюду, на все ступенях стоящий, всех сословий, званий и промыслов, русский человек» [9].

Эта русская сонная повседневность оказывается для Гоголя тем воском, из которого писатель отливает образы, вырастающие в результате психологических экспериментов, проводимых им внутри собственной личности. Русская повседневность — это своего рода чистая возможность, некое бескачественное начало в духе материи Платона, из которого авторская фантазия создает яркий, живой и несуществующий в действительности фантазмагорический мир. В этом мире встречаются потрясающие своим разнообразием угощения или, наоборот, невообразимая скудость поддерживающих жизнь питательных средств, причудливейшая лепка лиц гоголевских героев, их невысказанный по степени изощренности и нереальной замысловатости язык, через который, тем не менее, создаются психологически конкретные образы разного рода действующих лиц его произведений. В этой связи представляются вполне справедливыми слова М. М. Бахтина, который заметил, что «гротеск у Гого-

ля есть не просто нарушение нормы, а отрицание всяких абстрактных неподвижных норм, претендующих на абсолютность и вечность. Он отрицает очевидное и “мир само собой разумеющегося”» [10, с. 535].

За всем этим пиршеством гоголевской фантазии не стоит какая-либо социально значимая программа. Как заметил В. В. Розанов, «Гоголь или Пушкин “с программой” — это что-то чудовищное» [11, с. 333]. Писатель увлечен самим изложением, игрой образов, оттенков, переживаний, поиском лексической выразительности. В этой связи весьма характерны слова Гоголя, которыми он заканчивает свой изящный рассказ о носе коллежского асессора Ковалева. «Но что страннее, что непонятнее всего, — восклицает писатель, — это то, как авторы могут брать подобные сюжеты... признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой, во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...» [12, с. 72]. Эта социальная, государственная «бесполезность», иронически подмеченная Гоголем, есть признак игры, имеющей цель в самой себе и не претендующей на то, что называется социальной полезностью в непосредственном, прямом смысле.

Игровой характер творчества Гоголя дал, на наш взгляд, основание для многих критиков называть его мастером внешних форм, в произведениях которого внешнее преобладает над внутренним, материальное — над духовным. Представители такой точки зрения называли писателя злым гением русской литературы и все ее последу-

ющее развитие рассматривали как борьбу с великим живописцем внешних форм и возвращение на широкую дорожку Пушкина [13, с. 17].

Судя по всему, Гоголь сам ощущал особое мировоззренческое значение идеи игры. Неслучайно одним из интереснейших его произведений стала пьеса «Игроки». Это произведение воспринимается не просто как описание забавной ситуации, в которой один шулер оказался обманутым другими. Речь здесь идет о том, что в выигрыше оказывается тот, чья игра оказывается более масштабной, тотальной, вовлекающей в свою сферу больший круг людей и по сути дела выходящей за пределы собственно карточной игры, превращающей в игру сами человеческие отношения. Дальнейшее расширение этого способа мышления приводит к заключению, что побеждает в жизни тот, кто сможет сделать игру принципом жизни, превратить в игровые все отношения, в которые может оказаться вовлеченным человек.

Характерен способ включения в русскую повседневность, который использует Гоголь в своем самом «постмодернистском» произведении — «Мертвые души». Говоря языком постмодерна, этот способ может быть определен как номадологический, как способ случайного, ненаправленного кочевничества, не имеющего никакой цели, кроме цели поддержания существования. У Гоголя номадизм — это условие жизни произведения, способ существования героя, содержанием которого оказывается общение с рожденными фантазией автора причудливыми монстрами, образующими ткань Чичиковского бытия. Данный принцип является, по нашему

мнению, причиной определенной нелогичности, своего рода «концептуальной непоследовательности», которая встречается в «Мертвых душах».

Совершенно выпадает из канвы произведения знаменитый, появившийся неизвестно откуда финальный аккорд поэмы о Руси как о «необгонимой тройке». Этот фрагмент традиционно рассматривался как ярко выраженный патриотический мотив (об этом со всей определенностью писали авторы еще в XIX в. [14, с. 30–31]). Однако как этот патриотический мотив мог вырасти из весьма издевательского представления о русской действительности? Куда может «нестись» страна с «персоналом», состоящим из Петрушек, Селифанов и им подобных? Ответ может быть только один — никуда. Образ тройки — не что иное, как плод случайной ассоциации, возникшей в связи с темой дороги, по которой плелась бричка Чичикова, прибавившая, кстати говоря, ходу только после окрика хозяина. Конечно, для того чтобы эта ассоциация могла преобразоваться в гениальный пассаж о птице-тройке, родившейся у «бойкого народа», необходимо было гениальное воображение писателя, не связанный концепцией или социальной задачей свободный полет его творческой мысли.

Само собой разумеется, путешествие как способ организации сюжета не является открытием Гоголя, но у него оно оказывается подчиненным его игровому мировидению и соответствует смыслу его творчества. Номадизм, позволивший Гоголю создать мир парадоксальных, фантастических персоналий, является путем, на котором, говоря опять же языком постмодерна, осуществля-

ется деконструкция основных смыслов, укорененных в русском национальном сознании. Мы имеем в виду смыслы, с которыми связывается представление о русской истории, о сути русского мира. В этом мире были не только лежебоки, увальни и байбаки, но и Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр I, в его истории были великие свершения и победы. Еще В. Г. Белинский, не соглашаясь с теми, кто возводил «Мертвые души» на уровень эпоса, сравнимого с гомеровским, писал: «В “Илиаде” жизнь возведена на апофеозу: в “Мертвых душах” она разлагается и отрицается» [15, с. 73].

Гоголевская деконструкция не носила рационально-рассудочного, «спланированного» характера, как это имеет место у современных французских постмодернистов, создавших соответствующую философию и игровую практику. Деконструкция у Гоголя является естественной формой самовыражения его личности, его игра искренняя, неидеологизированная, не являющаяся реализацией некоторой концепции русской жизни.

Эта самоценность игры, характеризующая творчество Гоголя, не связанная со стремлением к улучшению и усовершенствованию той реальности, на материале которой она осуществлялась, так или иначе осознавалась в отечественной критической литературе. Такое осознание, естественно, происходило вне концептуальных средств, созданных в рамках постмодернизма, но общий ход мысли в какой-то степени отражал названные выше черты его творчества. Крупный русский философ С. Н. Булгаков, сравнивая творчество Гоголя и Пикассо, в статье с весьма ха-

рактерным названием — «Труп красоты» — находит общую для них характеристику — демонизм. «Беспредельная, поистине черная тоска, испытываемая на грани бытия и тьмы “кромешной”, тьмы небытия, а вместе хула, застывающая в бессильной муке, мистическая судорога духа — вот общий тон творчества Пикассо... Тоска Пикассо несколько напоминает “скуку” Гоголя, когда последнему отовсюду виделись одни свиные рыла, мертвые души (“скучно на этом свете, господа”). Она есть черта благородного, хотя и больного духа: она отличает “демона”, к которому так болезненно влеклась душа Лермонтова, от “мелкого черта с насморком из неудавшихся”» [16, с. 533].

Каковы же черты, которые отличают демоническую натуру? По мнению Булгакова, это неспособность любить, это гордость, которая оборачивается самодовольством и субъективизмом. Про демона можно сказать, что «только себя он не презирает и не ненавидит, хотя на себе успокоиться и не может, ибо все же сознает свою ограниченность и от этого тоскует» [17]. Такой тип сознания способен лишь на то, чтобы разрушать действительность, издеваться над ней под видом натуралистического ее видения. За этим натурализмом может скрываться особая мистика, которая возвышает это искусство над примитивным реализмом, но противопоставляет его религиозному мироощущению, предполагающему стремление к целостному видению мира, устремляющего его к высотам духа. По этому поводу С. Н. Булгаков замечает: «Натурализм, поверхностный натуралистический реализм, как и всякое “чистое”, т. е. религиозно неосознанное, эстетизирующее

искусство, остается далеко позади этого жесткого, мучительного, но глубоко серьезного, трагического и в глубочайшей степени мистического искусства» [18].

Между тем сам Гоголь в определенные периоды своей творческой жизни, по-видимому, ощущал потребность в позитивной метафизике и пытался дать некоторое мировоззренческое истолкование своим произведениям. Так, в частности, в своих комментариях-эпилогах к «Ревизору»: «Разъезд после представления “Ревизора”», «Развязка “Ревизора”», «Дополнение к развязке...» — он пытается сформулировать обобщающее истолкование этого произведения: город, в котором происходит действие, — это «духовный город», символ души человека; бесчестные чиновники — страсти человека; ревизор — смерть, последний суд над человеком. Это истолкование, на наш взгляд, представляет собой не что иное, как попытку рационализировать увлекшую его игру, в которую он играл, создавая свое произведение. Натянутость такого истолкования очевидна. Как может смерть, это трагичное завершение жизни человека, приходиться в образе развязного Хлестакова или даже действительного ревизора из столицы?

Морализаторская установка в данном случае — это попытка придать игре, являющейся по сути дела эманацией бессознательных стремлений, социально значимый смысл, попытка оправдания собственного творчества. Судя по всему, эта тема мучила Гоголя, что в значительной степени предопределило трагичный финал его творческой жизни.

Иногда высказывания, подобные приведенным выше, известные религи-

озные искания Гоголя слишком прямолинейно рассматриваются как действительные установки, определяющие его творчество. Так, русский философ Д. И. Чижевский полагал, что «самый образ души как “города” или “замка” — старый, традиционный образ христианской литературы (Иоанн Златоуст), в которой Гоголь был начитан» и, вполне вероятно, что он, как и другие названные писателем образы, выражает действительные моральные установки, руководившие Гоголем при написании им «Ревизора» [19, с. 306].

Однако, как нам представляется, более правы те, кто рассматривает приведенный способ символизации действующих лиц «Ревизора» как попытку насильственного толкования произведения, написанного с совершенно иной установкой. В пользу такого их понимания говорит сам эмоциональный строй гоголевских произведений, исключаяющий возвышение души читателя и вызывающий ироническое отношение к миру, в котором, по словам М. М. Бахтина, «все смешно и несерьезно, где серьезен только смех» [20]. Гоголь создает особое видение мира — смеховое, и технология этого создания — игра. Гоголь не стремится открыть подлинное бытие, имеющее свою логику и содержащее в себе принцип порождения конкретных персонажей существующего мира. Собакевичи, коробочки, плюшкины — плоды свободного воображения автора. Появились они, но могли появиться и другие. Единственная логика и цель Гоголевских произведений — смех, по сути своей иррациональный, несмотря на приемы социальных реалий, по поводу которых он вызывается.

Попытка поднять Гоголя до уровня мыслителя и «наставника душ» человеческих предпринималась и в его время. Эти попытки были подвергнуты критике великим современником Гоголя — Чаадаевым, который достаточно тонко подметил, что современникам понадобился писатель, которого бы они «могли поставить наряду со всеми великанами духа человеческого, с Гомером, Дантом, Шекспиром... Вот и нашелся, на первый случай, такой крошечный наставник, вот они и стали ему про это твердить на разные голоса, и вслух и на ухо, а он как простодушный доверчивый поэт им и поверил» [21, с. 464]. Плодом этой веры стали «Выбранные места из переписки с друзьями», в которых была сделана весьма неудачная попытка дополнения собственного художественного творчества рассуждениями метафизического свойства. Здесь мы находим идеи о смысле монархической власти и церкви, о призвании русского помещика, о мудрости учредителей организации губернской власти, о ненужности образования для русского мужика и об особой роли проповеди священника, наставляющей этого мужика. По этому поводу В. В. Вересаев вполне справедливо заметил, что «всю свою идеологию Гоголь целиком впитал из недр старосветской помещичьей жизни. И что замечательно: через всю жизнь свою, полную самого напряженного художественного искания и творчества, эту идеологию свою он пронес в совершенно нетронутым виде, совсем в таком виде, в каком получил ее в раннем детстве. В вопросах общественности, морали, религии великий автор “Ревизора” и “Мертвых душ” до конца жизни стоял совершенно на том же

уровне, на котором стояла его наивная и глуповатая мать-помещица. В этих областях оба они говорили на одном языке» [22, с. 7]. Это и не удивительно: таланты социального мыслителя и критика человеческой пошлости, внимательного к мелочам и внешним формам жизни, далеко не всегда идут рука об руку.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о том, есть ли основания считать Гоголя в силу отмеченного выше таланта писателем-реалистом, как это полагали некоторые из исследователей его творчества. Думается, что это возможно во вполне конкретном смысле. Известно, что Гоголь — натура поэтическая. Его юношеской страстью, которая так или иначе преследовала его всю жизнь, была поэзия. И, как поэт, говоря словами Хайдеггера, он был «вестником бытия». Но какого бытия? Того бытия, содержанием которого являются человеческие страсти, желания, страхи... Это бытие не может быть выражено знанием, рационально выверенными построениями. Как писал Сартр: «Прав Кьеркегор: человеческая боль, нужда, страдания — это жестокие реальности, которые не могут быть ни преодолены, ни изменены знанием... В сравнении с Гегелем Кьеркегор знаменует известный прогресс на пути к реализму, ибо он настаивает на несводимости некоторой реальности к мышлению и на ее примате» [23, с. 16]. В свете этих слов можно сказать, что Гоголь — реалист в том смысле, в каком Кьеркегор является большим реалистом, чем Гегель. Но это реализм особого рода. Реализм не в традиционном его понимании объективного отражения правды жизни, существенных сторон окружающей действи-

тельности. Гоголь — великий художник, сумевший выразить реальность человеческих чувств, переживаний, страстей и стремлений, надежд и опасений, нередко в их самых крайних формах и степенях проявления, как самых мелких,

так и грандиозных. Это реализм, сопряженный не с рациональным постижением действительности, а с талантом испытания человеческих чувств, «экспериментирования» с ними в разнообразных обстоятельствах и ситуациях.

1. *Гоголь Н. В.* Мертвые души. М., 1974.
2. Там же. С. 253.
3. *Полевой Н. А.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Критика 40-х годов XIX века. М., 2002.
4. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992.
5. *Гоголь Н. В.* Мертвые души ... С. 248.
6. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями ... С. 126.
7. Там же. С. 128.
8. Там же. С. 129.
9. *Гоголь Н. В.* Мертвые души ... С. 270.
10. *Бахтин М. М.* Рабле и Гоголь // *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
11. *Розанов В. В.* Перед Сахарной // *Розанов В. В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992.
12. *Гоголь Н. В.* Нос // *Гоголь Н. В.* Повести. Пьесы. «Мертвые души». М., 1975.
13. *Манн Ю.* Смех Гоголя // *Гоголь Н. В.* Повести. Пьесы. «Мертвые души». М., 1975.
14. *Писарев Д. И.* Бедная русская мысль // *Писарев Д. И.* Исторические эскизы. Избранные статьи. М., 1989.
15. *Белинский В. Г.* Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Критика 40-х годов XIX века. М., 2002.
16. *Булгаков С. Н.* Труп красоты // *Булгаков С. Н.* Сочинения: в 2-х т. М., 1993. Т. 2.
17. Там же. С. 534.
18. Там же. С. 543.
19. *Чижевский Д. И.* Неизвестный Гоголь // Русские философы (конец XIX — середина XX века). Антология. М., 1996. Вып. 3.
20. *Бахтин М. М.* Рабле и Гоголь ... С. 534.
21. *Чаадаев П. Я.* Письмо П. А. Вяземскому 29 апреля 1847 г. // *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989.
22. *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. Книга первая. СПб., 1995.
23. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода // *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. Статьи. М., 2008.

Т. В. САВИНКОВА

ЮБИЛЕЙ ГОГОЛЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Гоголь, национальная идентификация, культурное сознание, социальная общность

KEY WORDS:

Gogol, national identification, cultural consciousness, social community

В связи с юбилеем Н. В. Гоголя автор, на примере отношения к творчеству писателя в России и Украине, поднимает вопрос о необходимости культурологического изучения проблем национальной идентификации в современном мире, в том числе на постсоветском пространстве.

The author, having taken advantage of Gogol's jubilee, by an example of attitude to works of the writer in Russia and Ukraine, brings up the issue that in the modern world including the post-soviet environment it is necessary to investigate the problems of national identification from the culturological point of view.

Национальная идентификация является органической чертой культурного сознания как отдельных индивидов, так и социальных общностей. В условиях современного мира, характеризующегося, с одной стороны, глобализационными процессами, с другой — стремлением народов, дорожащих своей самобытностью, противостоять социокультурной унификации, национальная идентичность приобретает особую значимость.

ствиях не только неумеренных националистов стран Балтии и Украины, но и части правящих кругов этих стран.

Положение современной России, включенной в общемировые процессы, отягощается дополнительными проблемами, возникшими вследствие распада Советского Союза. Национальные элиты суверенных государств, сложившихся на постсоветском пространстве, проявляют острую заинтересованность в самоутверждении, в том числе и за счет демонстративного отторжения русской культуры и общей истории. Примеры подобного рода можно видеть в дей-

ствиях не только неумеренных националистов стран Балтии и Украины, но и части правящих кругов этих стран. Народ, строящий свою государственность, остро нуждается в знаковых фигурах, способных консолидировать нацию. Однако историческое прошлое народов, в течение значительного времени составлявших единую советскую или, более того, восточнославянскую цивилизацию, оставляет элитам мало шансов предложить соотечественникам такую яркую личность, которую не надо «делить» с сопредельными странами. (В «перестроечные» времена художественная интеллигенция Литвы была вынуждена не без сожаления отказаться от претензий на польского поэта Адама Мицкевича, к которому здесь привыкли относиться как к «своему» Мицкявичюсу.)

Поиск «отцов-основателей», выразителей национального сознания, активно ведется идеологами независимой

Украины, и не удивительно, что в этом контексте находит место имя Н. В. Гоголя. При этом писатель, заслуженно удостоенный мировой славы, нередко оказывается в компании либо с весьма сомнительными, либо с небесспорными историческими фигурами (Мазепа, Махно, Петлюра, Бандера) [1, с. 120–131]. Такое соседство вряд ли способно повредить репутации Гоголя, но вполне позволяет выявить противоречия, сопровождающие поиски национальной идентичности современных украинцев.

Национальная идентификация, относящаяся к тонким и глубинным потребностям как отдельной личности, так и социальной общности, считающей себя народом, имеет объективную природу, и вследствие этого желание людей определить свое отношение к отечеству не должно вызывать удивления. Осознание принадлежности к судьбе своего народа, его историческому опыту происходит не столько в рационально-логическом дискурсе, сколько в разнообразных формах психологического переживания, и, следовательно, способно выражаться самым причудливым образом.

Н. Панина, исследовавшая динамику изменения настроений населения Украины с 1992 по 2005 г., обращает внимание на то, как на первый взгляд традиционалистская атрибутика политических лидеров вступает в противоречие с риторикой, адресуемой ими сторонникам интеграции в современное демократическое сообщество, а перебор «шароварщины» в Дни независимости бросается в глаза даже завзятым украинским националистам. Однако все это: «вышиванки и дача Президента, аранжированная как этнографиче-

ский музей (с глечиками, рушниками и т. д., и т. п.), коса премьер-министра, nepoтизм (кумовщина при формировании властных структур), поспешное введение в школьные программы государственных (!) школ курса основ православной этики, всеобщий молебен (не то всевластный, не то общесемейный, но в любом случае какой-то очень общинный) в Софийском соборе по случаю Дня независимости и т. п.» [2, с. 38] — оказывается не только эффективным, но и эффективным при воздействии на чувства украинцев, притом на самом глубинном, иррациональном уровне.

В таком контексте следует рассматривать тенденциозность, демонстрируемую украинскими националистами в отношении к Гоголю. Так, часть из них готова вовсе отказать Гоголю в принадлежности к украинской культуре из-за приверженности его к русскому языку, его привязанности к России. На этом основании Гоголя преподают в курсе зарубежной литературы — «просто потому, что он писал на русском языке» [3]. Другая же часть украинских радетелей за национальные интересы, напротив, готова «украинизировать» писателя, прибегая к своеобразной «правке» классика, при которой в его текстах «русская земля» меняется на «украинскую землю», а там, где речь идет о силе русского народа, появляется «украинский народ» и т. д. Логика подобных действий такова: не проводи, дескать, Российская империя политику русификации, Гоголь писал бы на «мове».

Парадоксальность ситуации очевидна многим. Олесь Бузина пишет: «Читая поддельного киевского “Буль-

бу” на украинском языке, я смеялся вдвойне. А что бы стал делать его издатель, взявшись переводить “Выбранные места из переписки с друзьями”? Например, есть там у Гоголя такая глава: “Нужно любить Россию”. А на “соловьиной мове” это как будет? “Треба любити Україну”? А как перевести гоголевскую фразу: “Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский”? Или длинный, все объясняющий в идеологии Николая Васильевича пассаж: “Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни”?» [4].

Подобные факты вызывают острый резонанс и в современной России, переживающей кризис собственной идентичности. В отличие от Украины, впервые в истории получившей шанс на создание независимого государства, у нас появились основания для рефлексирования по поводу утраченного величия, что, в свою очередь, способствует «усилению традиционалистского комплекса значений — отсылка к событиям прошлого, символической роли территории, возрастанию роли “великих людей”» [5, с. 83]. В таком контексте любое упоминание Гоголя нередко сопровождается потребностью предъявить на него особые претензии. Показательно, что все появляющиеся в российских СМИ материалы с презентацией 200-летнего юбилея классика обязательно затрагивают национальную принадлежность писателя и его творческого наследия. Так, например,

гость «Открытой студии» 5 канала режиссер Владимир Бортко, экранизовавший гоголевского «Тараса Бульбу», вынужден был неоднократно отвечать на подобные вопросы ведущей Н. Стрижак и телезрителей. «Я считаю, что Гоголь — самый крупный русский писатель, такой же, как Пушкин в поэзии, так Гоголь в прозе. Это гениальный писатель. И сейчас, снимая “Тараса Бульбу”, я лишний раз смог в этом убедиться. <...> Когда мы снимали это, я убедился, что это очень серьезный политик, философ и человек, все время думающий о судьбах России, ибо “Тарас Бульба” написан для русских, по-русски и о русских. Цитата, начиная от первой и кончая последней: “Так любить, как русская душа — любить, чтобы всем, что есть в человеке..., так любить никто не может!”. Это начало кинофильма. Или конец, собственно и конец повести: “И пусть знают дальние и ближние народы — поднимается уже с русской земли свой царь, и не будет силы, которая не покорилась бы ему”. Актуально, причем по поводу ближних и дальних народов, прямо как знал» [6].

Популярные газеты («Известия», «Комсомольская правда», «Независимая» и др.) провели опросы читателей, предложив им определить: «Гоголь — чей? Наш или украинский?» [7]. Наиболее жесткая полемика ведется на форумах в сети Интернет.

Хотя, надо заметить, среди представителей отечественной элиты встречаются и осторожные суждения. Искусствоведы, как известно, привыкли оперировать понятием «национальная неповторимость». Однако просьба журналиста уточнить, что имеет в виду Ю. Манн, говоря о национальной не-

повторимости Гоголя, поставила в тупик известного исследователя творчества писателя. «Сложный вопрос, — признался он. — Я ни в коей мере не оспариваю значение для творчества Гоголя украинских традиций, но все-таки определенно называю его великим русским писателем. Возможно, я не прав» [8]. С точки зрения исследователя, Гоголя следует рассматривать как писателя мирового уровня: «В середине XIX в. эта мысль казалась еретической. В конце XIX — начале XX вв. положение стало меняться. В XX в. Марсель Марсо сказал, варьируя известную фразу, что его театр вышел из «Шинели» Гоголя. <...> При всей национальной неповторимости Гоголь — часть мировой культуры» [9].

Следует признать, что претензии на Гоголя как со стороны украинских, так и со стороны российских его ценителей, апеллирование к личности и таланту писателя в русле поиска национальной идентичности носят преимущественно характер декларативных призывов. Для презентации знакового имени обществу, поддержания интереса к нему такие формы и способы, видимо, вполне уместны. Однако, как показали состоявшиеся сначала на украинском, а затем на российском телевидении проекты «Великие украинцы» и «Имя России», Гоголь не вошел в окончательный список олицетворяющих нацию соотечественников ни там, ни здесь. Если согласиться с В. А. Тишковым, что «никакая идентичность — ни этническая (по группе), ни национальная (по стране и государственности) — не является органически заданной, а должна вырабатываться через усилия интеллектуалов, политиков и общественных

активистов» [10, с. 499], благодаря которым и формируется эмоциональная и другая приверженность человека и социальных общностей определенной нации, ее культуре, то можно сделать вывод, что современная российская элита не очень успешно справляется с этой задачей. Тем более что юбилей Гоголя позволяет акцентировать мысль о взаимодействии и взаимодополнении национальных культур, о том, что одна культура без другой не может быть полной.

Правда, портреты писателя, украсившие петербургские улицы в юбилейные дни, вполне вписались в федеральную и городскую программу «Толерантность», рассчитанную на 2006–2010 гг. Однако в Петербурге, к которому особенно был привязан Гоголь, нет музея писателя, и музееведы считают его создание нецелесообразным. Исчезла с топонимической карты города улица Гоголя, которой вернули изначальное название — Малая Морская. Открытие музея писателя в Москве, приуроченное к юбилейным торжествам, сопровождалось громкими скандалами [11; 12; 13]. Попытки же использовать имя Гоголя конкурирующими политическими группировками обеих стран для сведения счетов между собой выглядят и вовсе непристойно.

Ко всему прочему не каждая историческая личность, а тем более Гоголь, приспособлена к прагматическому использованию в проектах национально ориентированных элит, какие бы благородные цели ни преследовались ими. Над бесперспективностью усилий «фальшивокнижников» по приспособлению автора «Тараса Бульбы» к «те-

кущему политическому моменту» иронизирует О. Бузина: «А ведь он не одного “Бульбу” написал! Словно чувствовал: будут, будут подделывать! Снял шляпу: видит, и там подделыватель сидит. Полез в карман, и оттуда оно лезет... Значит, надо побольше сочинений оставить — перестраховаться от вредителя. А там и ситуация изменится. Ведь не бывает вечных ситуаций!» [14].

Гоголю, как и любому крупному художнику, претит грубая ангажированность. Будучи патриотом одновременно и великой русской культуры, близкой ему по духу и языку, и украинской, родной по крови, он был чужд национальной ограниченности, которую пытаются навязать ему современные адепты независимости. «Нам... надо писать порусски», — убеждал он своего земляка О. М. Бодянского. «Надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгутеров. <...> Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, <...> нетленная поэзия правды, добра и красоты... Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение, одной в ущерб другой, невозможно...» [15, с. 65].

Показателен и отклик Пушкина на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки», отметившего их украинский колорит, но при этом задавший настоящий масштаб сочинению начи-

нающего писателя: «Как изумились мы *русской книге*, которая заставила нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина!» (курсив мой — Т. С.) [16, с. 308].

В то же время в кругах художественной элиты XIX в. тема национальной идентичности Гоголя долго оставалась предметом обсуждения. В письме к Н. М. Языкову от 2 декабря 1844 г. Гоголь сообщает: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [17, с. 246].

К признанию Гоголя, корректному по форме и глубокому по смыслу, убедительному для любого непредвзято мыслящего человека, вряд ли возможно что-то добавить. Что же касается взаимоисключающих оценок и характеристик личности писателя и его художественного наследия, встречающихся у наших современников, следует, конечно, четко различать убеждения самого автора и убеждения его интерпретаторов

и понимать их природу. Бесспорно другое. Как заметил И. Волгин, исследователь Ф. М. Достоевского, «Постичь биографию гения — и для отдельного человека, и для целой нации есть акт самопознания» [18, с. 48]. Юбилей Гоголя показал, насколько актуальна и сильна потребность в осознании национальной идентичности у граждан как Украины, так и России, насколько органична она для культуры.

В. А. Тишков полагает, что в целях обеспечения гражданской солидарности и российской национальной идентичности необходимо создать специальную доктрину по примеру Великобритании, где для разработки

программы утверждения британской идентичности в 1980-е гг. была привлечена королевская комиссия [19]. Регулированию межнациональных отношений и консолидации народов современной России такой документ не помешает. Однако можно не сомневаться в том, что процесс поиска идентичности — живой, оттого и противоречивый — будет продолжаться даже при отсутствии политических доктрин. В этом убеждает и юбилей Гоголя, актуализировавший необходимость культурологического изучения проблем национальной идентификации в современном мире, в том числе на постсоветском пространстве.

1. Каграманов Ю. Мазепа и другие. Украина в поисках отцов-основателей // Дружба народов. 2009. № 2.
2. Панина Н. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.
3. Гоголь — самый церковный писатель в русской литературе: Интервью с иеромонахом Симеоном (Томачинским) [Электронный ресурс] // Портал «Интерфакс-Религия». URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=interview&div=215> (дата обращения 27.03.2009).
4. Истории от Олеса Бузины. Гоголь: «Нужно любить Россию» // Сегодня. 2009 г. 20 марта.
5. Гудков Л. Структура и характер национальной идентичности в России // Гудков Л. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
6. Юбилей Гоголя // 5 канал. Открытая студия. 10 февраля 2008 г.
7. Капустин Г. Автору «Ревизора» поможет ревизор // Независимая газета. 2008 г. 06 марта.
8. Манн Ю. Гоголь становится модным писателем // Известия. 2002 г. 30 октября.
9. Там же.
10. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
11. Некрасов С. М. Как Пушкин с Гоголем породнились // Санкт-Петербургские ведомости. 2009 г. 23 января.
12. Киеня Н. Нет музея в своем отечестве // Неделя. 2009 г. 30 января.
13. Агишева Г. Роман с Гоголем // Известия. 2009 г. 03 февраля.
14. Истории от Олеса Бузины. Гоголь: «Нужно любить Россию» ...
15. Воронцов А. Проза Гоголя как национальная опасность. В Год русского языка нельзя не вспомнить о трагическом разъединении русского и украинского народов... // Российская Федерация сегодня. 2007. № 17.
16. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 1.
17. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 7.
18. Волгин И. Сага о Достоевских // Октябрь. 2009. № 2.
19. Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность // Известия. 2007 г. 19 июня.

М. А. АЛЯКРИНСКАЯ
**«НАЗНАЧЕНЬЕ ЧЕЛОВЕКА — СЛУЖИТЬ,
 И ВСЯ ЖИЗНЬ НАША ЕСТЬ СЛУЖБА»:
 ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ И СЛУЖБЫ В КНИГЕ Н. В. ГОГОЛЯ
 «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Гоголь, служба, служение, европейская культура, реформирование России

KEY WORDS:

Gogol, devotion, service, European culture, reforming of Russia

В статье раскрывается тема служения и службы в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Автор считает, что идея Гоголя совместить понятия службы и служения и в наши дни продолжает оставаться действенным культурным ориентиром.

The idea of human devotion and service presented in the book “Selected citations from correspondence with friends” written by N. V. Gogol is disclosed in the article. The author states that Gogol’s idea to combine concepts of devotion and service nowadays continues to be a real cultural guideline.

В начале 1847 г. вышла последняя книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Ее появление вызвало бурю в русском обществе, по образному выражению писателя, «рассердились все до единого в России» [1, с. 101]. В негативных оценках сошлись враждующие стороны: славянофил С. Т. Аксаков и западник В. Г. Белинский дружно провозгласили, что Гоголь «сошел с ума». Проницательный П. А. Чаадаев, оценивая ситуацию, заметил, что критика «Выбранных мест...» в целом проникнута «странною злобою против автора», великому сатирику как будто не простили, что «ему раз вздумалось поговорить с нами не смеясь» [2].

На историю восприятия «Выбранных мест...» большое влияние оказало знаменитое Зальцбруннское письмо В. Г. Белинского. Резкое и содержащее

крайне оскорбительные выводы в адрес писателя, оно стало сакральным текстом русской бесцензурной печати, объектом поклонения интеллигенции XIX в. и надолго задало тональность интерпретации книги: Гоголь «недопонял», «недодумал», «недоучел». «Гоголя корили, — справедливо замечает современный исследователь Ю. Барабаш, — словно нерадивого школяра, пребывая в комфортной уверенности, что в “Выбранных местах...” все не так: и “страхи и ужасы России” автор видит не в том, в чем надо их видеть, и надежды свои связывает не с тем, с чем полагалось бы связывать...» [3, с. 172]. Только в 1980-е гг. пришло время объективного прочтения книги, появилась возможность ее непредвзятого анализа.

Возможно, «Выбранные места...» вызвали столь резкое непонимание у современников потому, что книга эта

была необычна не только для творчества Н. В. Гоголя, но и для всей русской литературы XIX в.: она возродила в России традицию христианской нравоучительной и, одновременно, исповедальной прозы. «Появлению книги, — пишет С. А. Гончаров, — предшествует развитие религиозно-духовного слова Гоголя, исподволь накапливающего свой потенциал в художественной прозе, эпистолярной сфере, а затем в конспектировании и выписках из трудов святых отцов и учителей церкви, русских духовных писателей» [4, с. 249]. Книга стала необычным культурным феноменом, религиозно-духовным явлением. Неслучайно многие критики начала XX в. увидели в ней собственно «начало русской литературы», т. е. начало религиозного возрождения, столь ярко проявившегося впоследствии в творчестве Ф. М. Достоевского.

«Выбранные места...», с точки зрения Н. В. Гоголя, полезны «людям, страждущим на разных поприщах» [5, с. 427], но, кроме нравственных поучений, они содержат «глубоко выстраданную программу обновления России» [6]. Очень важно, что вариант реформирования России Н. В. Гоголь предложил в ситуации кризиса европейской культуры, симптоматику которого, в отличие от русских западников и славянофилов, разглядел еще до революции 1848 г. Один из кризисных симптомов, с его точки зрения, — измельчание и опощление человека. Если в античном эпосе человек «богоподобен», то в индустриальной цивилизации, с ее «громкими средствами и орудиями к совершенствованию», он «умел сделаться ... лоскутным», ... мелким» [7, с. 51]. Другое, более существенное проявление упадка

Н. В. Гоголь увидел в отходе культуры от христианства: с его точки зрения, религиозные принципы сохраняются лишь как внешняя оболочка жизни, между тем как внутренняя суть христианства утрачена. Так, несмотря на то что «мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех» [8], современный христианин готов раскрыть братские объятия лишь людям, «с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видел в глаза» [9]; к человеку XIX в. не может прикоснуться и «тьма христианского смирения»: он «усомнится в правде, в Боге», но «не усомнится в своем уме» [10].

Кризисом, с точки зрения Гоголя, затронута и Россия, хотя именно ей суждено возродить христианские начала в человечестве, отбросить «все позорящее высокую природу человека» [11]. Мессианская идея связывается с Россией не потому, что она лучше других народов («никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их» [12]), а потому, что Россия — еще «растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму» [13]. Возрождение мира произойдет благодаря России, в России начнется, и Гоголь в «Выбранных местах...» намечает программу такого российского возрождения — в этом, собственно, и состоит главная цель книги.

Базовой составляющей конкретной, прагматичной программы является ряд общефилософских христианских положений, изложенных, в традиции учительной культуры, нарочито сниженным, «опрошенным» языком. Первое заключается в том, что созидание следует принципиально предпочитать

ломке («Друг мой! Мы призваны в мир не затем, чтобы истреблять и разрушать, но, подобно самому Богу, все направлять к добру, — даже и то, что уже испортил человек и обратил во зло» [14]). Второе — в том, что созидать следует не в будущем, а в настоящем («Оттого и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее. <...> Безделицу позабыли! Позабыли все, что пути и дороги к этому *светлому* будущему сокрыты именно в этом *темном* и *запутанном* настоящем...» [15]). Третье — в том, что главная область созидания — нравственная; ее объект — душа человека («Дело мое — душа и прочное дело жизни» [16]; «Прежде чем приходиться в смущение от окружающих беспорядков, недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу. <...> Лучше в несколько раз больше смутиться от того, что внутри нас самих, нежели от того, что вне и вокруг нас» [17]).

Однако у Гоголя общехристианские истины дополнены своеобразной «общественной» трактовкой: нравственное самосозидание человека совершается в рамках государственного и общественного строительства («...Не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства» [18]). Объединяет личное и государственное строительство идея службы, поприща. Религиозное, иерархически выстроенное сознание Н. В. Гоголя подразумевает, что всякий служит на своем месте — том, какое отведено ему Богом: «Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол. Надо подумать о том всем нам, как на своем соб-

ственном месте сделать добро» [19]. Не важно, где служит человек, важно, чтобы он исполнял свою должность безукоризненно.

Высшим объектом служения в книге выступает Россия. С точки зрения Гоголя, человеку русскому сама идея христианской любви открывается через любовь к России: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России» [20]. «Возлюбив» Россию, человек поймет, что «любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать», что приведет его к идее служения естественно: «...Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию» [21].

Призывая «возлюбить Россию», Гоголь не закрывал глаза на русскую действительность, на то, что «бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома» [22]. Рисую в «Переписке» образ России как «занесенной вьюгой почтовой станции», где «видится один ко всему равнодушный смотритель с черствым ответом “Нет лошадей!”», Гоголь первым из русских писателей задал сакраментальный вопрос: «Кто виноват? Мы или правительство?» [23].

Четкий и недвусмысленный ответ на этот вопрос стал одной из главных причин разразившегося после публика-

ции «Выбранных мест...» скандала, ибо в ситуации выбора Гоголь предпочел критиковать не правительство, как этого от него ожидали, а, в духе христианского миропонимания, себя, как, впрочем, и каждого россиянина: «...Вижу, что виноват применитель... Не знаю, много ли из нас таких, которые сделали все, что им следовало сделать, и которые могут сказать открыто перед целым светом, что их не может попрекнуть ни в чем Россия...» [24].

Обвинив в бедах России рядового россиянина, а не власть, Н. В. Гоголь резко противопоставил себя демократической традиции русской культуры. Русская интеллигенция вообще отличалась оппозиционностью, а в XIX в., по меткому замечанию Н. А. Бердяева, она «ушла из государства»; жила «в резком конфликте с империей и государственной властью» [25, с. 51, 66]. Гоголь же идею конфликта с властью не принял в силу того, что придерживался теократической концепции государства, согласно которой государственная жизнь «имеет значение как реализация “вечного града”» [26, с. 479]. Именно потому, что Град Земной создан по образу и подобию Града Небесного, все в нем устроено разумно, все должности правильны, все они «именно то, что им следует быть, все до единой как бы свыше созданы для нас с тем, чтобы отвечать на все потребности нашего государственного быта» [27].

С теократической концепцией государства связаны и панегирики Н. В. Гоголя в адрес императора. Гоголевский монархизм не персонифицирован; кроме того, он адресован монарху не как высшему чиновнику, а как «образу Того на земле, Который Сам есть любовь» [28].

Образ Божий в монархе реализуется через идею милости, противопоставленную закону. Гоголь, с которого «начинается традиция противопоставления государственного закона и человеческой морали» [29], критиковал западную концепцию правового государства, построенного главным образом на «сухом и бесчеловечном» законе: «...В законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат...; то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. <...> Блюдет он общий строй, как оживитель, верховодец верховного согласия!» [30].

Кроме рассуждений о должности монарха, в гоголевской утопии «священного царства» значительное место занимают рассуждения об обязанностях «первых лиц» — губернаторов. «Губернаторские» главы — самые спорные в «Выбранных местах...», они традиционно вызывали негативное отношение критиков. Даже Н. А. Бердяев, несмотря на свойственный ему объективизм, назвал социальное христианство Гоголя «ужасным», а идею «преобразовать Россию посредством добродетельных генерал-губернаторов и генерал-губернаторш» охарактеризовал как «низменную и рабью» утопию, проникнутую «невыносимым мещанским морализмом» [31].

Нельзя не заметить, что в критике и литературоведении XIX, да и XX вв. общественные взгляды Н. В. Гоголя нередко искажались. В черновом варианте ответа на письмо В. Г. Белинского писатель написал: «Как мне защищаться против ваших нападений, когда нападения невпопад? ...Вы говорите, что вы прочли будто сто раз мою книгу, тогда как ваши же слова говорят, что вы ее не читали ни разу» [32]. То же самое Гоголь мог сказать про многие оценки его последней книги. Но, несмотря на явное нежелание критики воспринять текст «Выбранных мест...» адекватно, миф об абсолютной беспомощности Гоголя как теоретика государственного строительства укоренился в культурном сознании вплоть до конца XX в. Между тем, при непредвзятом отношении, в «общественных рецептах» писателя, в его конкретных рекомендациях государственным людям можно увидеть не только наивное прожектерство, но и здравые идеи¹.

Что советует Гоголь «занимающее важное место» лицу, т. е. губернатору? Прежде всего, не вставать на позиции «хлопотливого управителя», который «сам должен изворачиваться в хозяйстве и принять на себя все мелочные расходы» [34]. То есть не заниматься исключительно «дорогами» (дороги, по замечанию Гоголя, в случае нужды заведутся «и без всякого пособия правительств»), а сосредоточиться на главном: на отладке системы администра-

тивного управления, которая дала бы «толчок всеобщему движению», чтобы «пошла сама собой работать машина...» [35]. Следует создать механизм управления с запасом прочности: такой, чтобы «никто уже не смог своротить того, что раз направлено» [36]; такой, чтобы система действовала безотказно и при смене первого лица. Гоголь даже рекомендовал губернатору «беспременно представлять себе», что после него должность примет «слабый и бездарный последователь», который «не только не поддержит... заведенного порядка, но еще испортит его» [37].

В административном аппарате руководителю необходимо «ввести всякую должность в ее законные границы» [38], причем начиная со своей собственной. Гоголь советует «ничего не заводить от себя», а просто заставить обращаться все быстрее в «границах, уже указанных и определенных» [39]. Вообще чиновники, по наблюдениям Гоголя, часто не понимают своей должности, ее «первообраза», и ориентируются главным образом на круг обязанностей, которые выполнял в данной должности предшественник. От этого возникают сбои в работе аппарата, должностная путаница, система без толку реформируется: уничтожаются или преобразовываются должности, которые «следовало ... просто возвратит себе» [40]. Отрицательным примером реформирования Гоголь считал введение многочисленных контролирующих органов, «комитетов». Он писал, что, во-первых, «приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве, значит сделать двух воров наместо одного» [41], а во-вторых, что «система ограничения» в целом — «ме-

1 Эти здравые идеи разглядела, в отличие от критиков, русская цензура: многие места из «губернаторских» глав и целые главы (к примеру, «Занимающему важное место») были запрещены. См. об этом [33].

лочная система», «пустая и жалкая»: «Человека нельзя ограничить человеком; на следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца. <...> Нужно напирать на то, чтобы каждый держал сам себя в руках, а не на то, чтобы его держали другие» [42].

Важность первого лица для Гоголя определялась тем, что писатель смотрел на социальную иерархическую лестницу сверху вниз. Убежденный в правомочности существующего порядка, автор «Выбранных мест...» идею нравственного общества связывал именно с правильно организованным «верхом»: «Старайтесь только, чтобы сверху все было честно, снизу будет все честно само собою» [43]. Можно было бы назвать писателя утопистом, если бы подобную установку не сопровождал вполне реалистический комментарий: «Надобно вам знать (если вы этого еще не знаете), что самая безопасная взятка, которая ускользает от всяких преследований, есть та, которую чиновник берет с чиновника по команде сверху вниз; это идет иногда бесконечной лестницей» [44].

Поскольку нити управления стянуты наверху, на управляющих лежит чрезвычайная ответственность. «Занимающий важное место», по мысли Гоголя, должен быть максимально требовательным к себе: «Ты метишь в государственные люди... Тем строже теперь смотри за собой» [45]. Государственный человек работает не для того, чтобы получать чины, награды, «рисоваться» перед миром или удовлетворять ложное честолюбие. Он смотрит на службу как достижение «целей не-

бесных», служит «земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастья других, а не для своего» [46].

В идеале руководитель высокого ранга должен отличаться отсутствием самонадеянности. В «Выбранных местах...» Гоголь неоднократно высказывал сомнения в необходимости для государственной службы «умных людей», вкладывая в ироническую формулу «умный человек» специфический смысл. «Умный человек» для Гоголя — это человек теоретического сознания, готовых формул и заученных концепций общественного развития, в основном иностранных (по терминологии Гоголя, «чужеземного навоза»). Россией же, по мысли Гоголя, нельзя управлять посредством европейских государственных разработок, вводя улучшения, «которыми уже наполнилась твоя голова еще прежде, чем ты вступил в свою должность» [47]. Россию необходимо изучать, много по ней ездить, вдумываться в конкретные ситуации русской жизни, и при решении вопросов не предаваться «выводам готового ума, но терпеливо обсмотреться» [48].

Русскому администратору Гоголь дает массу рекомендаций. Так, руководящему лицу необходимо быть хорошим психологом, «всматриваться» в души окружающих людей; ему необходимо выработать умение разговаривать с людьми и, главное, слушать людей (до конца, внимательно и обращая внимание даже на малозначачие подробности). Ему желательно узнать своих коллег по службе со стороны их частной и семейной жизни, образа мыслей, привычек. Для подчиненных руководитель должен быть «отцом», Гоголь даже на-

поминает, что на русском языке «начальник называется отцом» [49]. Как отец, он обязан оказывать нравственное влияние на подвластных чиновников, но «влияние единственно затем, чтобы заставить каждого иметь на себя влияние» [50]. Руководитель должен быть осторожным в разборе служебных проступков, потому что бывают ситуации, когда «никоим образом нельзя сказать вначале, кто виноват более других»: есть «безвинно-виноватые и виновно-невинные» [51].

Все советы, которые дает Гоголь, конкретны, и кажущаяся простота их была принципиальной позицией писателя: «Мне хотелось бы говорить такие слова, которые бы попадали прямо куда следует..., — такой дать совет, чтобы вы в ту же минуту сказали: “Он легок, его можно привести в исполнение”» [52].

Безусловно, здравые мысли сочетаются у Гоголя с утопическими проектами, такими, как общая задача христианизации, оцерковливания жизни, просвещения каждого, понимаемого как пробуждение в человеке сил добра и любви [53]. Но любопытно, что если в советском литературоведении акцент делался на «патриархальную утопию» писателя, в современном — он переместился на его здравомыслие и практи-

цизм. Так, Ю. Барабаш в книге «Гоголь. Загадка прощальной повести» пишет, что у Гоголя привлекает не «эскиз грядущего», а «переделка сущего», планы сегодняшних работ [54]. Да, программа Гоголя по реформированию России консервативна, но что плохого в том, что писателя «вдохновляет не слом государственных структур, а их совершенствование», не «отбрасывание патриархальных обычаев, а их возрождение и обновление» [55]?

Безусловно, сегодня никто не призывает следовать практическим советам Гоголя буквально, тем более что это невозможно. Но классика потому остается классикой, что несет в себе вечное зерно истины. Истина Гоголя — в любви к России, в призыве служить ей. Гоголь был единственным писателем, совместившим понятия «службы» и «служения». И, несмотря на то что христианская трактовка службы как служения слишком высока и умозрительна для того, чтобы быть внедренной в жизнь, особенно современную, она продолжает оставаться культурным ориентиром, сохраняет абсолютный смысл так же, как сохраняет его формула писателя: «Назначение человека — служить, и вся жизнь наша есть служба».

1. Марголис Ю. Д. Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Основные вехи истории восприятия. СПб., 1998.
2. Там же. С. 102.
3. Барабаш Ю. Я. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения). М., 1993.
4. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997.
5. Переписка Н. В. Гоголя. В 2-х т. М., 1988. Т. 2.
6. Марголис Ю. Д. Указ. соч. С. 40.
7. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1993.
8. Там же. С. 219.
9. Там же. С. 220.

10. Там же. С. 222.
11. Там же. С. 226.
12. Там же. С. 225.
13. Там же.
14. Там же. С. 86.
15. Там же. С. 128–129.
16. Там же. С. 107.
17. Там же. С. 154.
18. Там же. С. 153.
19. Там же. С. 30.
20. Там же. С. 109.
21. Там же.
22. Там же. С. 98.
23. Там же.
24. Там же. С. 99.
25. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990.
26. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000.
27. *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 80.
28. Там же. С. 65.
29. *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 143.
30. *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 62.
31. *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 115.
32. *Марголис Ю. Д.* Указ. соч. С. 164.
33. Там же. С. 80–81.
34. *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 161.
35. Там же. С. 161–162.
36. Там же. С. 162.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же. С. 161.
40. Там же. С. 163.
41. Там же. С. 166.
42. Там же.
43. Там же. С. 122.
44. Там же.
45. Там же. С. 156.
46. Там же. С. 99.
47. Там же. С. 156.
48. Там же. С. 159.
49. Там же. С. 167.
50. Там же. С. 174.
51. Там же. С. 160.
52. Там же. С. 122.
53. *Марголис Ю. Д.* Указ. соч. С. 213.
54. *Барабаш Ю. Я.* Указ. соч. С. 127.
55. Там же. С. 131.

И. А. ТРУШИНА

ОПТИНА ПУСТЫНЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Оптина Пустынь, творчество Гоголя, православие, духовная культура

В статье исследуются причины обращения Н. В. Гоголя к православию, описывается роль одной из святынь Русской Православной Церкви — Оптиной Пустыни в жизни великого писателя. Автор считает, что именно в Оптиной Пустыне Гоголь черпал идеи о цельности духовной культуры, ее религиозном обосновании, об устройении человеческого общества на основах церковной соборности, о преображении мира путем внутреннего просветления человека.

KEY WORDS:

Optina Solitude, oeuvre of Gogol, Orthodoxy, spiritual culture

The reasons expounding why N. V. Gogol turned to Orthodoxy are investigated in the article. The role of the Optina Solitude, which is one of the Holy places of the Russian Orthodox Church, in the life of the great writer is described as well. The author judges that it was just the Optina Solitude that had let Gogol to draw the ideas of integrity of spiritual culture, its religious background, about the structure of human society based upon the principles of church collegiality, about the world transformation by means of inner enlightenment of a human being.

«Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу, и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыни...»

Н. В. Гоголь

Гений — одна из тайн, которую человечество безуспешно пытается понять, но всякий раз, находя бесконечное число ответов, остается в недоумении. Вот уже 200 лет не одно поколение исследователей разгадывает загадку, которой стали для современников и потомков жизнь и творчество Н. В. Гоголя, его трагическая судьба. Уже современники понимали, что Гоголь — и человек, и художник — парадоксален, ни с кем не сравним и не подводим под какие-либо теории. В Нежинской гимназии, где учился Гоголь, его называли «таинственным Карлой», чудаком. А. Блок

в статье «Дитя Гоголя» писал: «Если бы сейчас среди нас жил Гоголь, мы относились бы к нему так же, как большинство его современников: с жутью, беспокоейством... Непобедимой внутренней тревогой заражает этот единственный в своем роде человек: угрюмый, востроносый, с пронзительными глазами, больной и мнительный» [1, с. 293–298]. В своих столь непохожих друг на друга произведениях: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Вий», «Ревизор», «Мертвые души», «Шинель», «Нос», «Записки сумасшедшего» и др. удивительный талант Гоголя

проявляется по-разному, то поражая читателя богатством языка и колоритностью украинской темы, то увлекая фантастикой петербургских повестей, то вызывая смех в «Ревизоре» и «Мертвых душах»... Но есть во всех этих произведениях нечто общее, нечто такое, что заставляет отрывать свой взор от живописной картины украинской ночи, с которой могут соперничать разве что полотна А. Куинджи, ее сладкозвучных украинских песен, что-то настораживает, мешает наслаждаться этой красотой. За произведениями постоянно появляется личность автора, странная и противоречивая, ускользающая от пристального взгляда. В. Розанов видел в Гоголе зловещую фигуру: «Дьявол вдруг помешал палочкой дно и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. “Лишние люди”. Тоскующие люди. Дурные люди» [2, с. 442].

Возможно, виной всему стала загадочная русская душа, в которую, как в темный омут, не побоялся и заглянул Гоголь, и то, что он там увидел, навсегда лишило покоя его собственную мятущуюся душу. Всю свою жизнь он пытался выразить увиденное, но образ ускользал, вместо него появлялись чичиковы, маниловы, ноздревы, словно в дьявольской пляске метели возникали их ужасные лица, заставляя то смеяться над ними, то содрогаться от ужаса. Вспомним его признание в «Авторской исповеди»: «На меня находили припадки тоски мне самому необъяснимой... Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать» [3]. Но смешное постепенно переставало быть смешным. Пушкину

стало грустно за Россию после прочтения «Мертвых душ», Гоголь смеялся. Что-то в этом взгляде было изначально неверное, порочное, с наслаждением отыскивающее недостатки и зло в людях. Д. Мережковский удачно сравнивает Гоголя с героем андерсеновской сказки, которому в глаз попал осколок дьявольского зеркала, что превратило сам процесс творчества писателя в постоянную борьбу с собой, со своими бедами, вечный поиск себя, своего места в этом мире. Гоголь с поразительной четкостью видел мир темных сил, он был им словно загипнотизирован, его взгляд был прикован к нему. У него было особое чутье, как бы особый орган восприятия зла в мире и в самом себе. Страшный дар, за который Гоголю пришлось заплатить высокую цену, ибо этот взгляд был лишен самого главного — любви, той самой прощающей, всему верящей, милующей любви, без которой нет у человека права ни осуждать, ни судить. Возможно, именно отсюда тот постоянный надрыв, отчаяние, периоды, когда он сам себе становился противен: «Вам около меня грязно, амне с собой страшно» [4]. Сердце Кая в последнее мгновение спасли слезы Герды. Гоголь был одинок на своем пути, в последнее мгновение его сердце смог согреть только огонь его рукописей.

Был, конечно, и свет, как в жизни, так и в творчестве Гоголя — об этом свидетельствуют многие места «Размышлений о Божественной литургии», «Переписки», «Арабесок» и др. Но в его произведениях этот свет не играл по силе и значительности роли антитезы тьмы. И в этом мучительном противостоянии Гоголь просит только об одном: «Путь мой труден; дело мое такого

рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше... Ради Христа, обо мне молитесь» [5].

Вторжение в жизнь людей демонического начала и отчаянная борьба с ним — лейтмотив всех его произведений. На исход этой борьбы автор смотрит с безнадежностью: в «Вечере накануне Ивана Купала» побеждает Басаврюк; в «Страшной мести» все, прикоснувшиеся к злой силе, осуждены на гибель (Данило, Катерина, ее маленький сын), умирают Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках», гибнет Тарас с двумя своими сыновьями в «Тарасе Бульбе», сходит с ума и умирает художник Чертков в «Портрете», сходит с ума и перерезывает себе горло художник Пискарев в «Невском проспекте», сходит с ума чиновник Поприщин в «Записках сумасшедшего». Из страшного мира, в котором властвует зло и царит смерть, уйти некуда. Пытается спастись бегством Хлестаков, бежит Чичиков... Дорога, в ней спасение, как будто временная победа над пространством и временем. Может быть, именно поэтому постоянно в дороге, в переездах и сам автор. «Видно, на то воля Божья, и мне нужно более, чем кому-либо, считать свою жизнь непрерывной дорогой... Не прошло пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному... Я знал только, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорее, чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю

цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее» [6].

Вот в этом «добуду любовь», по мнению В. Мочульского [7], возможно, и кроется причина того душевного мрака, который окутывал душу писателя, — ему постоянно приходилось «добывать любовь», без которой никому не удастся преодолеть плен человеческих пороков. А отсюда такой холод, сарказм, ирония, смех и слова, огромное количество слов о любви к ближнему вместо самого чувства. «В несколько раз выше подвиг того, — пишет Гоголь, — кто не получая благодати, не отстает от Бога и выносит крест, тягчайший всех крестов — крест черствости душевной» [8]. До самой смерти Гоголь, страстно стремившийся делать добро и служить ближним, был лишен простой непосредственной любви к людям. Он должен был «насильно» любить, «насильно» быть добрым. Что мешало этому? Возможно, страх, тот леденящий, убивающий душу страх, который всю жизнь преследовал писателя, день за днем разрушая его жизнь. Любовь — это ведь тоже загадка для человечества, но здесь есть аксиомы. Одна из них состоит в том, что любовь и страх имеют разную природу, они не совместимы. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви», — говорит апостол Иоанн [9]. Для Гоголя полюбить тождественно смерти. Влюбленному Данилевскому он пишет: «Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбе, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение» [10]. Гоголь

боялся сгореть в пламени страстей, как псарь Микита в «Вие» сгорает действительно. Влюбившись в ведьму-панночку, он позволяет ей положить на него свою ножку. «Панночка подняла свою ножку, и как увидел он ее нагую, полную и белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его. Он, дурень, нагнул спину и, схвативши обеими руками за нагие ее ножки, пошел скакать, как конь, по всему полю» [11]. Финал печален: «Когда раз пришли на конюшню, то вместо него лежала только куча золы да пустое ведро: сгорел совсем, сгорел сам собою» [12]. Страх смерти преследовал писателя с детских лет. Ради жизни он готов отказаться от любви, но оказывалось, что без любви не получалось и подлинной жизни... «Две половинки его души, светлая и темная, были: любовь и безлюбовь, религиозное горение и безблагодатность. Это трагическое противоречие можно проследить в отношениях Гоголя к друзьям: то самоотверженное служение, то холодное доктринерство; жутко читать некоторые письма его к Погодину, Аксакову, сестрам, но особенно поражают перебои заботливости и бессердечности в переписке с матерью» [13]. Видимо, поэтому в произведениях Гоголя нет ни одной истории любви, нет ее и в его жизни, его описания женщин — это скорее шаржи, чем художественные образы. Только в «Вие» он пытается взглянуть на женщину как художник, но ее красота оказывается мертвой: «Перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте... Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно прон-

зительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню похоронную» [14].

Женская красота — отправная точка для понимания красоты в мире и источник мучений для Гоголя. Он приходит к выводу о том, что красота — божественного происхождения; но сейчас торжествуют демонические силы и они исказили этот мир, изуродовали красоту, превратив красавицу в блудницу («Невский проспект»), любовь — в дьявольское наваждение. Принять такую жизнь нельзя, в ней только мрак, тьма, злое начало. А писатель мечтал создать нечто положительное, яркое, дающее неизреченный мир и покой, которых так не хватало и его собственной измученной душе. Он хочет изменить жизнь, и свое предназначение как писателя и гражданина Гоголь видел именно в этом. Реализации этой цели посвящена вся вторая половина его жизни.

Одновременно возникает второй аспект проблемы — облик самого писателя, состояние его души, его ответственности за сказанные слова. Чтобы творить красоту, нужно самому быть прекрасным, быть цельной и нравственной личностью; его жизнь должна быть столь же совершенна, как и его искусство, ибо служение красоте есть нравственное дело и религиозный подвиг. Чтобы исполнить долг перед человечеством, возложенный на него, писатель должен просветить и очистить свою душу, вырваться из мрачного круга своей судьбы. Гоголь хотел стать не только великим художником, но и учителем нравственности, и христианским подвижником, и мистиком. Он пытается

ся разрешить вопрос, в чем состоит то нравственное совершенство, к которому он намерен вести своих читателей, и ответ на этот вопрос он находит в Евангелии и в писаниях святых отцов церкви. Ссылаясь на книгу Фомы Кемпийского, в письмах своим давним приятелям С. Т. Аксакову, М. Н. Погодину, С. П. Шевыреву Гоголь советует хотя бы один час проживать «внутреннюю, сосредоточенную в себе жизнь», поступать так, как поступал Христос, бывши на земле: приносить утешительное слово, исцелять болящие души людей, указывать путь к спасению [15].

С начала 1840-х гг. религиозные настроения, свойственные ему и ранее, начинают в нем преобладать. В поисках ответа на эти вопросы писатель обращается к православию. «Мы вообще знаем плохо нашу церковь, — пишет Гоголь. — Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы его почувствовать, но не знаем даже, где положили его. Церковь... одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши» [16].

Об этой второй половине жизни Гоголя шло много споров. Кто-то считал, что Гоголь просто сошел с ума, кто-то усматривал в этом фальшь, игру самолюбия. В. Розанов заметил: «Гоголь был, конечно, болен нравственными заболеваниями от чрезмерности душевных глубин своих. Его трясло как деревню на вулкане. Но в чем секрет вулкана, из которого сверкали по ночному небу зигзаги молний, текла лава, сыпался песок и лилась грязь: этого, не заглянув туда, нельзя сказать. А заглянуть — тоже нельзя» [17].

Но так ли уникально и случайно было обращение писателя к правосла-

вию? Возможно, Гоголь своей обостренной интуицией сумел почувствовать и передать те глубинные процессы, которые происходили в России в то время, обозначив два противоположных направления развития русской культуры. В начале XIX в. для России, попавшей после петровских преобразований на некоторое время под влияние Запада, наступило то время умственной зрелости, когда в лице наших лучших мыслителей она могла освободиться от подражательности и, осознав свои национальные и исторические цели, выйти на самобытный путь. Настал период, когда нужно было выбирать, что должно стать определяющим вектором ее дальнейшего развития. И особенно важным был вопрос о месте духовной православной традиции, которая бережно сохранялась и развивалась в святоотеческом предании, несмотря на жестокое гонение, которому она подверглась в XVIII в. Речь идет о русском старчестве, являющимся стержнем православной духовности, своего рода квинтэссенцией православия. «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением», — писал А. С. Пушкин [18].

Своими историческими корнями этот феномен восходит к IV–V вв. — периоду зарождения православной аскезы в Египте и Палестине — и связан с деятельностью ее первых создателей и учителей (свв. Антония Великого, Макария Великого, Иоанна Златоуста, свв. Нила Анкирского, Иоанна Кассиана, Ефрема Сирина и др.) Воспроизводя на российской почве главнейшие, классические черты феномена мистико-аскетической традиции, русский исихазм богат и чертами своеобразия, наиболее яркой выразительницей которых

стала Оптиная Пустынь. Старчество в Оптиной Пустыни берет начало от схииерхимандрита Паисия Величковского, молдавского старца, возродителя духовного делания в монашестве, выходца из Полтавской губернии. Из Рославльских лесов в Оптину переселились его последователи во главе с иеросхимонахом Львом. Старец Лев, могучий и властный, открывает ряд старцев. Его ученик и соотайник о. Макарий возглавляет группу ученых и литераторов — монахов и мирских лиц, которые обрабатывают и перекладывают на литературный язык переводы писаний величайших аскетов древности, сделанные старцем о. Паисием с греческого языка. При старце о. Амвросии — ученике о. Льва и о. Макария — Оптиная достигает расцвета. Слава о монастыре гремит по всей России. В него устремляются со всех концов ее. К старцам в Оптину шли за утешением, исцелением, за советом, руководством, указанием. К ним шли те, кто запутался в своих житейских обстоятельствах или в философских исканиях, те, кто жаждал высшей правды. Выдающиеся мыслители эпохи, философы, писатели побывали там: братья Киреевские, позже — Толстой, Достоевский, Соловьев, Леонтьев... Всех не перечесть. Был там и Гоголь, который так нуждался в утешении и молитве старцев. «...Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне», — писал он к иеромонаху Оптинского монастыря о. Филарету [19].

В начале XIX в. Оптиная Пустынь стала центром духовного возрождения

русской культуры, где сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, и служение миру в его духовных и житейских нуждах. Это возрождение имело всю полноту духовной жизни. Душою же всего и инициатором был старец Макарий. Под его влиянием И. В. Киреевский закладывает основание философии «цельности духа», которая должна была лечь в основу русской самобытной культуры. Прерванное Регламентом Петра I и указами 1787 и 1808 гг., возобновляется издание святоотеческих книг. Под началом митрополита Филарета Московского эта работа объединила вокруг себя таких известных деятелей культуры того времени, как Шевырев, Погодин, Максимович, братья Киреевские, издатель «Маяка» Бурачек, Аскоченский, Норов, Муравьев и впоследствии Л. Кавелин (архим. Леонид), Карл Зедергольм (о. Климент) и Т. И. Филлипов. Участвовал в проекте и Н. В. Гоголь. Деятельность оптинской «аскетико-филологической школы» имела большое значение: с нею наступал поворот, преодоление описанного о. Георгием Флоровским «западного пленения» русского богословия, когда труды Отцов воспринимались в основном через «посредство немецкой и латинской учености» [20, с. 501].

Именно в святоотеческом предании Гоголь черпает идеи о цельности духовной культуры, ее религиозном обосновании, об устройении человеческого общества на основах церковной соборности, о преображении мира путем внутреннего просветления человека, которые прозвучали в его «Избранной переписке с друзьями». Именно в Оптиной он окончательно убеждается в ре-

лигиозном призвании России, в том, что смысл национального бытия России — религиозный: она страна мессианская, призванная распространить по всему миру Свет Христова Просвещения.

Но самым главным достижением русского старчества была совершенная самоотреченная любовь, которую дарили миру их великие сердца. Русский народ любил монастыри как свои народные святыни. И старцы отвечали на эту народную любовь. Прежде всего имеется в виду это умение, духовный дар религиозно говорить с народом, удовлетворять по возможности всем запросам народной души, и казалось, что монашествующие при этом отступили как бы на второй план. В Оптиной пустыни целые корпуса построили для приезжающих к старцам мирян, и старцы от зари до зари принимали их, отдавая лишь вечера своей братии. Леонид Оптинский, со своим удивительно ярким и всегда самобытным словом убеждения, доказывал, что доля старца — быть на служении всему человечеству. Когда, например, о. Леонид говорил, что он ничего более не желал бы, как возможности сидеть тихонько в своей келии, и только любовь к людям заставляла его постоянно принимать посетителей, то он точно выражал настроение и всех других старцев. Для русского старчества характерно отсутствие какого-либо показного благочестия при строгости к разрушителям православия, жизнерадостность в отношениях с людьми при скрытности внутренних борений; эта святая простота, нелюбовь к высокопарности, житейская опытность и есть все покрывающая любовь, прощающая, милующая любовь, кото-

рой так не хватает в мире. И еще одна черта, очень важная для нашего времени, — «историческая жизнерадостность». Все старцы оптинские говорили и писали о грядущих бедствиях, их пророчества были очень конкретные, и многие из них уже сбылись, но тон пророчеств, общее настроение при разговорах об испытаниях и даже о конце времен неизменно проникнуты упованием на милость Божию к верующим. Старцы верили в будущее духовное возрождение России и повторяли, что при любых скорбях надо помнить, что «любящим Господа все содействует ко благу» и «вообще всякое торжество зла над добром бывает только мнимое временное», потому что «зло уже побеждено самим Спасителем нашим Сыном Божиим Иисусом Христом» [21, с. 120].

Гоголь трижды посещает Оптину Пустынь. В первый приезд он пробыл в монастыре 3 дня. Писатель познакомился с игуменом Моисеем, старцем Макарием, монастырской братией. Уже после первого посещения Оптиной Пустыни Гоголь совершенно меняется. Он обнаруживает совершенно иной мир, в котором борьба зла и добра predetermined победой добра, где не нужно добиваться любви — она дается тебе даром, где душевная красота не грозит обернуться химерой. «Блестит вдали какой-то луч спасения, — говорит он в письме, — святое слово — любовь. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде» [22]. Он знакомится с монастырем, его историей, посещает скитскую библиотеку, зна-

менитую своими замечательными рукописями, в том числе болгарскими переводами восьмидесяти постнических слов св. Исаака Сирина, писанными на Афоне еще в 1389 г. Позднее, в 1851 г., на полях первого тома «Мертвых душ» (экземпляра, принадлежавшего графу А. П. Толстому) Гоголь оставил замечание, свидетельствующее о том огромном впечатлении, которое произвело на него знакомство с творениями преподобного Исаака Сирина: «...Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инокa. Здравая психология и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимание природы души» [23]. Оптиная Пустынь и рукописи творений преподобного Исаака Сирина стали тем духовным источником, припав к которым Гоголь словно прозревает. Он становится, по собственному выражению, «умнее» и испытывает раскаяние за «гнилые слова», ставшие проявлением его «человеческой гордости» — желания пощеголять словом. Беседы со старцем Макарием укрепляли желание Гоголя изменить направление своего таланта. Последний, третий раз, Гоголь был в Оптиной Пустыни 23–25 сентября 1851 г. проездом из Москвы. В это последнее посещение Оптиной Пустыни писатель встречался и беседовал с о. Макарием не один раз. Гоголь решает стать монахом, молитвенником за всех, за все скорби и грехи людские. Он обращается за разрешением остаться монахом в Оптиной Пустыни к о. Макарию, но получает отказ.

Гоголь был мистически настроенный человек, доходивший в религиоз-

ной экзальтации до крайнего суеверия; монахи Оптиной Пустыни были поражены набожностью великого светского писателя, тщательностью и аккуратностью, с которой он подходил к исполнению религиозных обрядов. Но монашество — это уже осуществленный выбор, а Гоголь до последних дней своих оставался на перепутье. Его талант писателя-сатирика находился в противоречии с духовными его устремлениями, не позволял оторваться от земли. И в этом истоки трагедии Гоголя. Пожалуй, лучше всех понял это мучительное для писателя состояние раздвоенности В. А. Жуковский. В марте 1852 г. он с горечью писал П. А. Плетневу: «...Его (Гоголя) болезненная жизнь была и нравственным мучением. Настоящее его призвание было монашеское... Его творчество, по особенному свойству его гения, в котором глубокая меланхолия соединялась с резкой иронией, было в противоречии с его монашеским призванием, ссорило его с самим собой. По крайней мере, так это мне кажется из тех обстоятельств, предшествовавших его смерти, которые вы мне сообщили. Гоголь, стоящий четыре дня на коленях, не вставая, окруженный образами (говорящий) тем просто, которые о нем заботились: “Оставьте меня, мне хорошо”... Путь, которым он вышел из жизни, был самый успокоительный и утешительный для души его» [24].

Гоголь умер 21 февраля (4 марта) 1852 г. За несколько часов до смерти, по свидетельству доктора Тарасенкова, он закричал громко: «Лестницу, поскорее давай лестницу!» Он тщетно пытался приподняться повыше... Куда стремился он в последние минуты своей жизни?

Та ли это башня из слоновой кости, на которую хотел взобраться Флобер, чтобы не видеть человеческой пошлости? Или это что-то другое, далекое от человеческой гордыни, та подлинная высота человеческого духа, к которой мы стремимся всю свою жизнь, но только избранные единицы обретают ее в земном существовании?

Так певцом чего же был Гоголь — света или тьмы? Он смог выразить то напряжение, которое создают эти два полюса, и в этом была его сильная сторона как художника. Он был разрываем противоречиями, и только на этом разломе, возможно, и могли родиться такие потрясающие по глубине и красоте строки и образы. Но человеку было невыносимо выдерживать это напряжение. В своем творческом пути, исполненном постоянной внутренней неудовлетворенности, чередой взлетов и падений, разрываясь между верой и отчаянием, смирением и гордостью, Гоголь сумел сделать выбор в пользу света, сжечь вместе со вторым томом «Мертвых душ» свою прошлую жизнь. Воспитанный в православной, религиозной семье, хотя

и в несколько экзальтированной обстановке, он устремился к свету, а светская русская культура осталась просто-напросто чуждой всем этим пластам духовного опыта, она пошла по пути, о котором написал В. Белинский в своем «Письме к Гоголю», и цена этого выбора оказалась весьма высокой. Вектор отклонился... В «Бесах» Ф. М. Достоевский уже точно определяет, куда «несется» Русь... Но ведь кто тогда мог знать, что гоголевская «тройка» обернется для России химерой партийных большевистских «троек»? Гоголь не знал, но интуитивно угадывал и сумел с помощью писательского дара гениально передать эту тревогу и ужас от предчувствия будущего. И сейчас, спустя 200 лет, измученная революциями и войнами, поруганная и осмеянная, такая не похожая на гоголевскую и пушкинскую, в монастырях и храмах, поднимающихся из руин, сегодняшняя Россия смиренно стоит на коленях и еле слышным шепотом, обратившись все к тем же своим святым и старцам, повторяет одну-единственную гоголевскую фразу: «Пожалуйста, ради Христа, помолитесь обо мне».

1. Блок А. Дитя Гоголя // Блок А. Собр. соч.: в 3 т. М., 1999. Т. 3.
2. Розанов В. Избранное. Мюнхен, 1970.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.–Л., 1937.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Мочульский К. Духовный путь Гоголя // Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
8. Гоголь Н. В. Указ. соч.
9. 1 Ин. – 4: 17–18.
10. Гоголь Н. В. Указ. соч.
11. Там же.
12. Там же.
13. Мочульский К. Указ. соч.
14. Гоголь Н. В. Указ. соч.
15. Там же.
16. Там же.

17. *Розанов В.* Указ. соч. С. 442.
18. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 9 т. М., 1936. Т. 6.
19. *Гоголь Н. В.* Указ. соч.
20. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
21. *Муравьев А. Н.* История русской Церкви. М., 2002.
22. *Гоголь Н. В.* Указ. соч.
23. Там же.
24. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2000. Т. 15–20.

И. А. ИВАНЧУК

ГОГОЛЬ — «КОЛУМБ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ДИАЛОГА»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Гоголь, реалистический стиль, диалог, семантическая организация, филологический анализ

KEY WORDS:

Gogol, realistic style, dialog, semantic organization, philological analysis

Статья посвящена филологическому анализу творчества Гоголя. Предметом исследования автора является диалог в произведениях великого писателя, вопросы его структуры, особенности семантической организации, функции средств комического. Автор считает, что реалистический стиль диалога Гоголя оказал влияние на развитие этого важнейшего компонента художественного текста и в последующих произведениях русской литературы, а также на развитие русского литературного языка в целом.

Филологический анализ художественного мира Гоголя, осуществленный плеядой исследователей 1930–1990-х гг.: В. В. Виноградовым, Г. А. Гукским, Ю. Манном, В. В. Прозоровым, С. Машинским и др. — и новые интерпретации творчества писателя, предложенные в конце XX — начале XXI вв. в работах И. А. Виноградова, Б. Соколова, И. П. Золотусского и др., раскрыли особенности дара гениального художника-реалиста. Однако мнение С. Машинского: «Изучение стиля, художественного мастерства Гоголя все еще остается далеко не в полной мере решенной задачей» — до сих пор не устарело.

Хотя в науке накоплены ценные наблюдения и выводы о диалоге Гоголя, вопросы структуры его диалога, осо-

The article is dedicated to philological analysis of Gogol's oeuvre. Dialog in the writings of the great writer is the subject of the author's investigations, namely the questions of dialog structure, specific features of semantic organization, and functions of the comic tools. The author states that realistic style of Gogol's dialog caused a great influence on the development of the most important component of literary text in the all the subsequent writings of Russian literature, as well as affected the Russian literature language as a whole.

бенности семантической организации, функции средств комического продолжают оставаться актуальными. Некоторые аспекты названных проблем и являются предметом изучения в данной статье.

В. Г. Белинский писал: «У Гоголя есть <...> *слог*. Гоголь не пишет, а рисует, его изображения дышат новыми красками действительности. Каждое слово, каждая фраза резко, определенно, рельефно выражает у него мысль, и тщетно бы хотели вы придумать другое слово, или другую фразу для выражения этой мысли. Это значит иметь *слог*, который имеют только великие писатели» [1, с. 35].

В системе стиля Гоголя важную роль играет диалог.

Образная характеристика роли Гоголя в развитии художественного диалога — «Колумб нового реалистического диалога» — принадлежит В. Ф. Одоевскому, и эта афористическая формула выразительно отражает новизну и художественную ценность открытия Гоголя.

Язык прозы начала XIX в. был гораздо менее развит, чем язык поэзии, и самой архаичной в нем оставалась речь персонажей, ее диалогическая структура.

В историю русского литературного языка Гоголь вошел как писатель, глубоко и органично воспринявший пушкинские языковые законы художественного текста, творчески воплотивший их в оригинальном, своеобразном стиле своих произведений и тем самым открывший новую эпоху в развитии стилистики русской художественной речи.

Рассмотрим несколько аспектов своеобразия гоголевского диалога.

Диалог Гоголя и общенародный язык

Как наглядно показал в целостной системе своих исследований языка Гоголя В. В. Виноградов, к Гоголю применима еще в большей степени, чем к Пушкину, характеристика Гоголем роли поэта в развитии русского литературного языка: «Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал все его пространства» [2, с. 181]. Начиная с В. Г. Белинского, все исследователи творчества Гоголя подчеркивали особый характер его языка.

Гоголь не только обогатил русскую литературу новым ярким, самобытным, многоцветным и необычайно гибким и творческим стилем, но озаменовал

целую эпоху в развитии русской литературы и русского литературного языка: начиная с 1830-х гг., русский язык развивался под влиянием языка Гоголя, его стилистической системы.

В своем творчестве Гоголь воплощает великое открытие мира Пушкина — его обращение к смысловому богатству и могучей изобразительной силе русского просторечия. Знаменательно, что Пушкин связывает новое отношение к просторечию в русской литературе с новым этапом ее развития — периодом ее зрелости, переходом от искусственных форм изображения к правде жизни: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» [3, с. 76].

Просторечие становится самой активной лексической струей в новом, реалистическом, стиле Пушкина, проникая во все без исключения жанры и изменяя свои функции, преодолевая традицию XVIII в., когда просторечие служило лишь социальной приметой речи персонажей из «низов» или характерологическим средством в речевых стилях отрицательных персонажей. Пушкин видит в просторечии средство правдивого, исторически конкретного изображения действительности, способ раскрыть новые идеалы, связанные не с абстракциями и риторикой, но открывающие истинные человеческие ценности в простом и обычном, превращающие обыденное в высокое, прекрасное, гармоничное. При этом из просторечия Пушкин отбирает всеобщепотребитель-

ную, общенародную лексику, советуя избегать грубого, вульгарного просторечия, языка «дурных обществ» (таких слов, как *нализаться* в значении «напиться», *склизкий*, *откудова*). В своем обращении к просторечию Пушкин ориентируется на язык «хороших обществ», но не изысканных светских салонов, а «людей умных, честных и образованных», т. е. передовой русской дворянской интеллигенции.

Отправляясь от этого открытия Пушкина, полностью разделяя демократический дух его языковой позиции, Гоголь идет по этому пути еще дальше, необычайно смело расширяя круг источников внелитературных средств, не исключая и резко оценочных, экспрессивных лексических единиц грубого просторечия, из которого он формирует и речь персонажей, и сказ рассказчиков «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Рудого Панька, дьяка Ивана Григорьевича, и образ автора в «Мертвых душах» (ср. в сказе Фомы Григорьевича и Рудого Панька: *богослов уже успел подтибрить с воза целого карася; он имел обыкновение упрятать на ночь полтудовую краюху хлеба; уписывать, фукнул, уходился страх* и т. д.).

Грубая стихия провинциальной фамильярно-бытовой речи в повести «Старосветские помещики» образует контрастный фон для сентиментальной манеры речевых стилей патриархальных персонажей — Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича: *жаловались на животы свои; ужасно жрали все во дворе*.

В «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» просторечие выступает вырази-

тельным средством характеристики одного из персонажей — Ивана Никифоровича, с его прямолинейностью, грубостью, бесперемонностью, в противовес слащавой обходительности и мнимой доброжелательности Ивана Ивановича: *С вами говорить нужно гороху наевшись; Что вы так раскудахтались?; Я вам, Иван Иванович, всю морду побью...* и т. д.

Просторечная лексика в более нейтральной тональности представлена в «Петербургских повестях»: *калякает народ, сосут водку, мужики тыкают пальцами* («Портрет»); *влепить поцелуй, живет на фуфу* («Невский проспект») и т. д.

Гоголь открывает страницы своих произведений для элементов самых разнообразных внелитературных сфер:

- диалектной лексики: *кустилось просо, метали стога, клади хлебные; порхлиця*, детали избы: *конек, подвалка, лбище* («Мертвые души»);
- жаргонизмов, например, заимствованных из картежного жаргона: *Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк; играть дублетом; с тобой играть — с бритвы мед лизать* («Мертвые души»).

Широкий спектр внелитературной лексики включает и арготизмы, которые привлекаются и в диалог, и в авторскую речь: *подтибрила, понесли крепкую ссадку на бока, под микитки и в подсочельник. У одного из восторжествовавших даже был вплоть сколот насос, то есть весь размозжен нос* («Мертвые души»).

По определению В. В. Виноградова, величие Гоголя «в том, что он тонко и точно оценил историческое значение

пушкинского понимания народного, национального реализма и социально-бытовой характерности в сфере словесного искусства для свободного развития национальных стилей русской литературы» [4, с. 13].

Структура диалога как реализация социальной и психологической природы речевого поведения персонажей

Новое понимание Гоголем границ языка художественной литературы сделало возможным решение важнейшей проблемы поэтики, имеющей принципиальное значение для реалистического развития русской художественной литературы XIX в., а именно проблемы структуры диалога как формы реализации социальной и психологической природы персонажей.

Языковая картина мира Гоголя отражала в юмористическом, ироническом ракурсе все изъяны и пороки общества, все искривления и греховные помыслы человека. Обладая бесценным даром видеть смешное, искривленное, нарушающее законы добра и красоты в обществе и человеческой жизни, Гоголь создавал особые, не известные ранее или не получавшие должного эстетического применения способы языкового комизма.

Гоголевский смех, самим писателем названный *смехом сквозь слезы*, не просто веселил, но заставлял задуматься над социальным неблагополучием, над изъянами и пороками человеческой природы. Смех получал особые формы речевого проявления, которые вошли в сокровищницу комедийно-сатириче-

ских жанров и обогатили стилистические возможности русской художественной речи.

Основополагающие исследования о семантике диалогического слова (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Г. О. Винокур, Л. П. Якубинский, В. В. Одинцов, М. М. Бахтин и др.) определили аспекты изучения этой проблемы, выделив такие вопросы, как жанровая специфика семантики слова в диалоге, горизонтальные (в пределах единой системы речи персонажа) и вертикальные (в соотношении с разными контекстами художественного целого) закономерности семантики слова, виды семантической сложности слова в диалоге, подтекст и др.

М. М. Бахтин обратил внимание на «тончайшие изменения смысла, которые происходят при напряженной диалогичности» в художественном тексте [5, с. 123–134]. В. В. Виноградов раскрыл «возможности эмоциональных эффектов, которые обусловлены отношением стиля диалога к общему тону повествования и особенностям чередования реплик в диалоге, его строением» [6, с. 451]. Б. А. Ларин создал стройную теорию семантического своеобразия диалогического слова в драме, выделив два наиболее важных его проявления — сценичность и смысловую дуплановость [7, с. 164–166].

Одним из наиболее своеобразных и эстетически действенных приемов построения комических и сатирических диалогов является известный гоголевский *алогизм*.

Эту особенность как типичную и очень важную черту речи гоголевских персонажей выделяет В. Ф. Одоевский, называя ее «бессмыслицей»: «Когда вы

ее услышите — она рассмешит вас — и только; но в мире искусства другие законы — здесь бессмыслица остается просто бессмыслицей. Чтобы выразить эту черту, без которой характер простолюдина будет всегда не полон, надобно для выражения сей черты найти такую речь, которая бы соответствовала и характеру простолюдина, и требованиям искусства» [8, с. 223].

Приведем пример такой художественной значимости алогизма («бессмыслицы») — финал «Женитьбы».

После долгих сомнений и колебаний Подколесин, решившийся, наконец, на женитьбу, в день свадьбы вдруг снова оказывается охваченным страхом потерять свободу и выпрыгивает из дома через окно. Тетка невесты, Арина Пантелеймоновна, в ярости подступает к Кочкареву, другу Подколесина, усилиями которого свадьба должна была состояться:

Что же вы, батюшка, в издевку-то разве, что ли? Посмеяться разве над нами вздумали? На позор разве мы достались вам что ли? Да я шестой десяток живу, а такого страму не видывала. Да за то, батюшка, вам плюну в лицо, коли вы честный человек. Да вы после этого подлец, коли вы честный человек. Осрамить пред всем миром девушку! Я мужичка, да не сделаю этого. А еще и дворянин! Видно только на пакости да на мошенничества у вас хватает дворянства! [9, с. 148].

Алогизм сочетания слов: *плюну в лицо, подлец / коли вы честный человек* — отнюдь не бессмыслица в обстоятельствах персонажей и в сознании Арины Пантелеймоновны. Малообразованная женщина (*страм, мужичка, пакость*), она в состоянии возмущения

и обиды не может логично передать свои чувства (ср. нестройную фразу с повтором: *на позор разве мы достались что ли?*), отсюда и рождаются внешне алогичные сочетания качеств, которые не могут быть одновременно присущими человеку, — антонимичные слова и понятия: *подлец / честный человек*.

Но ярость — не единственная причина прозвучавшей бессмыслицы: во-первых, героиня, мещанка по своему социальному положению, робеет перед дворянским званием Кочкарева и, хотя и говорит с горечью о своем разочаровании в дворянах, все же не смеет бросить Кочкареву прямо в глаза столь резкое обвинение, не смягчая его оговоркой *если вы честный человек*; во-вторых, алогичная оговорка, ослабляя категоричность оскорбления (*подлец*), выражает возможное предположение Арины Пантелеймоновны, что произошедшее — это проступок, ошибка, случайность, а не проявление сути характера Кочкарева; наконец, где-то в глубине души у тетки невесты сохраняется робкая надежда, что все еще можно поправить, а значит, надо сохранить шанс на примирение.

Наиболее интересным сценическим приемом в прозаическом диалоге Гоголя является особый тип соотношения смыслового и эмотивного наполнения реплик персонажей и окружающего диалог контекста.

Гоголь применял в своих произведениях особый прием семантического несоответствия реплики и вводящего или соседствующего контекста, создавая тем самым особый вид алогизма. Нарушение логических связей контекста и диалога, ассоциативное сближение несовместимых, противоречащих

друг другу смыслов в их художественном взаимодействии рождают оценку, обнажают истину. Такая структурная организация текста всегда обладает на самом деле глубоким смыслом, только скрытым в подтексте. Ярким примером такого алогизма служат контексты «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Наивный и простодушный рассказчик ведет повествование о двух друзьях, чувствующих себя добропорядочными людьми и гордящихся и своей принадлежностью к дворянскому сословию, и образованностью.

Повествование начинается с гимна бекеше Ивана Ивановича. Рассказчик приходит в неопишуемый восторг при виде нее: *Славная бекеша у Ивана Ивановича, отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки!* и т. д. Наконец, дело доходит до характеристики самого владельца бекеш: *Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде!* Читатель несколько удивлен соседством двух характеристик: личности героя и его дома. Далее связь человека и вещи выглядит еще более странной: *Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни.* Наконец, дается третье подтверждение достоинств персонажа: *Прекрасный человек Иван Иванович! Его знает и комиссар полтавский!*

И хотя о душевных качествах пока ничего не сказано, читатель все же склонен верить рассказчику, что герой прекрасен. Правда, как и соседство восторженного отзыва о человеке и об имуществе, о привычке, о знакомстве, несколько настораживает связь еще двух обстоятельств в жизни Ивана Ивановича: *Детей у него не было. У Гапки есть*

дети и бегают часто по двору. Иван Иванович всегда дает каждому из них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. И почему-то сразу после этой картинки «щедрости» Ивана Ивановича рассказчик приводит характеристику Гапки: *Гапка, девка здоровая, ходит в запаске, с свежими икрами и щечками* (выделено Гоголем).

Но если эти полунамеки вызывают лишь некоторые сомнения в истинности достоинств Ивана Ивановича, то следующий далее диалог в церкви проясняет суть его характера. «Природная доброта» побуждала героя обойти всех нищих. Отыскав самую искалеченную бабу, Иван Иванович заводил долгую беседу, финал которой бывал таков: *«Гм! Что же тебе разве хочется хлеба?»* обыкновенно спрашивал Иван Иванович — *«Как не хотеть! Голодна, как собака!»* — *«Гм»* — отвечал Иван Иванович: *«так тебе, может, и мясо хочется?»* — *«Да все, что милость ваша даст, всем буду довольна»* <...> *При этом старуха обыкновенно протягивала руку.* *«Ну, ступай же с богом»,* говорил Иван Иванович. — *«Чего же ты стоишь? Ведь я тебя не бью!»* [10].

Диалог и предшествующее описание вступают в резкое логическое противоречие и, хотя в тексте диалога нет никаких осуждающих Ивана Ивановича оценок, рождающийся в подтексте смысл, антитетичный лейтмотиву *прекрасный*, горькой иронией окрашивает характеристику персонажа и в подтексте рождает истинную оценку его сущности, обличая в этом *прекрасном* человеке жестокого, бессердечного и бессовестного эгоиста, ханжу и лицемера, скрягу и сластолюбца — ничтожество, воплощающее ту *пошлость пошлого человека*,

разоблачение которой Пушкин считал великим назначением Гоголя.

Диалог Гоголя активнее, чем у его предшественников, отражает социально-речевое своеобразие реплик персонажей, начиная в литературе традицию русской драматургии строить диалог на *контрасте социально обусловленных семантических вариантов слова*. Традиция эта особенно широко представлена в драме Островского, Гоголь же впервые эстетически действенно акцентирует эту черту диалога.

Контраст нормативной и социально обусловленной семантики слов становится основой комической сцены непонимания героями друг друга. Таков диалог в «Женитьбе». Основной конфликт комедии связан с желанием невесты найти жениха непременно из дворянского сословия. Диалог Агафьи Тихоновны и свахи Феклы строится на социально-речевом расхождении значений слова *дворянин*:

Арина Пантелеймоновна.
Ну уж, чай, хороших приманила!

Агафья Тихоновна. *А сколько их? Много?*

Фекла. *Да человек шесть есть.*

Агафья Тихоновна (вскрикивает). *Ух!*

Фекла. *Ну что ж ты, мать моя, так вспорхнула? Лучше выбирать: один не придется, другой придется.*

Агафья Тихоновна. *Что ж они: дворяне?*

Фекла. *Все, как на подбор. Уж такие дворяне, что еще и не было таких.*

Агафья Тихоновна. *Ну, какие же, какие?*

Фекла. *А славные все такие, хорошие, аккуратные* [11]. (В речи Агафьи

Тихоновны *дворянин* в узальном значении «из дворянского звания», в речи Феклы — в мещански-оценочном значении «благородный, приличный, обходительный», что подчеркивается сочетанием с местоимением *такой* в значении высокой степени качества.)

Гоголь изобретателен в использовании ненормативных, *субъективно ориентированных значений* слов, передающих своеобразие характеров, взглядов персонажей. Ср. противоположное узальному употреблению наречия *в меру* для характеристики «медвежьих» привычек Собакевича в «Мертвых душах»: *У меня когда свинина, всю свинью давай на стол, баранина, всего барана тащи, гусь, всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует* [12] (на фоне общеязыкового *в меру*, «умеренно» — «до сыта, до отвала»). Или комически звучащее переосмысление *счастье* как «удачные обстоятельства, из которых можно извлечь выгоду» в речи унтер-офицерши («Ревизор»), которую по ошибке высекли: *Да так отrapоптовали: два дни сидеть не могла <...> А за ошибку-то повели ему (городничему) заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться* [13].

Таким образом, расширение источников новых средств изображения социальной и психологической характеристики персонажей, чуткость к законам разговорности и умение извлечь из них эстетический эффект, подчинение речевого поведения героев принципу регулятивности, национальные черты юмора, органическая связь диалога с концептуальным планом произведения, особая чуткость к семантической динамике слова в диалоге — та-

ковы черты нового реалистического стиля диалога Гоголя, оказавшие влияние на развитие этого важнейшего компонента художественного текста во все последующие периоды истории русской литературы и русского литературного языка.

Удивительно современно звучат слова создателя первого значительного труда о языке Гоголя, профессора И. Мандельштама: «Наступают дни поминания великого учителя народа русского <...> Лучшая дань — всестороннее изучение писателя» [14].

1. *Белинский В. Г.* Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Отечественные записки. 1842. Т. XXIV. № 9. Отд. VIII.
2. *Гоголь Н. В.* Несколько слов о Пушкине // *Н. В. Гоголь.* Русские писатели о языке. Л., 1954.
3. *Пушкин А. С.* О поэтическом слогe // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М., 1949. Т. 11.
4. *Виноградов В. В.* Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка.* М., 1953. Т. 3.
5. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.
6. *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский // *Виноградов В. В.* Избранные труды: Поэтика русской литературы. М., 1976.
7. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
8. *Одоевский В. Ф.* Две заметки о Гоголе // *Гоголь Н. В.* Материалы и исследования. М.–Л., 1936. Т. 1.
9. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 6 т. М., 1949. Т. 4.
10. Там же. Т. 2. С. 186–187.
11. Там же. Т. 4. С. 107–108.
12. Там же. Т. 5. С. 98.
13. Там же. Т. 4. С. 68.
14. *Мандельштам И.* О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902.

В. П. ЖУРАВЛЕВ

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

критические замечания, избирательные комиссии, муниципальные образования, избирательные права граждан

KEY WORDS:

ensorious remarks, election committees, municipal units, electoral rights of citizens

Статья, автором которой является председатель Избирательной комиссии Ленинградской области, содержит критические замечания на тезисы, изложенные в статье аспиранта Северо-Западной академии государственной службы Д. Г. Демидова «К вопросу о формировании и организации деятельности избирательных комиссий муниципальных образований в Российской Федерации», которая была опубликована в № 3 журнала «Управленческое консультирование» за 2008 год.

The article, the author of which is the Chairman of the Election committee of the Leningrad region, contains censorious remarks to the thesis developed in the article of D. G. Demidov, the postgraduate student of the North-West Academy of Public Administration “On Formation and Organization of Activity of Election Committees of Municipal Units in Russian Federation”, which was published in the 3-d issue, 2008 of the journal “Upravlenceskoe Konsul'tirovanie”.

В № 3 за 2008 г. научно-практического журнала Северо-Западной академии государственной службы «Управленческое консультирование» первым материалом опубликована статья аспиранта, преподавателя кафедры государственного и международного права Академии Д. Г. Демидова «К вопросу о формировании и организации деятельности избирательных комиссий муниципальных образований в Российской Федерации». Считаю необходимым отреагировать на постановочные тезисы, содержащиеся в этой статье.

В первой же фразе статьи утверждается: «Граждане избирают депутатов в органы местного самоуправления и делегируют им право принимать законы...». Однако согласно ст. 7 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления принимают муниципальные правовые акты по вопросам местного значения. Система этих правовых актов определена ст. 43 указанного Федерального закона. «Органы местного самоуправления по своей при-

роде и месту в системе публичной власти не могут выступать в качестве законодательного органа», — отмечается в постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-п [1, с. 132].

Автор статьи в ее начале делает ответственное заявление о том, что «введение в современное российское законодательство о выборах технических правовых норм не позволяет в полной мере реализовать избирательные права граждан». (Напомним, что согласно п. 28 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» избирательные права граждан — «это конституционное право граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в проведении выборов, наблюдении за ... работой избирательных комиссий».) Данный тезис рассматривается на примере формирования избирательных комиссий муниципального уровня. В статье утверждается, что «участие в формировании избирательных комиссий муниципальных образований государственных служащих, а также косвенно (например, через Санкт-Петербургскую избирательную комиссию либо избирательные комиссии субъектов Российской Федерации) органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации является вмешательством в избирательный процесс на муниципальном уровне». Это вмешательство выражается, по мнению автора, в праве избирательной комиссии субъекта Российской

Федерации предлагать представительному органу муниципального района кандидатуры для назначения в состав избирательной комиссии муниципального района и предлагать вновь сформированной такой избирательной комиссии кандидатуру председателя для избрания.

Более того, автор подчеркивает, что влияние органов исполнительной власти на формирование избирательных комиссий муниципальных образований не соответствует ст. 12 Конституции Российской Федерации, в которой определено: «Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Однако согласно ст. 2 Закона № 131-ФЗ органы местного самоуправления — это избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Этот закон к вопросам местного значения не относит проведение муниципальных выборов. Согласно ст. 39 этого Закона избирательная комиссия муниципального образования является муниципальным органом, который не входит в структуру органов местного самоуправления. На это обращают внимание специалисты в области избирательного и муниципального права [2, с. 136]. Автор статьи ссылается на постановление Конституционного суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-п, но в этом постановлении речь идет об органах местного самоуправления, таким образом оно не от-

носится к избирательным комиссиям муниципальных образований. Эти комиссии являются муниципальными органами, наделенными собственной компетенцией в соответствии с законодательством о выборах и референдумах [3]. В частности, в этом постановлении отмечается: «По смыслу статей 32 (часть 2), 130, 131 и 132 Конституции Российской Федерации граждане имеют право на осуществление местного самоуправления и реализацию его путем референдума, выборов, иных форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления» [4].

Согласно п. «в» ст. 71 Конституции Российской Федерации регулирование прав и свобод человека и гражданина относится к ведению Российской Федерации. В соответствии с п. 3 ст. 23 Закона № 131-ФЗ гарантии избирательных прав граждан при проведении муниципальных выборов устанавливаются федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним законами субъектов Российской Федерации.

Закон № 67-ФЗ относит к полномочиям избирательных комиссий субъектов Российской Федерации их участие в формировании избирательной комиссии муниципального района, что, в свою очередь, дает возможность реализовать возложенное этим законом на избирком субъекта РФ полномочие по осуществлению на территории субъекта Российской Федерации контроля за соблюдением избирательных прав. Кстати, этот Закон также дает право избирательным комиссиям субъектов Российской Федерации заслушивать сообщения органов местного самоуправления по вопросам, связанным с подго-

товкой и проведением выборов в органы местного самоуправления. Этот Закон устанавливает, что избирательные комиссии субъектов Российской Федерации рассматривают жалобы на решения и действия (бездействие) избирательных комиссий муниципальных районов и их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан. Добавим, что имеющаяся у избиркома субъекта РФ возможность участвовать в формировании избирательных комиссий муниципальных районов в том числе обеспечивает необходимый уровень профессионализма организаторов муниципальных выборов, что, как показывают недавно проведенные в Российской Федерации выборы в органы местного самоуправления, является весьма актуальной задачей. Предоставление указанных прав избирательным комиссиям субъектов Российской Федерации Законом № 67-ФЗ вполне логично, ведь эти права являются определенными гарантиями должной организации муниципальных выборов.

Автор указанной статьи приводит пример из законодательства Санкт-Петербурга, Москвы и Ленинградской области, согласно которому председатели окружных и участковых избирательных комиссий назначаются на эту должность избирательной комиссией муниципального образования и окружной избирательной комиссией. И это, по мнению автора, является проявлением административного ресурса. Однако данные нормы в законах этих субъектов Российской Федерации полностью исходят из п. 7 ст. 28 Закона № 67-ФЗ. Автор утверждает, что тем самым происходит отход от принципа выборности как главного принципа

местного самоуправления. Но речь идет, опять же, не об органах местного самоуправления, а об окружных и участковых избирательных комиссиях в муниципальных образованиях. Порядок их формирования определен федеральным законодателем в Законе № 67-ФЗ. При этом данный вопрос решен таким образом, чтобы установить еще одну гарантию обеспечения качества организации муниципальных выборов в соответствии с законом.

Возникает также вопрос, почему автор статьи исходит из мысли о том, что участие государственных служащих в формировании избирательных комиссий муниципальных образований обязательно приведет к негативному вмешательству в муниципальные выборы. Тем более такие утверждения о роли государственных служащих в избирательном процессе представляются странными, когда они исходят от преподавателя Северо-Западной академии государственной службы. Из практики могу сказать, что в Ленинградской области на протяжении целого ряда лет не было ни одной жалобы, даже просто устной информации о негативном характере такого участия.

Автор высказывает предложение об исключении возможности обязательно-го представления кандидатур председателей избирательных комиссий муни-

ципальных образований со стороны избирательных комиссий субъектов Российской Федерации. Однако Закон № 67-ФЗ не предполагает такую обязательность. Кстати, Избирательная комиссия Ленинградской области это предоставленное ей право до сих пор не использовала.

Автор предлагает, используя высказывание одного из правоведов, перейти к формированию избирательных комиссий муниципальных образований по предложению общественных организаций и всех легальных политических партий. Но это уже предусмотрено действующим избирательным законодательством.

В целом представляется некорректным и неправильным делать категоричные утверждения о негативных явлениях в избирательном законодательстве и избирательном процессе в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации, муниципальных образованиях («политическое, административное давление» при формировании избирательных комиссий муниципальных образований и т. п.), когда такие утверждения не основаны ни на действующем законодательстве, включая Конституцию Российской Федерации, ни на реальной практике выборов, а также практике формирования и деятельности избирательных комиссий.

1. Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного суда Российской Федерации. М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. Т. 1.
2. Муниципальные выборы в Российской Федерации: учеб. пособие. М.: Норма, 2006.
3. Там же. С. 138.
4. Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного суда Российской Федерации ... С. 135.

А. В. ТОРБА

О ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*административная реформа,
Калининградская область,
программа реформирования*

KEY WORDS:

*administrative reform,
Kaliningrad region,
program of reforming*

В статье подробно описывается программа административной реформы, разработанная правительством Калининградской области, а также практика ее реализации.

The program of the administrative reform elaborated by the government of Kaliningrad region and the practice of its realization are described in detail in the article.

Реформирование системы государственного управления в России является важным условием ускорения социально-экономического развития страны, поэтому административная реформа стала одним из приоритетных направлений государственной политики. В целях ее реализации Правительство Российской Федерации разработало Концепцию административной реформы в Российской Федерации и план мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг. [1]. Развитие социально-экономического потенциала страны невозможно без повсеместного внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в органах власти. Для успешной реализации данной цели Правительство Российской Федерации разработало Концепцию формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г. [2]. Данные Концепции тесно взаимосвязаны и ори-

ентированы на преобразование системы и порядка работы органов исполнительной власти и — прежде всего — на реализацию интересов населения.

В 2006 г. правительством Калининградской области была разработана программа проведения административной реформы в Калининградской области на 2006–2010 гг.¹ (далее — Программа). Основными целями Программы являются:

- 1) реорганизация деятельности органов исполнительной власти по выполнению целевых показателей развития области и ориентация на достижение результатов;
- 2) оптимизация, повышение эффективности и прозрачности испол-

1 Утверждена постановлением правительства Калининградской области от 29 июня 2006 г. № 482 (в редакции постановлений правительства Калининградской области от 20 апреля 2007 г. № 211, от 24 декабря 2007 г. № 872, от 11 апреля 2008 г. № 199).

нения государственных функций и предоставления государственных услуг, в том числе обеспечение эффективного межведомственного взаимодействия;

- 3) повышение качества взаимодействия с потребителями государственных услуг на основе стандартизации и регламентации деятельности органов исполнительной власти, внедрения новых технологий предоставления услуг.

Для достижения указанных целей определены следующие основные пути:

1. Стандартизация и регламентация:
 - разработка и внедрение стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти и органами местного самоуправления;
 - разработка и внедрение административных регламентов в органах исполнительной власти и органах местного самоуправления;
 - совершенствование механизмов досудебного обжалования решений и действий органов исполнительной власти и должностных лиц.
2. Повышение качества и внедрение новых механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг:
 - создание многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг;
 - организация предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

3. Модернизация системы информационного обеспечения органов исполнительной власти.
4. Повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и общества.
5. Оптимизация функций органов исполнительной власти и противодействие коррупции:
 - оптимизация контрольных и надзорных функций за деятельностью подведомственных учреждений и организаций;
 - передача на аутсорсинг административно-управленческих процессов;
 - повышение эффективности системы закупок для государственных нужд;
 - совершенствование нормативно-правовой базы, исключая двусмысленное толкование;
 - внедрение механизмов противодействия коррупции в органах исполнительной власти.
6. Управление по результатам:
 - внедрение механизмов управления по результатам;
 - внедрение результативных принципов управления подведомственными учреждениями и организациями.

От эффективности работы органов исполнительной власти Калининградской области, от того, какие цели они ставят перед собой, от их отношения к обществу и к своей роли в нем зависит уровень качества жизни в регионе. Поэтому главной целью административной реформы в Калининградской области является такое преобразование системы и порядка работы органов ис-

полнительной власти, которое ориентирует их деятельность на реализацию интересов населения и, тем самым, косвенно повлияет на улучшение качества жизни населения региона.

В результате проведения мероприятий по реализации административной реформы в 2006 г. сокращена численность государственных служащих с 1208 человек до 881 человека (более чем в 1,7 раза). Это произошло в условиях передачи полномочий с федерального уровня на региональный в 2007–2008 гг. (рис. 1).

В ходе преобразований сокращено количество государственных органов исполнительной власти с 36 до 29; кроме того, в 3 раза сокращено количество координационных и совещательных органов.

Вместо 36 главных распорядителей бюджетных средств осталось 2: министерство финансов (в части межбюджетных отношений и финансирования собственных прямых расходов) и агентство главного распорядителя кредита. Введен эффективный механизм проведения конкурсных процедур. Существенно повышена прозрачность всех органов власти области и транспарентность всей системы управления, включая публичные финансы, что можно рассматривать как одну из антикоррупционных мер.

Специализированные службы регулярно проводят социологические исследования, затрагивающие различные аспекты деятельности органов власти. Результаты подобных исследований позволяют комплексно оценить работу

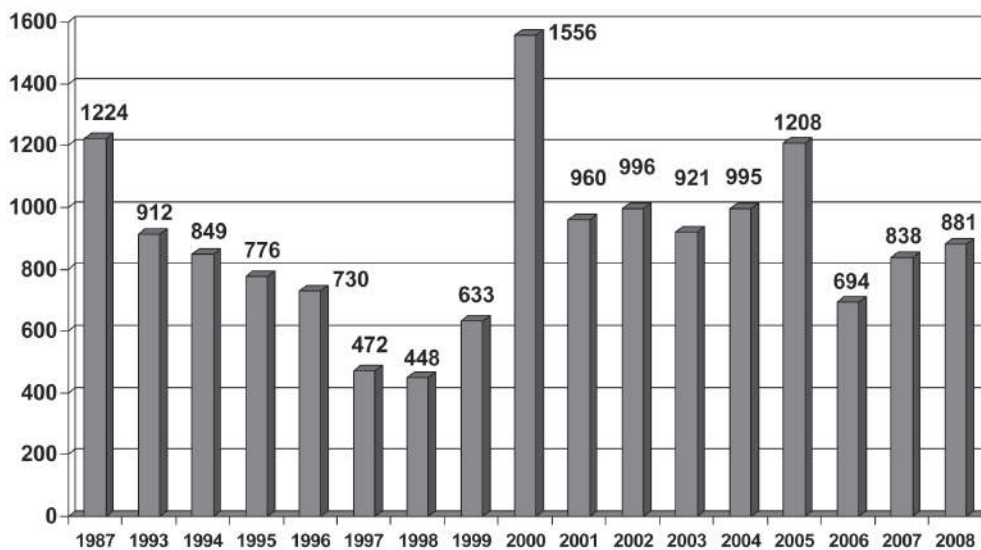

Рис. 1. Динамика штатной численности государственных служащих органов исполнительной власти Калининградской области

правительства, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Калининградской области и в динамике проследить характер проводимых преобразований. Кроме того, использование результатов социологических исследований способствует принятию управленческих решений с учетом общественного мнения.

В рамках европейской программы TESIS был реализован проект «Готовность Калининградской области к информационному обществу». В ходе реализации данного проекта был выявлен характер взаимодействия граждан и органов власти Калининградской области, использующих телекоммуникационную сеть Интернет. Существенным результатом указанного проекта стала выработка рекомендаций граждан по улучшению совместного взаимодействия с использованием Интернет-пространства. Динамика отношения граждан к оказанию услуг в электронной

форме также свидетельствует о поддержке населением дистанционного взаимодействия через Интернет с органами государственной власти (рис. 2).

Таким образом, повышение эффективности использования информационно-телекоммуникационных технологий в государственном и муниципальном управлении позволит наиболее полно удовлетворить потребность населения в получении необходимой информации об их деятельности и создаст предпосылки для организации прозрачной работы региональной и местных администраций.

Для повышения прозрачности деятельности и информационной открытости правительства Калининградской области аппарат правительства обеспечил трансляцию заседаний правительства Калининградской области в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а с 21 октября 2008 г. ведется прямая трансляция по регио-

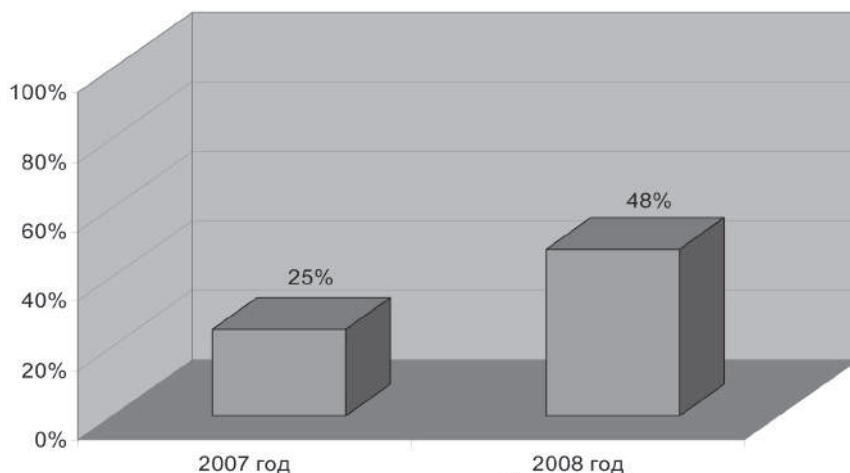

Рис. 2. Поддержка дистанционного взаимодействия граждан с государственными органами власти Калининградской области через интернет

нальному телевидению. Неотъемлемой частью информатизации Интернет-пространства является портал административной реформы Калининградской области.

Правительство Российской Федерации, реализуя один из ключевых компонентов административной реформы — регламентацию и стандартизацию деятельности органов исполнительной власти, издало постановление от 11 ноября 2005 г. № 679 «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг)» [3]. В административных регламентах описаны процедуры, которые чиновник может и должен совершать в процессе своей работы; четко указано, сколько времени ему отпускается на выполнение административных процедур; и самое главное — регламент определяет сроки рассмотрения документов. Таким образом, административный регламент сводит к минимуму необходимость личного общения госслужащего с обратившимся к нему лицом.

В целях установления правовых основ и общего порядка разработки стандартов качества государственных услуг, предоставляемых за счет средств областного бюджета Калининградской области и обеспечивающих социальные гарантии и права граждан, в пределах полномочий Калининградской области в 2008 г. был принят закон «О стандартах качества государственных услуг в Калининградской области». Постановлением правительства Калининградской области от 28 июня 2007 г. № 402 «О государственных услугах, предоставляемых за счет средств областного

бюджета» утвержден реестр наиболее массовых государственных услуг исполнительных органов государственной власти Калининградской области, для которых необходима первоочередная регламентация. Согласно реестру планировалось внедрить 190 административных регламентов. В процессе деятельности комиссии по реализации административной реформы в Калининградской области² количество административных регламентов было сокращено до 99³. В настоящее время разработано 98 административных регламентов, из них утверждено и внедрено 77.

Вместе с тем следует понимать, что за счет одних административных регламентов целей административной реформы достичь не удастся. Так, например, в среднем регистрация прав на недвижимое имущество может проходить в течение 10 дней, а регистрация объекта недвижимости занимает до нескольких месяцев (!). Это обусловлено тем, что данная услуга является многоступенчатой и для ее реализации необходимо задействовать различные органы власти, которые абсолютно не скоординированы между собой. Обмен информацией между ними настолько затруднен, что функции курьера поневоле возлагаются на потребителя госу-

2 Утверждена распоряжением губернатора Калининградской области от 12 апреля 2006 г. № 97-р «О комиссии по реализации административной реформы в Калининградской области».

3 Сокращение количества административных регламентов обусловлено объединением в 1 административный регламент нескольких регламентируемых государственных услуг.

дарственной услуги, вынужденного ходить по учреждениям месяцами.

По замыслу Минэкономразвития России, проблему межведомственного взаимодействия в рамках предоставления многоступенчатых услуг можно решить путем создания многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ). МФЦ – это единая административно-территориальная структура, объединяющая представителей федеральных и областных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, оказывающих комплексные услуги в удобной для населения форме. Создание МФЦ преследует следующие цели:

- упрощение процедур получения гражданами и предпринимателями государственных и муниципальных услуг за счет «единого окна»;
- сокращение количества требуемых от заявителя документов;
- повышение комфортности получения государственных и муниципальных услуг;
- противодействие коррупции, ликвидация посреднических рынков;
- развитие межведомственного взаимодействия.

В конце 2007 г. в г. Гурьевске Калининградской области был создан пилотный МФЦ, один из первых на территории субъектов Российской Федерации. В целях совершенствования

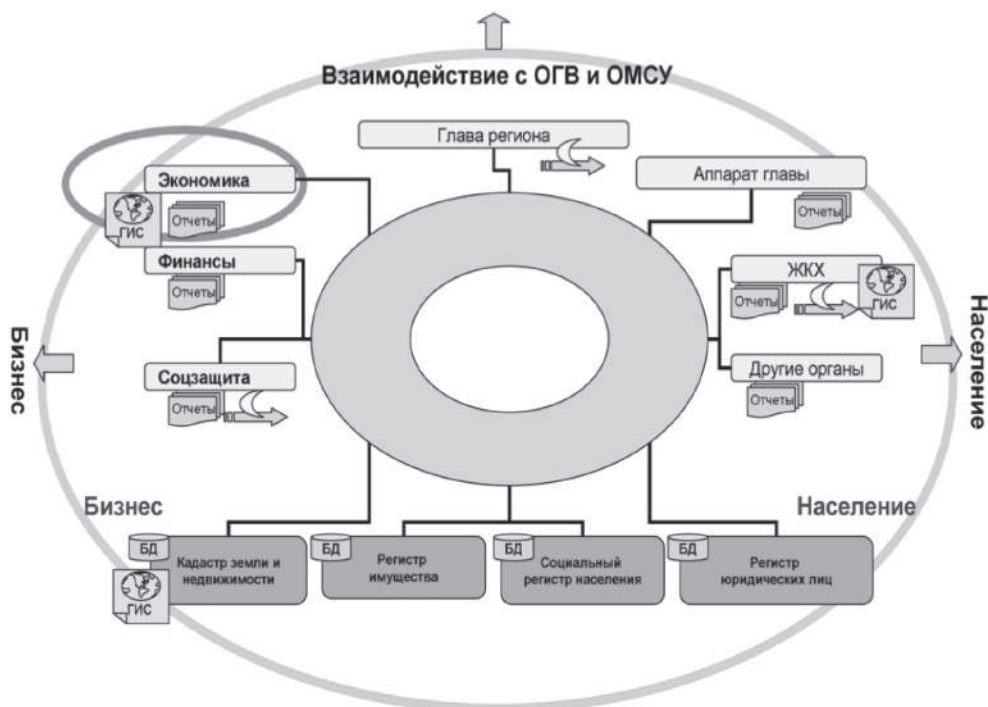

Рис. 3. Схема электронного правительства Калининградской области

его работы и развития сети МФЦ на территории области представителями правительства Калининградской области изучен опыт деятельности подобных учреждений в Республике Польша и в регионах России (г. Шахты Ростовской области, г. Астрахань, г. Калуга, г. Ханты-Мансийск). Кроме того, был разработан проект программы «Повышение качества государственных услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в Калининградской области до 2010 г.». В проекте предусмотрено создание 3-х МФЦ в г. Калининграде и 8-ми межрайонных МФЦ в Калининградской области.

В соответствии с задачами модернизации государственного управления и социально-экономического развития регионов Российской Федерации в г. Калининграде была разработана схема электронного правительства Калининградской области. Создание электронного правительства в соответствии с предлагаемой схемой позволит в полной мере реализовывать государственную политику в сфере региональной информатизации (рис. 3 на с. 55).

В целях решения основных задач по формированию электронного правительства 29–30 мая 2008 г. правительством Калининградской области при поддержке Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации, Федерального агентства по информационным технологиям Российской Федерации, Центра стратегических компетенций по электронному правительству регионов, на-

учно-исследовательских институтов, организаций, специализирующихся на разработке и внедрении современных автоматизированных систем управления, международных экспертов в Калининградской области была проведена всероссийская конференция по электронному правительству и современному механизму управления регионом, в которой приняли участие представители 31 субъекта Российской Федерации из 6 федеральных округов.

Калининградская область ежегодно принимает участие в конкурсном отборе программ, планов и проектов по реализации административной реформы в высших исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, проводимых Минэкономразвития России: в 2006 г. область заняла 27-е место из 46 регионов (3,4 балла из 5, максимум — 4,71, минимум — 0,88); в 2007 г. — 6-е место из 53 регионов (4,26 балла из 5; максимум — 4,66; минимум — 0,7). По результатам отчета о ходе реализации административной реформы по первому этапу (октябрь 2007 г.) Калининградская область заняла 6-е место среди субъектов Российской Федерации (4,2 балла из 5); в 2008 г. — 5–7 место из 53 регионов (4,4 балла из 5).

Таким образом, в качестве основных задач административной реформы в Калининградской области на ближайшие годы можно выделить:

- развитие и внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в органах власти;
- разработка программы повышения качества государственных услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных

- ных и муниципальных услуг до 2010 г.;
- совершенствование процессов предоставления государственных услуг и внедрение регламентируемых услуг в органы местного самоуправления;
 - проведение обучающих и развивающих семинаров для государственных и муниципальных служащих с учетом предварительных результатов проводимой административной реформы;
 - совершенствование методов и процедур управления, ориентированного на результат;
 - внедрение механизмов противодействия коррупции в органах власти.
1. О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг.: распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 09.02.2008 № 157-р) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
 2. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г.: распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2372.
 3. О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг): постановление Правительства РФ от 11 ноября 2005 г. № 679 (в ред. постановлений Правительства РФ от 29.11.2007 № 813, от 04.05.2008 № 331) // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4933.

С. П. АЛЕКСАНДРОВА

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ, СОСТАВЛЯЮЩИМ ЦЕЛЕВОЙ КАПИТАЛ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

договор доверительного управления имуществом, целевой капитал, некоммерческая организация, благотворительность

KEY WORDS:

trust agreement on property, specific target capital, non-profit organization, charity

В статье подробно изложены основные положения договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации. Автор считает, что юридически грамотное применение этого договора крайне важно: подобный договор позволяет некоммерческим организациям, занимающимся благотворительной деятельностью, зарабатывать деньги, не занимаясь непосредственно предпринимательской деятельностью, а передавая капитал, собранный для этой цели, в профессиональное управление управляющей компании на основе договора доверительного управления.

Доверительное управление имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, регулируется Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (далее — Закон № 275-ФЗ) [1]. Указанный закон вступил в силу почти 2 года назад, но до сих пор не нашел достойного применения в юридической практике. И это странно, так как

The article is dedicated to the detailed presentation of the trust agreement on property, comprising specific target capital of non-profit organization. The author considers that juridically verified application of the agreement is extremely important, as the agreement allows non-profit organizations which provide charity support, to earn money without being engaged in any business, but by transferring the capital collected for charity to the managing company on the base of trust agreement.

данный нормативный акт позволяет некоммерческой организации, занимающейся благотворительной деятельностью, зарабатывать деньги для нее, не занимаясь непосредственно предпринимательской деятельностью, а передавая капитал, собранный для этой цели, в профессиональное управление управляющей компании на основе договора доверительного управления.

Правовое регулирование договора доверительного управления имуществом

вом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, осуществляется на основании Закона № 275-ФЗ и ГК РФ и имеет отличия от договора доверительного управления имуществом, который регулируется гл. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [2].

Учредителем доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, может быть только некоммерческая организация, являющаяся собственником целевого капитала (п. 2 ст. 16 Закона № 275-ФЗ). Законодатель различает два вида некоммерческих организаций, являющихся собственниками целевого капитала:

- 1) некоммерческая организация, которая, являясь собственником целевого капитала, создается не только для формирования целевого капитала, но и для других целей;
- 2) специализированная некоммерческая организация, которая создается исключительно для формирования целевого капитала.

Данное различие обуславливает и те организационно-правовые формы, в которых могут быть созданы некоммерческие организации — собственники целевого капитала.

Неспециализированная некоммерческая организация может быть создана в организационно-правовой форме фонда, автономной некоммерческой организации, общественной организации, общественного фонда или религиозной организации (п. 4 ст. 2 Закона № 275-ФЗ). Подобные организации вправе осуществлять только определенные Правительством Российской Федерации виды платной деятельности (п. 2 ст. 6 Закона № 275-ФЗ). В насто-

ящее время такой перечень утвержден распоряжением Правительства РФ [3].

Специализированная некоммерческая организация создается только в форме фонда и исключительно для формирования целевого капитала (п. 5 ст. 2 Закона № 275-ФЗ). В этой связи специализированная некоммерческая организация вправе осуществлять деятельность, связанную только с формированием целевого капитала, его использованием и распределением дохода от целевого капитала в порядке, предусмотренном Законом № 275-ФЗ (п. 3 ст. 6).

Некоммерческая организация — собственник целевого капитала создает органы управления в соответствии со своей организационно-правовой формой. В дополнение к этому Закон № 275-ФЗ устанавливает дополнительные требования к высшему органу некоммерческой организации — собственнику целевого капитала и требует создания специального органа — совета по использованию целевого капитала.

Высший орган управления некоммерческой организации — собственника целевого капитала формируется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации для данного вида некоммерческой организации (п. 1 ст. 8 Закона № 275-ФЗ). Закон № 275-ФЗ наделяет высший орган некоммерческой организации — собственника целевого капитала дополнительными полномочиями, связанными именно с формированием и использованием целевого капитала. Их перечень содержится в п. 2 ст. 8 Закона № 275-ФЗ. Совет по использованию целевого капитала формируется некоммерческой организацией в обязатель-

ном порядке, и до его утверждения высшим органом управления некоммерческая организация не вправе передавать денежные средства в доверительное управление (п. 1 ст. 6 Закона № 275-ФЗ).

Порядок формирования совета и его полномочия определяются учредительными документами некоммерческой организации в соответствии с Законом № 275-ФЗ (п. 1 ст. 9), но в специализированной некоммерческой организации функции совета по использованию целевого капитала должен осуществлять попечительский совет, поскольку она является фондом (п. 2 ст. 9).

В совет по использованию целевого капитала должны входить представители от самой некоммерческой организации, от получателей дохода от целевого капитала, от жертвователей, а также граждане или представители юридических лиц, обладающие авторитетом или достижениями в области деятельности, соответствующей целям деятельности некоммерческой организации (п. 5 ст. 9 Закона № 275-ФЗ). Члены совета по использованию целевого капитала осуществляют свои функции безвозмездно (п. 7 ст. 9 Закона № 275-ФЗ). Полномочия совета по использованию целевого капитала связаны с определением целей использования дохода от целевого капитала и определением получателей дохода от целевого капитала, а также с контролем исполнения обязательств по использованию целевого капитала. Перечень полномочий совета содержится в п. 4 ст. 9 Закона № 275-ФЗ.

Договор доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, не может быть построен

по конструкции договора в пользу третьего лица, так как в качестве бенефициара (выгодоприобретателя) может выступать только учредитель договора — некоммерческая организация — собственник целевого капитала (п. 2 ст. 16 Закона № 275-ФЗ). Этим договор доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, отличается от договора доверительного управления имуществом, регулируемого только гл. 53 ГК РФ, где в качестве бенефициара может выступать как учредитель доверительного управления, так и третье лицо (абзац 1 п. 1 ст. 1012 ГК РФ).

Доверительным управляющим по договору доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, выступает управляющая компания (п. 1 ст. 16 Закона № 275-ФЗ). Управляющая компания представляет собой коммерческую организацию, созданную в форме акционерного общества или общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью. Она должна иметь лицензию на осуществление деятельности по управлению ценными бумагами или на осуществление деятельности по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами (п. 8 ст. 2 Закона № 275-ФЗ).

Закон № 275-ФЗ не регламентирует форму договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации. Но поскольку данный договор заключается между юридическими лицами, очевидно, что он должен иметь письменную форму на

основании пп. 1 п. 1 ст. 161 ГК РФ. Следовательно, в данном случае не имеется отличий от договора доверительного управления имуществом, заключаемым на основании гл. 53 ГК РФ, так как п. 1 ст. 1017 ГК РФ также требует, чтобы договор доверительного управления имуществом был заключен в письменной форме.

Пункт 1 ст. 1016 ГК РФ называет 4 существенных условия договора доверительного управления имуществом. Договор доверительного управления имуществом, составляющим капитал некоммерческой организации, имеет всегда только 3 условия. К ним относятся: предмет и объект договора, вознаграждение доверительному управляющему и срок договора. Поскольку данный договор не может быть построен по конструкции договора в пользу третьего лица, то четвертое условие об указании наименования или имени бенефициара в нем отсутствует.

Законодатель несколько по-разному определяет предмет договора доверительного управления имуществом и предмет договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации. Предметом договора доверительного управления имуществом является совершение управляющей компанией в пользу учредителя управления любых фактических и юридических действий (абзац 1 п. 2 ст. 1012 ГК РФ). Предметом договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, является совершение управляющей компанией любых операций с этим имуществом, а также осуществление всех прав, удо-

стоверенных ценными бумагами, составляющими целевой капитал, в том числе права голоса (п. 5 ст. 16 Закона № 275-ФЗ). В данном случае законодатель почему-то назвал действия управляющей компании по управлению имуществом целевого капитала «совершением операций», применив банковский термин.

Объектом договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, является целевой капитал некоммерческой организации (п. 1 ст. 16 Закона № 275-ФЗ). Целевой капитал некоммерческой организации представляет собой часть имущества некоммерческой организации, которая формируется за счет пожертвований, внесенных жертвователем (жертвователями) в виде денежных средств, и обязательно передается в доверительное управление (пп. 1 ст. 2 Закона № 275-ФЗ). Величина целевого капитала для того, чтобы он считался сформированным и мог быть передан в доверительное управление, должна составлять 3 млн руб. (п. 9 ст. 6 Закона № 275-ФЗ). Срок формирования целевого капитала составляет 1 год с момента поступления на банковский счет некоммерческой организации первого пожертвования на формирование целевого капитала (п. 12 ст. 6 Закона № 275-ФЗ).

Жертвователями по Закону № 275-ФЗ могут быть как физические лица, так и юридические лица, если они осуществляют пожертвование именно на формирование целевого капитала некоммерческим организациям, указанным в Законе № 275-ФЗ (пп. 6 ст. 2). Жертвователи вправе передавать в собственность некоммерческой организа-

ции денежные средства, как в валюте Российской Федерации, так и в иностранной валюте (п. 1 ст. 4 Закона № 275-ФЗ). Денежные средства передаются на основании договора пожертвования или на основании завещания (п. 1 ст. 4 Закона № 275-ФЗ). И в договоре пожертвования, и в завещании необходимо указать конкретное назначение и/или цели использования дохода от целевого капитала, срок, на который формируется целевой капитал, и получателей дохода от целевого капитала, если это договор пожертвования со специализированной организацией. Если договор пожертвования или завещание не содержат указанных сведений, то они определяются советом по использованию целевого капитала (п. 4–5 ст. 4 Закона № 275-ФЗ).

Неспециализированная некоммерческая организация вправе формировать целевой капитал за счет денежных средств, полученных по договору пожертвования или по завещанию, но не вправе передавать на формирование своего целевого капитала или его пополнение собственные денежные средства (п. 2 ст. 4 Закона № 275-ФЗ).

Источники формирования целевого капитала специализированной некоммерческой организации гораздо шире. Специализированная некоммерческая организация вправе формировать целевой капитал не только за счет пожертвований и получения имущества в порядке наследования именно на целевой капитал, но и за счет регулярных и единовременных поступлений от учредителей специализированной организации, добровольных имущественных взносов и за счет пожертвований и получения имущества в порядке на-

следования на цели, не связанные с формированием целевого капитала (п. 3 ст. 6 Закона № 275-ФЗ).

Сформированный целевой капитал может пополняться за счет средств, поступающих на основании договора пожертвования, и за счет получения имущества в порядке наследования. Кроме того, сформированный целевой капитал может пополняться за счет публичного сбора денежных средств, о котором вправе объявить некоммерческая организация — учредитель доверительного управления (п. 1 ст. 11 Закона № 275-ФЗ). Публичный сбор денежных средств на пополнение сформированного целевого капитала осуществляется на основании стандартной формы договора пожертвования, разрабатываемой самой некоммерческой организацией-учредителем (п. 2 ст. 11 Закона № 275-ФЗ). При публичном сборе денежных средств жертвователи, как физические, так и юридические лица, принимают условия стандартной формы договора пожертвования только путем присоединения к такому договору в целом (п. 4 ст. 11 Закона № 275-ФЗ). Дополнительные пожертвования в виде денежных средств на пополнение сформированного целевого капитала некоммерческая организация-учредитель обязана передать в доверительное управление управляющей компании в течение 10 дней со дня их получения (п. 10 ст. 6 Закона № 275-ФЗ).

Для характеристики объекта доверительного управления по Закону № 275-ФЗ недостаточно тех положений, которые содержатся в ст. 1013 ГК РФ и п. 1 ст. 1018 ГК РФ. В дополнение к ним Закон № 275-ФЗ устанавливает, что в договоре доверительного управ-

ления имуществом, составляющим целевой капитал, должны быть указаны требования к составу объектов управления и инвестиционная политика управляющей компании, которая будет реализовываться при выполнении этого договора (п. 3 ст. 16). При этом в п. 1 ст. 15 Закона № 275-ФЗ прямо указано, что управляющая компания может размещать денежные средства, составляющие целевой капитал, в определенные виды ценных бумаг, которые также названы, в объекты недвижимого имущества и в депозиты в рублях и иностранной валюте в кредитных организациях.

Доходы от целевого капитала используются в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), искусства, архивного дела, социальной помощи (поддержки) (п. 1 ст. 3 Закона № 275-ФЗ). Использовать доход от целевого капитала на иные цели запрещено (п. 2 ст. 3 Закона № 275-ФЗ). Однако некоммерческая организация — собственник целевого капитала вправе использовать доходы от целевого капитала на административно-управленческие расходы, связанные с формированием целевого капитала, и административно-управленческие расходы, связанные с осуществлением деятельности, финансируемой за счет дохода от целевого капитала (п. 3 ст. 3 Закона № 275-ФЗ). При этом некоммерческая организация — собственник целевого капитала вправе использовать не более 15% суммы дохода от доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, или не более 10% суммы дохода от целевого капи-

тала, поступившего за отчетный год (п. 3 ст. 3 Закона № 275-ФЗ).

Круг получателей дохода от целевого капитала зависит от вида некоммерческой организации (специализированная или неспециализированная). Если собственником целевого капитала является специализированная некоммерческая организация, то получателями дохода от целевого капитала будут другие некоммерческие организации, за исключением государственных корпораций, политических партий и общественных движений (пп. 7 ст. 2 Закона № 275-ФЗ). Если некоммерческая организация — собственник целевого капитала не является специализированной организацией, то получателем дохода от целевого капитала может быть только данная некоммерческая организация (пп. 7 ст. 2 Закона № 275-ФЗ).

К существенным условиям договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, исходя из смысла п. 1 ст. 18 Закона № 275-ФЗ, относятся:

- условие о размере вознаграждения управляющей компании или порядке его определения, порядке и сроках выплаты вознаграждения управляющей компании;
- условие о порядке возмещения необходимых расходов, произведенных управляющей компанией при доверительном управлении имуществом, составляющим целевой капитал (п. 1 ст. 18 Закона № 275-ФЗ).

Таким образом, в отличие от п. 1 ст. 1016 ГК РФ Закон № 275-ФЗ относит к существенным условиям договора до-

верительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, не только выплату вознаграждения доверительному управляющему, но и возмещение ему необходимых расходов. Кроме того, договор доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, ни при каких условиях не может быть безвозмездным. В этом его отличие от договора доверительного управления имуществом, регулируемого на основании положений гл. 53 ГК РФ.

Вопрос о том, является ли договор доверительного управления имуществом, регулируемый на основании положений гл. 53 ГК РФ, возмездным, безвозмездным или может быть тем и другим, в науке является спорным. Это связано с неточностью формулировок ст. 1016 и 1023 ГК РФ. Статья 1023 ГК РФ указывает, что доверительный управляющий имеет право на вознаграждение, предусмотренное договором. В то же время п. 1 ст. 1016 ГК РФ устанавливает, что размер и форма вознаграждения доверительного управляющего являются существенными условиями договора, если выплата вознаграждения договором предусмотрена.

В результате нечеткости указанных правовых норм при их толковании в научной литературе не сложилось единого мнения. Такие авторы, как Е. А. Суханов и В. А. Дозорцев, полагают, что данный договор по общему правилу предполагается возмездным [4, с. 29; 5, с. 548]. По мнению Н. Д. Егорова, договор доверительного управления может быть как возмездным, так и безвозмездным [6, с. 585]. По мнению

Л. Ю. Михеевой, законодатель считает обязательным упоминание в договоре о наличии или отсутствии вознаграждения за действия управляющего. При этом сам договор действительно может быть как возмездным, так и безвозмездным и без указания на его возмездность или безвозмездность не считается заключенным [7, с. 73].

Закон № 275-ФЗ не оставляет сомнений в возмездности договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации. Так, в п. 1 ст. 18 Закона № 275-ФЗ прямо указано, что в договоре должны быть предусмотрены размер вознаграждения управляющей компании или порядок его определения, а также порядок возмещения необходимых расходов.

Вознаграждение управляющей компании выплачивается за счет дохода от доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, полученного управляющей компанией за отчетный год, и не может превышать 10% такого дохода (п. 3 ст. 18 Закона № 275-ФЗ). Возмещение необходимых расходов, связанных с доверительным управлением имуществом, составляющим целевой капитал, по общему правилу также осуществляется за счет дохода от доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал (п. 2 ст. 18 Закона № 275-ФЗ).

Закон № 275-ФЗ не устанавливает срок договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, а устанавливает минимальный срок, на который формируется целевой капитал. Данный срок не может быть менее 10 лет (п. 11 ст. 6). Следовательно,

при определении срока договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, необходимо применять п. 2 ст. 1016 ГК РФ. На основании абзаца 1 п. 2 ст. 1016 ГК РФ срок договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, не может превышать 5 лет. Кроме того, данный договор будет считаться пролонгированным на тот же срок и на тех же условиях, если ни одна из сторон не заявит о прекращении договора по окончании его срока (абзац 2 п. 2 ст. 1016 ГК РФ).

В отличие от гл. 53 ГК РФ в Законе № 275-ФЗ четко обозначены права и обязанности управляющей компании по договору доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации. Указанные права и обязанности управляющей компании включают в себя:

- 1) общие права и обязанности управляющей компании по доверительному управлению имуществом, составляющим целевой капитал (п. 4–6, 8–9, 11 ст. 16; пп. 1–3, 6–9 п. 1 ст. 17 Закона № 275-ФЗ);
- 2) права и ограничения, устанавливаемые при совершении управляющей компанией операций с имуществом, составляющим целевой капитал (п. 1–2, пп. 3–8 п. 5, п. 6 ст. 15; п. 2–3 ст. 17 Закона № 275-ФЗ);
- 3) обязанности управляющей компании по осуществлению расчетов (п. 4; пп. 1–2 п. 5 ст. 15 Закона № 275-ФЗ);
- 4) обязанности управляющей компании относительно отчетности и бух-

галтерского учета (п. 7 ст. 16; пп. 4–5 п. 1 ст. 17 Закона № 275-ФЗ).

Закон № 275-ФЗ не содержит положений, определяющих ответственность управляющей компании. В этой связи в отношении указанной ответственности должна применяться ст. 1022 ГК РФ с учетом того, что ответственность управляющей компании перед бенефициаром отсутствует, поскольку в договоре доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, учредитель управления является и бенефициаром. Следовательно, управляющая компания по договору доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, возмещает некоммерческой организации убытки, причиненные утратой или повреждением имущества, с учетом его естественного износа, а также упущенную выгоду (абзац 1 п. 1 ст. 1022 ГК РФ).

Управляющая компания в договоре доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, всегда является коммерческой организацией. Она должна нести ответственность вне зависимости от вины, поскольку абзац 2 п. 1 ст. 1022 ГК РФ устанавливает, что «доверительный управляющий несет ответственность за причиненные убытки, если не докажет, что эти убытки произошли вследствие непреодолимой силы либо действий выгодоприобретателя или учредителя управления». Долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, погашаются управляющей компанией

за счет этого имущества. В случае его недостаточности взыскание может быть обращено на имущество управляющей компании, а при недостаточности имущества управляющей компании — на имущество учредителя управления, не переданное в доверительное управление (п. 3 ст. 1022 ГК РФ).

Договор доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, прекращается по основаниям, предусмотренным ГК РФ (п. 12 ст. 16 Закона № 275-ФЗ). В данном случае имеется в виду ст. 1024 ГК РФ. На основании ст. 1024 ГК РФ договор доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, прекращается:

- вследствие отказа доверительного управляющего или учредителя управления от осуществления доверительного управления в связи с невозможностью для доверительного управляющего лично осуществлять доверительное управление имуществом (абзац 5 п. 1 ст. 1024 ГК РФ);
- вследствие отказа учредителя управления от договора не с невозможностью для доверительного управляющего лично осуществлять доверительное управление имуществом, а по иным причинам, при условии выплаты доверительному управляющему обусловленного договором вознаграждения (абзац 6 п. 1 ст. 1024 ГК РФ).

Статья 16 Закона № 275-ФЗ предусматривает несколько специальных оснований прекращения договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал неком-

мерческой организации. На основании п. 12 ст. 16 Закона № 275-ФЗ договор доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, прекращает действие:

- вследствие приостановления действия выданной управляющей компанией лицензии;
- вследствие введения в отношении управляющей компании процедуры несостоятельности (банкротства).

Пункт 14 ст. 16 Закона № 275-ФЗ позволяет некоммерческой организации — собственнику целевого капитала в одностороннем порядке отказаться от договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал:

- в случае несоблюдения управляющей компанией установленных Законом № 275-ФЗ требований к порядку доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал;
- в случае принятия решения о расформировании целевого капитала;
- в иных случаях, предусмотренных договором доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал.

В данном случае возникает вопрос: является ли содержание п. 14 ст. 16 Закона № 275-ФЗ расшифровкой абзаца 6 п. 1 ст. 1024 ГК РФ или нет. Если является, то некоммерческая организация обязана в этих случаях выплатить управляющей компании обусловленное договором вознаграждение. Если же не является, а представляет собой дополнительные основания для одностороннего отказа некоммерческой организации от договора доверительного

управления, то некоммерческая организация не обязана выплачивать управляющей компании обусловленного договором вознаграждения, так как п. 14 ст. 16 Закона № 275-ФЗ не предусматривает такой выплаты.

Таким образом, договор доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческой организации, является договором реальным, двусторонним, всегда возмездным и не может быть договором в пользу третьего лица.

В настоящее время договор доверительного управления имуществом,

составляющим целевой капитал некоммерческой организации, пока не привлекает внимания исследователей и не вызывает интереса у некоммерческих организаций, которые могли бы его использовать. Практическое применение данного договора затрудняет, во-первых, нечеткость законодательства, регулирующего создание и деятельность некоммерческих организаций; во-вторых, недостатки самого Закона № 275-ФЗ и, в-третьих, отсутствие необходимых подзаконных актов, способствующих реализации положений Закона № 275-ФЗ.

1. О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций: федер. закон РФ от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 38.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 25.12.2008) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.
3. О перечне видов платной деятельности, которую вправе осуществлять некоммерческая организация — собственник целевого капитала: распоряжение Правительства РФ от 13 сентября 2007 г. № 1227-р // СЗ РФ. 2007. № 9. Ст. 4688.
4. *Суханов Е. А.* Посреднические и кредитно-финансовые сделки в Гражданском кодексе РФ. М., 1996.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996.
6. Гражданское право: учебник. Часть II / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1997.
7. *Михеева Л. Ю.* Доверительное управление имуществом / под ред. В. М. Чернова. М., 1999.

М. М. КУЧЕРЯВЫЙ

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

национальная безопасность, военная безопасность, военная угроза, воздушное пространство, космическое пространство

KEY WORDS:

national security, military security, military threat, air space, outer space

В статье анализируются основные вызовы и угрозы безопасности Российской Федерации. Автор показывает, что существенную роль в их природе и содержании играет военная составляющая. В статье выделяются и подробно анализируются 4 вида потенциальных угроз национальной безопасности, имеющих геополитический, геоэкономический, ресурсный и военный характер, а также наиболее существенные факторы, обуславливающие возрастание этих угроз. Особое внимание автор уделяет системе воздушно-космической обороны России, отмечая ее особую роль в деле обеспечения национальной и военной безопасности нашей страны.

Международная обстановка, сложившаяся в начале XXI в., потребовала переосмысления оценки общего положения Российской Федерации в мировом сообществе, смены приоритетов российской внешней политики, в том числе и в сфере обеспечения национальной безопасности. В Концепции внешней политики Российской Федерации (редакция 2008 г.) приведены основные вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, среди которых для нашего иссле-

Analysis of the main challenges and hazards to the security of Russian Federation is presented in the article. The author shows that military component plays essential role in the hazard nature and content. In the article the four types of the potential hazards to the national security that have geopolitical, geo-economical, resource and military character are selected and analyzed in detail, as well as the most essential items are revealed that provoke increasing of the hazard. The author paid special attention to the system of the air and cosmic defense of Russia, distinguishing its special role in national and military security protection of our country.

дования существенное значение имеют следующие:

- международный терроризм, опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, в том числе энергетическая, а также нелегальная миграция;
- глобальная конкуренция, впервые в новейшей истории приобретающая цивилизационное измерение,

- что предполагает конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики;
- реакция на перспективу утраты историческим Западом своей монополии на глобализационные процессы, находящая свое выражение, в частности, в инерции политико-психологической установки на «сдерживание» России, включая попытки использовать в этих целях избирательный подход к истории, прежде всего к истории Второй мировой войны и послевоенного периода;
 - стратегия односторонних действий, дестабилизирующая международную обстановку, провоцирующая напряженность и гонку вооружений, усугубляющая межгосударственные противоречия, разжигающая национальную и религиозную рознь, создающая угрозу безопасности других государств, ведущая к росту напряженности в межцивилизационных отношениях;
 - применение принудительных мер с использованием вооруженной силы в обход Устава ООН и ее Совета Безопасности, неспособное устранить глубокие социально-экономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов, подрывающее основы международного права и ведущее к расширению конфликтного пространства, в том числе в непосредственном геополитическом окружении России;
 - военно-политическое соперничество региональных держав, рост сепар-

ратизма, этнонационального и религиозного экстремизма;

- попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений, ввести в практику разделение государств на категории с различным объемом прав и обязанностей, которые несут в себе угрозу подрыва международного правопорядка, а также чреватые произвольным вмешательством во внутренние дела суверенных государств;
- игнорирование отдельными государствами и группами государств основных принципов международного права [1].

Таким образом, даже краткий анализ основных вызовов и угроз безопасности Российской Федерации показывает, что существенную роль в их природе и содержании играет военная составляющая. Прогнозы развития военно-политической обстановки в мире на среднесрочный период, предпринятые российскими исследователями, показывают, что вблизи границ России активизируется противоборство за доступ к природным, энергетическим, научно-техническим, людским и другим ресурсам на постсоветском пространстве, а также за расширение возможностей, в том числе легальных, по их использованию. Данные выводы основываются на анализе недавних событий в странах СНГ. Так, В. В. Серебрянников подчеркивает: «В «оранжевых» революциях Грузии, Украины, Киргизии решающее вмешательство Запада парализовало военно-политическое руководство этих стран, обеспечивало «мирное» устранение от власти законных президентов, подчинение командова-

ния силовых структур, в том числе, армий, указаниям западных посольств» [2, с. 33].

В отечественной литературе достаточно подробно исследован вопрос о потенциальных угрозах национальной безопасности нашей страны, включая ее военную составляющую, а также факторов, способствующих возникновению таких угроз [3; 4; 5; 6; 7; 8, с. 31–41; 9, с. 318–324].

Данные потенциальные угрозы целесообразно разделить на 4 основные группы, которые, конечно, не охватывают полностью весь спектр возможных опасностей, но являются, по нашему мнению, наиболее актуальными в контексте рассматриваемой темы.

Первая группа включает потенциальные угрозы, имеющие геополитическую природу и несущие опасность геополитическим интересам нашей страны, ее геополитическому положению и статусу в мировом сообществе. Данные угрозы также направлены против территориальной целостности и независимости внешней политики российского государства.

Вторая — состоит из потенциальных угроз, имеющих геоэкономическое измерение и способных нанести ущерб фундаментальным экономическим интересам России, ослабить ее позиции в международных экономических отношениях, создать затруднения для поступательного роста экономического потенциала нашей страны, повышения благосостояния народа и укрепления обороноспособности страны.

К третьей группе, по нашему мнению, следует отнести потенциальные угрозы в энергетической и ресурсной сфере, которые могут создавать пре-

пятствия развитию Российской Федерации как мировой энергетической державы, выражаться в претензиях иностранных государств на природные богатства нашей страны, на ее колоссальную базу естественных ресурсов.

В четвертую группу объединены потенциальные угрозы, непосредственно имеющие военный характер. Устранение подобных угроз связано с недопущением ситуаций, при которых могла бы быть совершена военная агрессия в отношении Российской Федерации или нападение на ее воинские контингенты и граждан, находящихся за пределами нашего государства.

Рассмотрим более подробно каждую из приведенных выше групп потенциальных угроз национальной и военной безопасности России. При исследовании первой группы возможных угроз нашей национальной безопасности, имеющих геополитический характер, следует уделить внимание наиболее существенным факторам, обуславливающим возрастание опасностей жизненно важным интересам Российской Федерации. В качестве таких факторов могут выступать:

- действия государств, направленные на нарушение целостности Российской Федерации (в том числе с использованием межэтнических, межконфессиональных и других внутренних противоречий) и на удовлетворение территориальных претензий к Российской Федерации со ссылками в отдельных случаях на отсутствие четкого договорно-правового оформления межгосударственных границ;
- действия других стран, направленные на подрыв и сдерживание интег-

- рациональных процессов в рамках СНГ, ослабление связей Российской Федерации со странами Центральной, Восточной Европы и Балтии, а также с другими государствами в районах традиционного сотрудничества, приобретающие все более скоординированный характер;
- нарушения прав и свобод русскоязычного населения и граждан РФ, проживающих в сопредельных государствах, приводящие к нарастанию напряженности (в том числе в отдельных районах России) и неуправляемым миграционным процессам;
 - политика «двойных стандартов», проводимая определенными силами за рубежом, которые, заявляя на словах о необходимости обеспечения стабильности в Российской Федерации, в действительности стремятся сделать все от них зависящее, чтобы не допустить этого и тем самым снизить значимость Российской Федерации в решении ключевых проблем мирового сообщества и деятельности международных организаций.

В. Бекетов, оценивая угрозы геополитического характера в общем виде, констатирует: «На фоне активно идущего переустройства мира появилось множество новых проблем, с которыми реально сталкивается наша страна. Эти угрозы менее предсказуемы, чем прежние, и уровень их опасности в полной мере до конца не осознан. В целом очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства и, что крайне опасно, его распространению на зону наших жизненно важных интересов» [10, с. 93].

Вторая из рассматриваемых групп угроз, как мы уже отмечали, включает опасности геоэкономического характера. К данной группе следует отнести следующие основные угрозы:

- стремление ведущих западных стран ослабить экономическую самостоятельность Российской Федерации и закрепить за ней роль поставщика топливно-сырьевых ресурсов для мировой экономики и источника квалифицированной, но дешевой рабочей силы;
- попытки ограничить присутствие России на зарубежных рынках (в том числе на рынке вооружений), а также действия по ее вытеснению с них;
- действия «партнеров», направленные на сохранение ограничений на доступ Российской Федерации к передовым технологиям, создание препятствий для полноценного участия России в международных финансово-экономических и торговых структурах и организациях.

К третьей из рассматриваемых групп, как было отмечено выше, в ходе исследования отнесены угрозы в энергетической и ресурсной сфере. В наши дни специалисты предсказывают быстрое развитие мировой энергетики в первой половине XXI столетия. Согласно оценкам экспертов, в ближайшие 15 лет глобальное энергопотребление может возрасти на треть, что представляет собой очень высокий рост. Причем спрос в мире на газ будет опережать спрос на нефть. Так, по мнению аналитиков, к 2020 г. потребление газа в мировой экономике может возрасти на 60%, а нефти — на 42%. Однако роль нефти в ближайшее десятилетие-

тие 2007–2017 гг. останется ведущей в мировом энергоснабжении. Из этого источника будет обеспечиваться 40% энергопотребления. Соответственно 28% будет приходиться на природный газ, 20% – на уголь, 7% – на возобновляемые источники и 5% – на ядерную энергетику [11, с. 4].

В данной связи представители Академии военных наук В. И. Кузьмин, Н. А. Галуша, В. А. Рябошапко отмечают: «В ближайшее время наша страна, как обладатель основных мировых топливно-энергетических ресурсов, будет подвергаться сильнейшему геополитическому давлению со стороны стран-потребителей» [12, с. 17]. Такое давление, согласно прогнозам российских исследователей, может осуществляться в следующих наиболее вероятных формах:

- выдвижение новых территориальных претензий к Российской Федерации и заявлений, подобных заявлению в начале 2007 г. бывшей тогда Госсекретарем США К. Райс и М. Олбрайт (тоже занимавшей в свое время указанный пост) о том, что в Сибири настолько большие запасы ресурсов, что они принадлежат не России, а миру;
- попытки игнорировать (ущемлять) интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности, противодействия ее укреплению как одного из влиятельных центров многополюсного мира;
- разжигание новых очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников (Ближний Восток, Центральная Азия, Кавказ, Балканы);

- проведение всевозможного рода тайных, подрывных, разведывательных и пропагандистских операций для взятия под контроль добычу и распределение топливно-энергетических ресурсов;
- создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущих к нарушению сложившегося баланса сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территории морях;
- расширение влияния Североатлантического альянса, стремление закрепиться на постсоветском пространстве, а также попытки использовать совокупную военную мощь НАТО для оказания военно-политического давления и получения уступок в доступе к топливно-энергетическим ресурсам;
- ввод иностранных войск в нарушение Устава ООН на территорию сопредельных с Российской Федерацией и дружественных ей государств (создание военных баз и размещение группировок войск на территориях бывших республик СССР) [13].

В четвертую из рассматриваемых нами групп объединены, как было указано выше, потенциальные угрозы, непосредственно имеющие военный характер. К основным внешним военным угрозам многие российские исследователи, как правило, относят следующие:

- развертывание группировок сил и средств, имеющих целью военное нападение на Россию или ее союзников;
- территориальные претензии к Российской Федерации, угрозы поли-

- тического или силового отторжения от нее отдельных территорий;
- осуществление государствами, организациями и движениями программ по созданию оружия массового поражения;
 - вмешательство во внутренние дела Российской Федерации со стороны иностранных государств или организаций, поддерживаемых иностранными государствами;
 - демонстрация военной силы вблизи границ России, проведение учений с провокационными целями;
 - наличие вблизи границ Российской Федерации или границ ее союзников очагов вооруженных конфликтов, угрожающих их безопасности;
 - нестабильность, слабость государственных институтов в приграничных странах;
 - наращивание группировок войск, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил вблизи границ Российской Федерации или границ ее союзников и в прилегающих к их территории морских водах;
 - расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации или ее союзников;
 - деятельность международных радикальных группировок, усиление позиций исламского экстремизма вблизи российских границ;
 - ввод иностранных войск (без согласия Российской Федерации и санкции Совета Безопасности ООН) на территории сопредельных и дружественных Российской Федерации государств;
 - вооруженные провокации, включая нападения на военные объекты Российской Федерации, расположенные на территории зарубежных государств, а также на объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации или границах ее союзников;
 - действия, препятствующие работе российских систем государственного и военного управления, обеспечению функционирования стратегических ядерных сил, предупреждению о ракетном нападении, противоракетной обороне, контролю космического пространства и обеспечению боевой устойчивости войск;
 - действия, затрудняющие доступ России к стратегически важным транспортным коммуникациям;
 - дискриминация, подавление прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации в зарубежных государствах;
 - распространение оборудования, технологий и компонентов, используемых для изготовления ядерного и других видов оружия массового поражения, а также технологий двойного назначения, которые могут использоваться для создания оружия массового поражения и средств его доставки [14].
- Составной частью военной угрозы национальной безопасности Российской Федерации является угроза из воздушного (воздушно-космического) пространства. Следует отметить, что превращение средств борьбы в воздушно-космическом пространстве в главное оружие современных войн и их интенсивное развитие ведущими зарубежными странами свидетельству-

ет об объективном нарастании этого вида угроз.

Для Российской Федерации опасность угроз из воздушного (воздушно-космического) пространства в известной мере усугубляется особенностями ее геостратегического положения и рядом факторов военно-географического плана, основными среди которых являются:

- большая протяженность границ, площадь территории, низкая плотность размещения объектов воздушных сил, экономики и инфраструктуры;
- наличие объектов стратегических ядерных сил, АЭС, химических предприятий и других потенциально опасных объектов;
- сложность создания достаточного информационного предполя на важнейших направлениях;
- наличие анклавов (Калининградская область), а также удаленных и труднодоступных районов (Приморье, Сахалин, Камчатка);
- расположение мест добычи и переработки стратегически жизненно важных сырьевых ресурсов в отдаленных труднодоступных районах.

Эти и другие факторы в своей совокупности обуславливают предпочтительность для потенциальных противников РФ воздушно-космического нападения по сравнению с наземным. Данные факторы создают благоприятные условия для применения группировок средств воздушно-космического нападения и одновременно затрудняют решение задач воздушно-космической обороны. Таким образом, угрозы РФ из воздушного (воздушно-космического)

пространства являются наиболее значимыми в общей системе ее военной безопасности. «Поэтому организация активной обороны от наиболее значимых военных угроз в современных условиях закономерно требует приоритетного развития противоспутниковых (противокосмических) систем вооружений и осуществления противокосмической обороны (противоспутниковой борьбы) в составе вооруженных сил любой обороняющейся стороны, в том числе и для Российской Федерации» [15, с. 42].

В заключение можно сделать вывод о том, что угрозы национальной и военной безопасности Российской Федерации в воздушно-космическом пространстве исходят от разворачиваемых для участия в военных конфликтах группировок сил и средств военно-космического нападения и воздушно-космической обороны иностранных государств. Прежде всего речь идет о тех государствах, геополитические и другие национальные интересы которых находятся или могут войти в противоречие с соответствующими интересами нашей страны. Определенные потенциальные угрозы исходят также от террористических и религиозно-сепаратистских незаконных организаций, стремящихся использовать воздушное пространство в своих преступных целях. В данной связи система воздушно-космической обороны России требует дальнейшего развития в целях обеспечения национальной и военной безопасности нашей страны и повышения ее роли как субъекта глобальных геополитических процессов в мировом сообществе на достаточно длительную историческую перспективу.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Раздел II [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 12 июля 2008 г. Пр-1440. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения: 15.01.2009).
2. Серебрянников С. С. Место и роль армии в современных исторических процессах // Военно-философский вестник. 2008. № 1.
3. Ильин Ю. Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире. М.: НОРМА, 2007.
4. Коровянский А. И., Лутовников В. И. Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях / под общ. ред. И. К. Макаренко. М.: Изд-во РАГС, 2006.
5. Кортунов С. В. Становление политики безопасности. М.: Наука, 2003.
6. Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях / под ред. С. М. Виноградовой, В. Н. Коньшева, Н. С. Ниязова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
7. Рыбалкин Н. И. Философия безопасности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.
8. Гаджиев К. С. Демократическое и имперское начала во внешнеполитической стратегии США // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 8.
9. Цой Хен Сок. Обеспечение военной безопасности России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4.
10. Бекетов В. Обеспечение национальной безопасности России в военной сфере // Обозреватель — Observer. 2007. № 11.
11. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Энергетические битвы XXI века // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 23 ноября.
12. Кузьмин В. И., Галуша Н. А., Рябошапка В. А. Современная геополитическая ситуация и проблемы военной реформы // Вестник Академии военных наук. 2008. № 3.
13. Там же. С. 17.
14. Чаевич А. Система военных угроз безопасности Российской Федерации и ее обеспечение [Электронный ресурс] // Проект GOUR: Общевоинсковая подготовка. Справочные материалы. URL: http://gour32441.narod.ru/files/ogp/001_oporn_konspekt/2008/2008-04-3.html (дата обращения: 17.01.2009).
15. Суханов С. А., Гринько В. Ф., Смирнов В. М. Космос в вопросах вооруженной борьбы // Национальная оборона. 2008. № 7.

Н. В. ЗАХАРОВА

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: РОЛЬ СОВМЕСТНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕС

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

инновационные процессы, Европейский Союз, научно-техническая политика, инновационное развитие, инновационная экономика

KEY WORDS:

innovative processes, European Union, scientific and technical policy, innovative development, innovative economy

Исходя из современных концептуальных представлений, автор формализует такие термины, как инновационная экономика, инновационное развитие, инновационная система. Описываются методы и инструменты, наиболее важные для развития инновационной экономики в целом. На примере стран Европейского Союза проводится анализ параметров, характеризующих инновационность экономики на микро- и макроуровнях. На основании анализа опыта стран ЕС в построении инновационной экономики, автор делает вывод о том, что хорошее знание западного опыта поможет российским ученым и экспертам найти инструментарий и методы инновационной политики, наиболее пригодные для Российской Федерации. Однако при этом отмечается, что российская инновационная модель на всех ее уровнях будет функционировать в условиях национального контекста.

Формирование инновационной экономики — чрезвычайно актуальная задача как для индустриально развитых государств, так и для Российской Федерации. В Руководстве Правительства РФ «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на

Following modern conceptual views the author formalizes such terms as innovative economy, innovative development, innovative system. The most important methods and tools significant for development of innovative economy in whole are described. Considering the countries of the European Union as an example, the author makes analysis of the parameters characterizing innovativeness of the economy at micro and macro levels. Based upon the analysis of experience of the EU countries in creation of innovative economy, the author concludes that good knowledge of Western experience will help Russian scientists and experts to find the most preferable tools and methods of conducting the innovative policy in Russian Federation. However, at the same time it is noted that Russian innovative model at all of its levels will function in conditions of its own national context.

период до 2010 года» отмечается, что инновационная система «позволит вывести экономику страны (РФ — Н. З.) из зоны преимущественно экспортно-сырьевого развития, <...> обеспечить конкурентоспособность России в мировом сообществе и ее равноправную интеграцию в мировое экономическое

пространство» [1]. Вместе с тем по-прежнему и в научной литературе, и в публицистике нет единого мнения по поводу того, что такое «инновационная экономика».

Современные публикации пестрят терминами «инновационное развитие», «новая экономика», «инновационная система». Причем авторы научных и публицистических работ как в России, так и на Западе нередко вкладывают в эти термины разное содержание. Следствием этого являются различия в оценках хозяйственной ситуации, а зачастую и ложное представление о сути явлений современного экономического развития. Это, в свою очередь, затрудняет разработку адекватной хозяйственной политики, приводит к ошибкам в обосновании и реализации ее мер со всеми вытекающими из этого факта негативными последствиями¹. Появление понятия «инновационное развитие» и связанного с ним представления о национальных и региональных инновационных системах обусловлено разработкой многих теоретических направлений вне рамок неоклассической концепции, рассматривающей научно-технический прогресс в качестве экзогенного фактора экономического роста [2, с. 9–22]. В новой экономической парадигме научно-технический прогресс, а в его широкой трактовке — и знания в целом

выступают в качестве главных факторов роста экономики. Именно они составляют основу новой, инновационной экономики. Ее отличительным признаком становится ускоренное развитие нематериальной сферы и нематериальной среды хозяйственной деятельности. Последние выступают теперь в качестве главных приоритетов хозяйственной практики. Именно такое экономическое развитие по своей сути становится инновационным.

Исходя из современных концептуальных представлений, формализация инновационного развития происходит посредством создания инновационных систем, представляющих собой совокупность взаимосвязанных институциональных структур, занятых воспроизводством и коммерциализацией накапливаемых знаний. По мнению В. С. Циренщикова, «такую систему можно представить в виде ядра с оболочкой. Ядро составляют субъекты инновационной деятельности — всевозможные организации, институты, фирмы частного и государственного секторов, которые собственно и генерируют знания для инновационного развития, оболочка же — это комплекс институтов правового, финансового, социального и прочего обеспечения этой деятельности» [3]. Концепция такой системы разрабатывается для национального уровня. Однако интеграционный характер экономического развития европейских стран объективно предопределяет влечение начавших образовываться национальных инновационных систем в общую канву европейской региональной инновационной системы.

Термин «новая экономика», на наш взгляд, можно отнести скорее к журна-

1 В частности, именно по причине отсутствия адекватного определения понятий «инновационная деятельность», «инновационная политика» Президентом В. В. Путиным был отклонен в 2000 г. одобренный Советом Федерации проект Федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике».

листско-экономическому жаргону [4], применявшемуся поначалу для толкования различных новых, трудно объяснимых явлений экономического развития, прежде всего в США, явлений, которые не получили достаточного научного обоснования. В дальнейшем, однако, по сути журналистский термин «новая экономика» стал не вполне оправданно отождествляться с концептуальными понятиями «экономика, основанная на знаниях», «инновационная экономика». В настоящее время такое отождествление прочно вошло в экономический обиход и считается общепринятым².

В Европейском Союзе в 1990-е гг. были достигнуты весьма значительные успехи во многих областях. Именно в это время был осуществлен очередной прорыв в процессе интеграционного строительства. Государства — участники Европейского сообщества приняли, по существу, новую стратегию европейской интеграции, отраженную в Договоре о Европейском Союзе, подписанном в Маастрихте (1992 г.) и дополненном в Амстердамском (1997 г.) и Ниццком (2000 г.) договорах, а также в ряде документов Европейского Союза, определивших принципы и условия дальнейшего расширения ЕС.

Никогда еще до этого в Европе не ставились такие масштабные задачи, которые предполагалось решать парал-

лельно. Европейская интеграция приобрела качественно новое измерение и вышла на новый уровень:

- вследствие создания Европейского валютного союза и введения новой валюты национальные хозяйства трансформируются в единую региональную экономическую систему;
- в ЕС начался, по сути, интеграционный процесс формирования общей внешней политики и общей политики в сфере безопасности и обороны, который включает в себя дальнейшее расширение функций и полномочий высших институтов Союза;
- хотя интеграция всегда называлась европейской, на самом деле она охватывала большей частью Западную Европу. И лишь в настоящее время, когда в результате двух расширений ЕС включает в себя 27 стран, интеграция действительно приобретает общеевропейский характер;
- в перечень стратегических задач своей интеграционной политики ЕС включает формирование зон стабильности, безопасности и сотрудничества в прилегающих к нему регионах Средиземноморья, Балкан, Ближнего Востока и европейской части СНГ [5, с. 11–12].

По всем перечисленным направлениям Евросоюз либо достиг поставленных целей, либо значительно продвинулся вперед. Одновременно продолжалось движение по тем направлениям деятельности, которые были инициированы на предыдущих этапах: внешне-торговая, сельскохозяйственная, региональная, социальная, научно-техническая политика и проч.

2 Продолжительный период сравнительно устойчивого экономического роста в США в течение 1990-х гг., например, связывали с новыми экономическими закономерностями (новой экономикой), якобы проявляющимися в устранении цикличности деловой активности. См. [2, с. 11–12].

Создав экономический и валютный союз, «страны Евросоюза впервые в мировой истории перешли к высшей стадии интеграции, которая до сих пор рассматривалась лишь как теоретическая возможность. Ни одна другая региональная интеграционная группировка в мире пока не имеет реальных предпосылок и, соответственно, разработанных стратегий валютного союза» [6].

Позиции Европейского Союза в мире существенно укрепились. Если два десятилетия назад он воспринимался в мире главным образом как крупнейший торгово-экономический блок, то теперь у него есть основания, чтобы претендовать на роль одного из мировых центров геополитики.

Государства — члены ЕС достигли высокой степени интегрированности национальных хозяйств. Так, доля межстрановой торговли в совокупном ВВП Евросоюза заметно увеличилась [7, с. 15–29]. Еще важнее существенные признаки интегрированности национальных хозяйств, такие как единый рынок со свободным перемещением товаров, услуг, капитала и рабочей силы, конвергенция макроэкономической политики государств-членов, единая валюта и валютная политика. Благоприятным фактором прогресса ЕС является накопленный за полвека опыт интеграции — межгосударственного сотрудничества, преодоления разногласий и конфликтов, поиска компромиссов. Этот опыт закреплен в интеграционных институтах, нормах, правилах, процедурах.

Вместе с тем в 1990-е гг. выявилось существенное отставание темпов экономического роста ЕС от США. Еще тревожнее было то, что Западная Евро-

па отстала от США в развитии большинства отраслей высокой технологии и структурной перестройке экономики³. Значительная часть этих проблем связана с недостаточно быстрым технологическим развитием ЕС, с недоинвестированием в эту сферу и с отставанием Европы в инновационной динамике от некоторых других стран.

В настоящее время основным показателем в мировой экономике, иллюстрирующим степень инновационности страны, является так называемый общий инновационный индекс. Указанный индекс составляется в рамках Евростата с 2000 г. и основывается на данных по 25 параметрам. При этом «0» — самый плохой результат, «1» — самый хороший. Параметры характеризуют не только инновационность на микроуровне (предприятия), но и общие показатели на макроуровне (количество патентов, доля высокотехнологичной продукции в экспорте, затраты на НИОКР и т. д.). На рис. 1 (с. 80) представлено, насколько успешны отдельные государства в инновационной сфере.

Данные графика свидетельствуют о том, что Европейский Союз по инновационности экономики крайне неоднороден. Так, например, позиции Швеции, Финляндии, Дании гораздо более благоприятны, чем США. Однако ЕС в целом смотрится несколько хуже, чем большинство развитых стран. Наиболее отстающие — Болгария и Румыния, а также некоторые другие страны Центральной и Восточной Европы. Кроме того, весьма неблагоприятны позиции стран Южной Европы.

3 См. данные по технологическому отставанию Европы [8, р. 40–41; 9, р. 179–204].

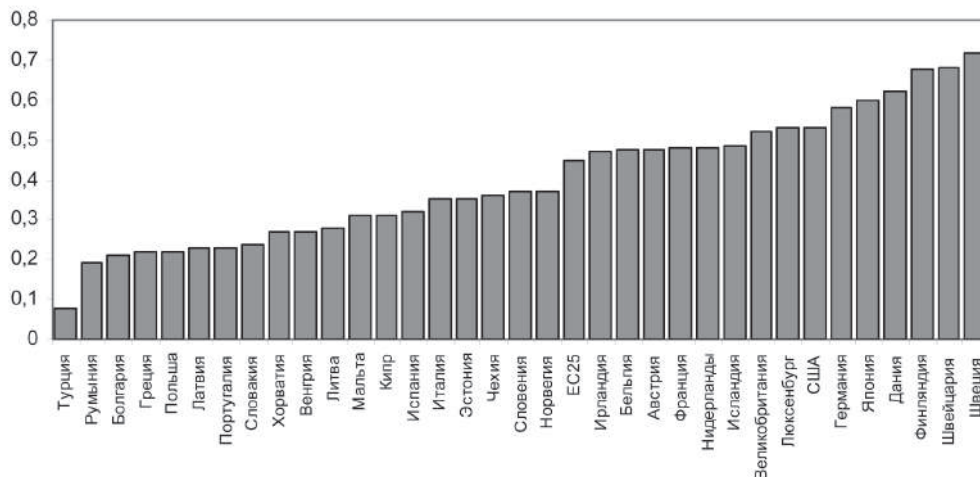

Рис. 1. Общий инновационный индекс⁴

В целом для развития инновационной экономики в большинстве случаев важны одни и те же методы и инструменты: развитие венчурного финансирования, исследовательской инфраструктуры, реализация налоговых льгот, установление новых форм сотрудничества и партнерства бизнеса, государства и академических кругов и проч. Вместе с тем для Европейского Союза решающее значение также приобретает правильное «распределение полномочий» по реализации инновационной политики между межнациональным, национальным и региональным (включая местный) уровнями. Научно-техническая и инновационная политика является предметом особого внимания экспертов и функционеров Европейского Союза. С процессами расширения и углубления интеграции стало очевидно, что действия, предпринимаемые на уровне ЕС, могут в значительной степени способствовать технологическому и инновационному развитию европейских государств. Их важность является неоспоримой в следующих случаях:

1. *Аккумуляция финансовых ресурсов.* В ряде случаев, когда речь идет о дорогостоящих исследованиях, именно вмешательство ЕС позволяет говорить о «достижении критической массы», позволяющей реализовать ряд проектов. В таком случае проблемы решаются в рамках международных консорциумов, объединяющих научно-исследовательский потенциал сразу нескольких государств. Так, в шестой рамочной программе ЕС средний проект имел бюджет в 4,6 млн евро и вовлекал в среднем 14 участников из шести стран ЕС [11, р. 185] (университеты, научно-исследовательские центры, малые предприятия и крупные компании). Такие многонациональные и иногда междисциплинарные проекты практически невозможно осуществлять на национальном уровне.

Современный масштаб научно-исследовательских работ может потребо-

4 Составлено автором по источнику [10, р. 36–38].

вать инвестиций гигантских объемов. Так, в фармацевтике исследования по запуску нового препарата могут стоить несколько миллионов евро. Вместе с тем даже такие большие затраты не снимают риски: по статистике только один из 5 000–10 000 (по разным данным) новых препаратов проходит все тесты по безопасности, надежности и эффективности и запускается в промышленное производство⁵.

Наднациональный масштаб исследований также является очень ценным в медицинских вопросах, когда речь идет о редких заболеваниях. Поскольку по статистике они имеют распространенность меньше, чем 1 человек на 2000, то количество случаев, приходящихся на одну страну, недостаточно для серьезных исследований в рамках одного государства. Вовлечение большого количества пациентов и институтов предполагает большую достоверность данных, надежность диагностики и более солидную научно-исследовательскую базу.

2. *Повышение квалификации персонала и уровня образования.* Транснациональный масштаб исследований предполагает новые возможности повышения квалификации работников. «Программы повышения квалификации Мари Кюри» в рамках ЕС, улучшающие мобильность работников и возможности их карьерного роста, должны сделать ЕС более привлекательным местом для научно-исследовательского и профессорского персонала. С точки зрения затрат, мероприятия в рамках

ЕС более предпочтительны и выгодны, чем в рамках двусторонних соглашений между отдельными государствами. К тому же они помогают реализовать общие стандарты.

Немаловажно и то, что такая интеграция способствует не только сотрудничеству, но и усилению конкуренции между научно-исследовательским и профессорским персоналом разных стран. Вообще уровень конкуренции внутри страны весьма отличается в разных государствах. Так, в научно-практических разработках некоторые области узкоспециализированы, и научные исследования осуществляются усилиями очень немногочисленных экспертов, особенно в небольших странах. Конкуренция в таких случаях носит весьма ограниченный характер, что, как правило, ведет к недостаточной динамичности. Мероприятия на уровне ЕС, таким образом, могут помочь решить и эту проблему.

3. *Повышение уровня интеграции и координации научных исследований в Европейском Союзе.* Фрагментарность научных исследований в ЕС всегда являлась слабым местом европейской научно-технической и инновационной политики. Это вело к высоким и неоправданным затратам, дублированию усилий, направлению средств на аналогичные исследования. К тому же в настоящее время ЕС сталкивается с вызовами, которые можно решать, лишь объединив научно-технические потенциалы всех стран: экологические проблемы, изменения климата и т. д. Впрочем, и распространение результатов научных исследований тоже может осуществляться гораздо лучше при усилении наднациональных функций в рам-

5 По данным European Federation of Pharmaceutical Industries and Associations (EFPIA).

ках ЕС. Это однозначно повысит их эффективность и отдачу.

В рамках Европейского Союза постоянно предпринимались попытки координировать научно-техническую и инновационную деятельность. Вместе с тем вплоть до конца 1970-х гг. европейская научно-техническая политика была далеко не всегда последовательна. На разных этапах она осуществлялась в различных промышленных секторах: сельское хозяйство, сталь, атомная энергетика, уголь и проч. В целом гораздо чаще такая политика была внутринациональным мероприятием, хотя во многих договорах важная роль предписывалась именно наднациональному управлению.

Первая рамочная программа научно-технического развития (1984–1987 гг.) и включение отдельной главы по НИОКР в Единый европейский акт (1986 г.) знаменовали собой этап по постепенному формированию интегрированной научно-технической политики. С тех пор в Европейском Союзе было реализовано несколько рамочных программ, и каждая программа разрабатывалась и осуществлялась в условиях качественно иной социально-экономической реальности. Так, в первой программе лейтмотивом проходила идея о технологическом отставании Европы [12, р. 5]. Впрочем, уже в ней отмечалась необходимость координации усилий между отдельными государствами и на коммунитарном уровне. Во второй рамочной программе (1987–1991 гг.) акцент был смещен на усиление научно-исследовательской базы европейской промышленности на фоне ужесточающейся конкуренции со стороны Японии. Приоритетным направ-

лением было выдвинуто развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В рамках этой же программы были предприняты совместные меры по развитию биотехнологий, исследованию ресурсов мирового океана. Третья рамочная программа (1990–1994 гг.) разрабатывалась в условиях реализации мероприятий по строительству единого европейского рынка. Концептуализация четвертой программы (1994–1998 гг.) приобрела очерченные контуры на фоне задач, поставленных Маастрихтским договором (1992 г.). Кроме приоритетов, обозначенных в предыдущих программах, больше внимания стало уделяться транспорту и социальным наукам. Пятая программа (1998–2002 гг.) имела выраженный акцент на повышении инновационности европейской экономики и некоторых социальных проблемах. Шестая рамочная программа (2002–2006 гг.) провозглашала своим основным приоритетом создание европейской научно-исследовательской зоны.

Другим индикатором серьезных изменений был рост бюджета рамочных программ. Бюджет шестой рамочной программы (2002–2006 гг.) достиг 19 млрд евро (в ценах 2004 г.) и превысил 47 млрд евро для седьмой рамочной программы (2007–2013 гг.). В 2006 г. затраты на научные исследования превысили 4 % бюджета ЕС [13, р. 13–15].

Более полные данные о доле бюджета ЕС, выделяемого на научные исследования, представлены на рис. 2 (с. 83). Рост бюджета рамочных программ демонстрирует следующий график (рис. 3 на с. 83).

Основная и наиболее приоритетная статья расходов рамочных программ —

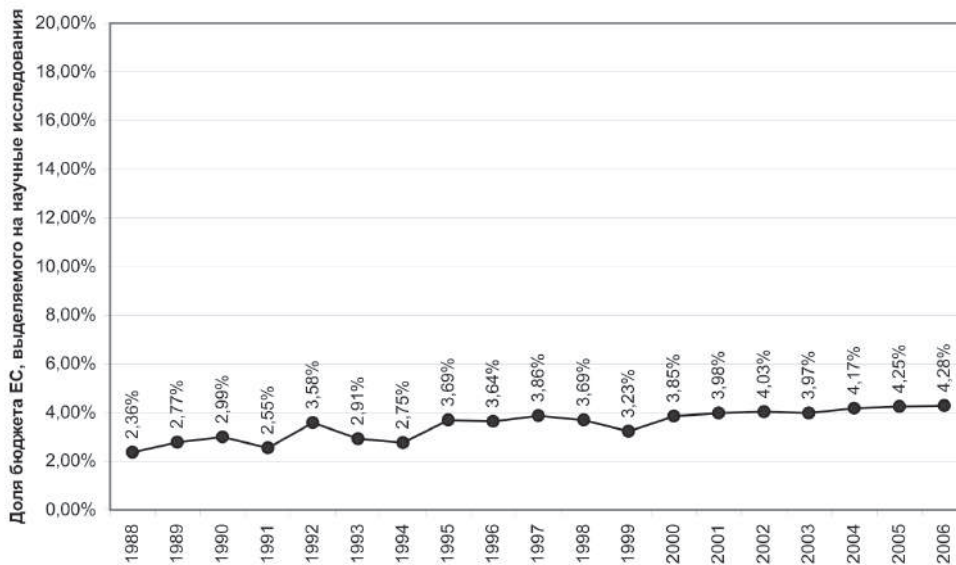

Рис. 2. Доля бюджета ЕС, выделяемого на научные исследования⁶

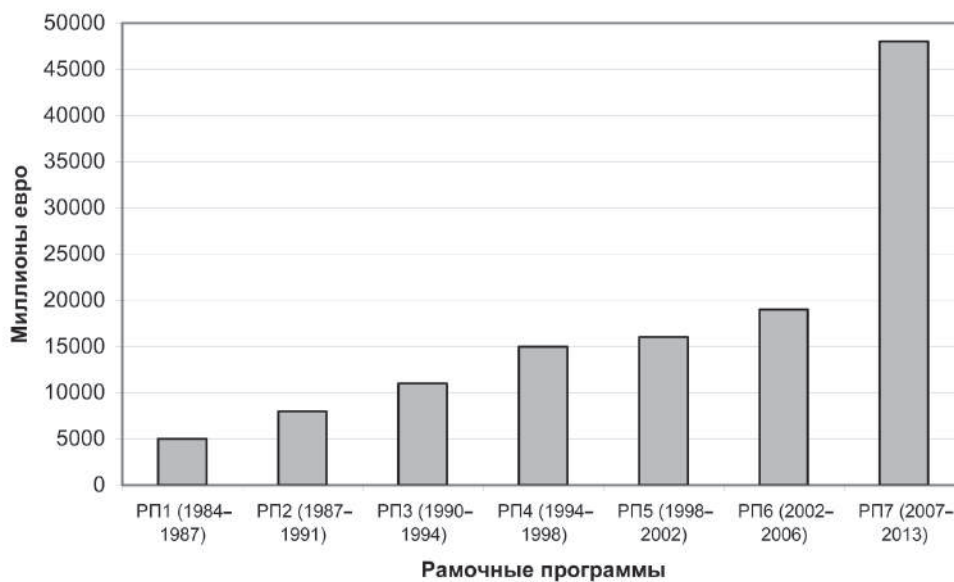

Рис. 3. Рост бюджета рамочных программ⁷

6 Составлено автором по источнику [9, р. 98].

7 Составлено автором по источнику [9, р. 97].

совместные научно-исследовательские проекты. Так, в бюджете шестой рамочной программы они составили свыше 70% всего объема средств. Совместные научно-исследовательские проекты реализуются международными консорциумами, состоящими из предприятий, университетов и научно-исследовательских организаций. Проекты разрабатываются исходя из приоритетов данной программы (энергетика, ИКТ и проч.). Увеличение бюджетов рамочных программ сопровождается и ростом количества участников.

Что касается предприятий, участвующих в совместных проектах, то их роль, особенно роль малых и средних предприятий (МСП), весьма незначительна. Собственно, эксперты уже давно обращали на это внимание [14]. Вместе с тем значение МСП для развития Европейского Союза трудно переоценить. Так, по статистике в ЕС-15 («старая» Европа) их насчитывается 12 млн, в ЕС-12 («новая» Европа) — еще 2,5 млн. Количество МСП достигает 99% от общего количества предприятий в ЕС, на них трудятся 2/3 всех занятых в частном секторе. Вместе с тем только 3% этих предприятий заняты высокотехнологичными исследованиями [15, р. 4–6].

Распределение финансовых средств ЕС по отдельным регионам также представляет немалый интерес. По мнению многих экспертов, именно региональный уровень — это тот уровень, где инновационный механизм может быть наиболее эффективным. Обобщение опыта реализации рассмотренных программ ЕС позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее интенсивное участие в проектах наблюдалось в наиболее

развитых регионах крупнейших государств — Германии, Франции, Нидерландов, Бельгии (Ile de France, Rhone-Alpes, Stuttgart-Karlsruhe, Brussels area).

2. Наиболее активно финансирование ЕС направлялось в регионы периферийных стран с наиболее высоким ВВП на душу населения и серьезной научно-исследовательской базой (Хельсинки, Лиссабон, Мадрид, Афины);

3. Наиболее интересным выводом представляется вывод о том, что довольно значительное количество периферийных районов получило от ЕС финансирование гораздо более серьезное, чем можно было бы предположить, судя по их ВВП и затратам на НИОКР (Шотландия, Каталония и Мурсия в Испании, Штайермарк в Австрии). Иначе говоря, благодаря рамочным программам среднеразвитые регионы получают возможность финансирования из альтернативного источника. Таким образом, финансирование ЕС выравнивает темпы экономического и научно-технического развития отдельных регионов.

Анализ научно-технического и инновационного сотрудничества стран ЕС позволяет сделать следующие выводы:

1. Реализация рамочных программ научно-технического развития играет большую роль в осуществлении крупных проектов, для которых необходимы транснациональные консорциумы, куда входят университеты, предприятия и научно-исследовательские учреждения.
2. Бюджетные ассигнования ЕС на цели научно-технического сотруд-

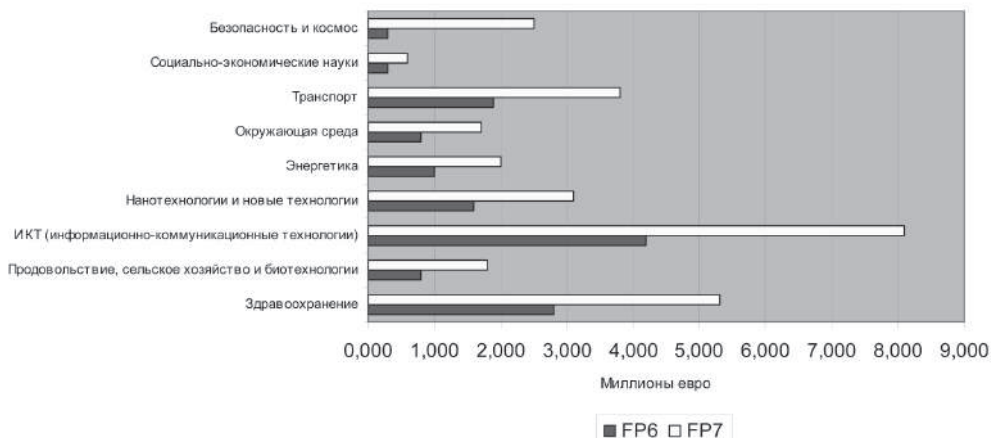

Рис. 4. Размеры бюджетов шестой и седьмой рамочных программ⁸

- ничества в значительной степени возросли, что, в частности, следует из сравнения бюджетов рамочных программ.
3. С течением времени в ЕС увеличилось и количество участников научно-технического сотрудничества, и количество проектов.
 4. В большей степени финансирование ЕС было направлено на крупные предприятия, в значительно меньшей степени — на малые и средние.
 5. Большой объем финансирования приходился на крупные государства, однако «интенсивность финансирования» (на единицу ВВП и на одного исследователя) была выше в небольших странах.
 6. Значительное финансирование периферийных регионов в некоторой степени способствовало ликвидации различий в уровнях экономического развития.

Седьмая рамочная программа более прогрессивна по сравнению с предыдущими программами. Однако утверждение ее бюджета было болезненным, сопровождалось повышенной конфликтностью как между различными органами ЕС, так и между отдельными группами участников, представляющими самые разные интересы. Ее принципиальными отличиями от предыдущих программ являются следующие особенности:

1. Тщательная подготовка и длительные консультации с общественностью; серьезный диалог с предпринимателями, в котором принимали участие предприниматели разных уровней (от уровня микропредприятий (занятость до 9 человек по Евростату) до уровня ТНК). Особое место занимали он-лайн консультации.
2. Финансирование седьмой программы гораздо более внушительное, нежели финансирование предыдущих программ (рис. 4). Как видно из графика, по некоторым направлениям финансирование увеличи-

8 Составлено автором по источнику [9, p. 238].

лось в 2–3 раза, а по направлению «безопасность и космос» — еще больше.

3. Важное место в седьмой рамочной программе занимает концепция «технологических платформ» и «совместных технологических инициатив» (Technology Platforms & Joint Technology Initiatives). На этапе консультаций самыми ревностными сторонниками технологических платформ были представители промышленности. Процент одобрения данной концепции составил 92–94% [16]. Вместе с тем ряд экспертов считает, что концепция технологических платформ «туманна и недостаточно проработана» [17]. К тому же некоторые представители малых предприятий высказали опасение, что для них участие в технологических платформах и совместных технологических инициативах может быть затруднено.
4. Большое внимание в текущей программе будет уделяться разработке отдельных наиболее приоритетных научных направлений. На это выделено 16% общего бюджета седьмой рамочной программы.

Эффективность рамочных программ, как мы уже отмечали, может быть весьма ощутимой. Так, при анализе четвертой рамочной программы 82% руководителей ирландских предприятий, участвующих в ней, отметили, что без участия в программе их проект не был бы реализован. Из оставшихся (18%) 70% хотя и довели бы проект до конца, но его масштаб был бы значительно сокращен [18, p. 43].

Исследования по Австрии дали аналогичные результаты. Так, из опрошен-

ных предпринимателей 70% отметили, что они не смогли бы продолжить работу, если бы их проект был отвергнут. Из оставшихся 30% только 14% отметили, что они могли бы продолжить проект в прежних масштабах [19].

Интересно то, что мнение европейцев из стран — не членов ЕС примерно совпадает с общей картиной. Так, 95% норвежских участников опроса высказали мнение, что финансирование ЕС было очень важным для начала реализации проекта, 90% отметили, что это было важно для масштабов проекта, и свыше 80% — что это сыграло существенную роль в его динамике [20].

В оценке научно-технической и инновационной политики ЕС на наднациональном уровне важно отметить, что предприятия, участвующие в рамочных программах и получающие финансирование от ЕС, в целом проявляли гораздо более высокий уровень инновационности (см. рис. 5 на с. 87).

Многочисленны были и попытки выявить влияние текущей седьмой программы при различных ее бюджетах на некоторые параметры развития: рост ВВП, экспорт, импорт, занятость и т. д. Наиболее известной и популярной в научных и деловых кругах в настоящее время является модель Немезис (NEMESIS — New econometric model for environment & strategies implementation for sustainable development). Как видно из названия, вначале эта модель применялась для оценки различных аспектов влияния окружающей среды. Затем она стала применяться в других областях, например, при оценке воздействия НИОКР на ускорение экономического роста, при оценке послед-

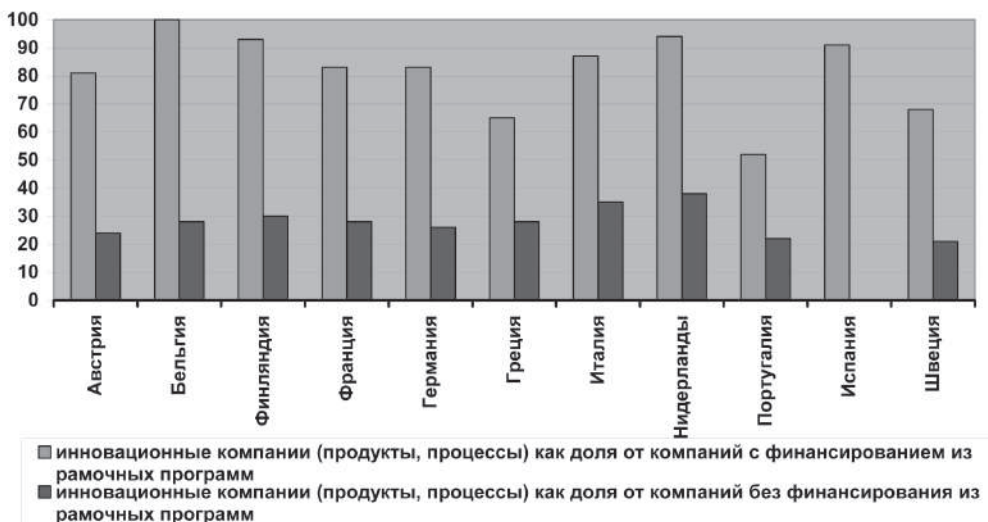

Рис. 5. Фирмы, участвующие в реализации инноваций⁹

ствий политики в области конкуренции, политики в отдельных секторах.

Рассматривая различные варианты финансирования седьмой рамочной программы и ее долгосрочные последствия (до 2030 г.), эксперты выделили 3 сценария:

- 1) увеличение затрат на программу в 2 раза и скромный экономический рост после 2010 г.;
- 2) увеличение затрат на программу в 2 раза и быстрый экономический рост после 2010 г.;
- 3) полная ликвидация программы.

На рис. 6 (с. 88) отражено, какова будет динамика роста ВВП, экспорта и импорта при реализации указанных сценариев.

Таким образом, эффект от увеличения затрат на рамочные программы мо-

жет быть весьма значительным. По мнению экспертов, наиболее ощутимым влияние рамочных программ может быть, скорее, в среднесрочной и долгосрочной перспективе (вследствие того, что между началом и окончанием инновационного цикла проходит, как правило, несколько лет).

Вместе с тем возникает вопрос: может ли влияние финансирования ЕС быть решающим, иначе говоря, самым важным в формировании инновационной экономики стран Европейского Союза? Может ли оно играть более существенную роль, чем мероприятия, предпринимаемые на уровне отдельных государств и регионов? На наш взгляд, ответ на этот вопрос является отрицательным:

1. Возможности финансирования на уровне ЕС являются весьма ограниченными. Так, при всех убедительных доводах «за» первоначальное предложение Еврокомиссии о бюд-

⁹ Составлено автором по данным Генерального директората Еврокомиссии [9, р. 126].

Влияние FP7 на рост ВВП (три сценария) к 2030 г.

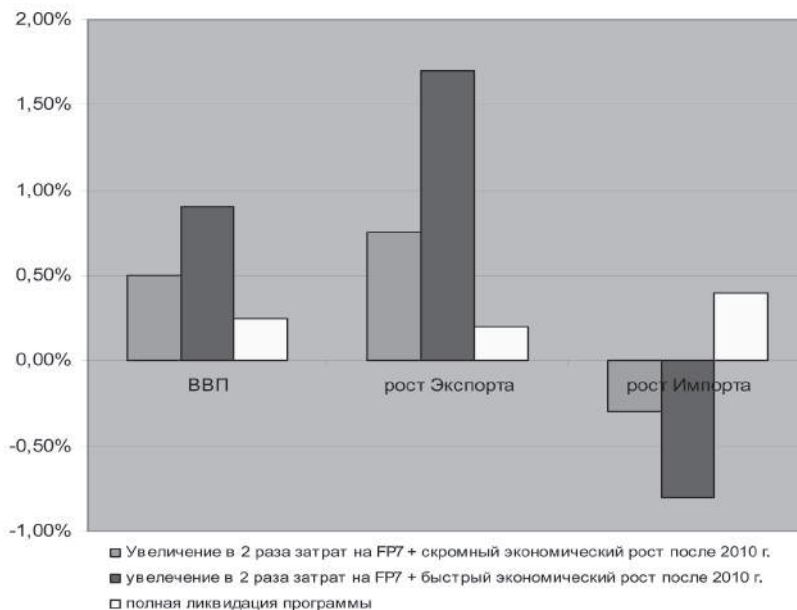

Рис. 6. Сценарии развития стран ЕС в зависимости от развития седьмой рамочной программы¹⁰

жете 72 млрд евро на реализацию седьмой рамочной программы было отклонено, и бюджет был урезан на 30% (до 47 млрд евро). В бюджете ЕС по-прежнему наиболее приоритетными являются расходы на общую сельскохозяйственную и региональную политику. Попытки сократить их в пользу политики инновационной и научно-технической вызовут сопротивление заинтересованных лиц. Стремление увеличить общий бюджет за счет увеличения взносов стран также

неминуемо вызовет конфликтную ситуацию. На это обратил внимание Э. Ахо, бывший премьер-министр Финляндии, глава так называемой «Группы Ахо» (Aho-Group). Он отметил, что ситуация с инновационной и научно-технической политикой ЕС «представляет собой противоречие между политической системой, которая восхваляет экономику знаний, и реальностью бюджетных и других приоритетов, которые не готовы принять новую ситуацию» [21]. Политическая реальность процесса принятия решений, таким образом, оставляет весьма незначительную возможность для маневра. В эпоху медленного экономического роста, жестких

10 Расчеты сделаны автором по данным Генерального директората Еврокомиссии [9, р. 196].

- бюджетов, высокой безработицы во многих странах и регионах Европы любые попытки увеличить взносы в общий бюджет ЕС встретят неизменное сопротивление.
2. Количество предприятий, получивших финансирование от ЕС, в целом невелико. Так, по данным Евростата, участие ЕС в финансировании инноваций очень незначительно по сравнению с ролью центрального правительства и местных, в том числе региональных, властей. Так, в Германии среди всех инновационных предприятий финансирование от центрального правительства получили 7,6% предприятий, от местных властей — 7,7%, в то время как от ЕС — только 3,2%. Аналогичные данные по другим странам, например: Франция — 15,1% предприятий финансировало центральное правительство, 8% — местные власти, в том числе на уровне региона, 1,8% — рамочные программы ЕС; в Италии соответствующие цифры — 14,9%; 25,7%; 1,2% [22, р. 122].
 3. Бюрократия в ЕС представляет собой серьезную проблему, значительно снижающую эффективность общих проектов. Возможность получить финансирование от ЕС сопряжено с большой, кропотливой работой, значительная часть которой заключается в общении с чиновниками всех уровней и бумажной волоките. Особенно сложно это для представителей малых предприятий, чьи финансовые возможности ограничены. Так, в докладе о позиции Великобритании отмечается: «Только 55% представителей малых предприятий сказали, что выгоды от участия в рамочных программах превышают издержки» [23]. Европейская ассоциация малых и средних предприятий заявила, что для малых предприятий издержки участия в европейских проектах в несколько раз выше, чем для крупного бизнеса [24]. Представители крупного бизнеса также жалуются на неэффективность многих процедур. Так, например, компания «Филипс» (Philips), уже участвовавшая в огромном количестве проектов практически всех рамочных программ, призвала к «максимальному упрощению всех процедур, включая финансовые и административные аспекты» [25]. Также обращается внимание на то, что участие в программах зачастую предполагает прием на работу новых людей — специалистов по контактам с ЕС. Вряд ли стоит говорить, что далеко не каждое предприятие может себе позволить такие расходы. Отмечается и продолжительность переговоров с органами ЕС. Так, по некоторым данным, время, проходящее от выдвижения предложения по участию в проекте до окончания переговоров, занимает в среднем 368 дней (!) [26].
 4. И, наконец, очень существенная причина, ограничивающая эффективность наднациональной политики ЕС в инновационной и научно-технической области, — это усиливающиеся дезинтеграционные тенденции в Европейском Союзе. В последние несколько лет они стали более заметны в связи с расширением ЕС на восток, а также

вследствие усложнения экономической ситуации. Особенно катастрофичным был отказ Ирландии в июне 2008 г. ратифицировать новый Базовый договор о реформах, который был призван заменить провалившуюся в июне 2005 г. Европейскую конституцию. События такого рода, как правило, ставят под сомнение возможности интеграционной группировки брать на себя новые обязательства.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать выводы, что в ближайшее время решающим фактором для формирования инновационной экономики в европейских государствах будут по-прежнему мероприятия на национальном уровне. Опыт Северных стран Европы, и прежде всего Швеции и Финляндии, лидирующих в ее построении, может быть весьма полезным и для Российской Федерации. Анализ финской национальной инновационной системы показывает, что, несмотря на обилие инструментария по «продвижению» инновационной экономики, наиболее важным по-прежнему остается финансирование инновационного бизнеса. Ярким примером в данном случае может служить финское агентство «Текес» (Tekes – the Funding Agency for Technology & Innovation of the Finnish Government). «Текес» стало активно развиваться с середины 1990-х гг. Оно осуществляет финансовую поддержку предприятий, университетов и научных лабораторий. Однако с начала третьего тысячелетия деятельность этого агентства стала гораздо ощутимее сказываться на экономике в связи с возросшим объемом государственного финансирования. Процесс определения «стратегиче-

ских областей» (приоритетных для инвестирования) определяется посредством постоянных консультаций с предпринимателями, менеджерами и экспертами университетов, научных лабораторий, предприятий. Они уточняются на встречах и консультациях с государственными экспертами. Важнейшими источниками также являются доклады по отдельным отраслям и международные отчеты [27].

Финансирование предоставляется либо в форме низкопроцентного займа, либо в форме гранта. Вариант решения чаще всего зависит от ценности и перспективности проекта. В 2007 г. «Текес» инвестировал в инновации и научно-технические исследования 469 млн евро. Примечательно, что почти половина этих средств – 203 млн евро – была предоставлена в виде грантов. Почти 40% проектов (832), финансируемых «Текес», были в 2007 г. международными [28].

«Текес» выгодно отличается от многих других государственных инвестиционных фондов следующим:

- 1) это агентство в гораздо большей степени нацелено на развитие малых и средних предприятий, что является скорее исключением, чем правилом. Так, в 2007 г. 57% финансирования предприятий получили малые и средние предприятия, из них почти 20% – микропредприятия (с числом занятых до 9 человек) [29];
- 2) структурам агентства присущи гибкость и мобильность. Так, с начала 2008 г. в агентстве произошла очередная реорганизация. В ее результате процедура получения финансовой помощи молодыми инно-

вационными компаниями в значительной степени была упрощена. Интересно также и то, что даже нерезиденты могут получить помощь от «Текес», при условии «функциональности на благо финской экономики» [30];

- 3) «Текес» нацелено на международные сетевые проекты, которые реализуются в условиях международной кооперации;
- 4) функционирование агентства динамично и не бюрократизировано (например, заявки подаются в электронном виде (форма размещена в Интернете) на финском, шведском и английском языках).

По прогнозам экспертов, в ближайшее время будет возрастать значение мероприятий, проводимых на уровне регионов. Термин «региональные инновационные системы» на Западе появился еще в конце 1990-х гг., что было связано с феноменом опережающего инновационного развития ряда регионов в отдельных странах¹¹. Отчасти это связано с тем, что чаще всего именно на уровне регионов и на местном уровне малые предприятия могут получить более ощутимую поддержку. В большинстве стран активно формируются кластеры (группа предприятий, связанных кооперационными связями и занимающимися производством и реализацией однотипной продукции) [31]. Многочисленные «истории успеха» инновационного развития были настолько показательны, что в 2007 г. Минэкономразвития России представило «Концепцию кластерной политики».

11 В ЕС большая их часть находится в Германии.

Таким образом, опыт стран ЕС в создании инновационной экономики позволяет сделать следующие выводы:

1. Создание инновационной экономики — настоятельная необходимость. Страны с инновационной экономикой гораздо более конкурентоспособны.
2. Инновационные процессы управляются на нескольких уровнях: межнациональном, национальном, региональном (местном).
3. На каждом уровне задачи инновационного развития решаются по-разному. Вместе с тем именно на региональном и местном уровне более всего удастся повысить инновационность малых предприятий, которые в ЕС составляют свыше 90% от общего количества предприятий.
4. Проблемы, которые в ближайшие несколько лет предстоит решать в РФ, актуализируют изучение западного опыта. Но точное его копирование в большинстве случаев не будет плодотворным. Любые инновационные мероприятия, как со стороны государства, так и со стороны государственно-частных структур, функционируют в условиях определенного национального контекста: экономического, социального, правового и т. д. Поэтому российская инновационная модель на всех ее уровнях будет заметно отличаться от немецкой, финской, итальянской, французской. Вместе с тем анализ европейского опыта поможет российским ученым и экспертам найти инструментарий и методы инновационной политики, наиболее пригодные для Российской Федерации.

1. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года: руководство Правительства РФ от 05 августа 2005 г. [Электронный ресурс] // Предпринимательское право: портал правовой поддержки предпринимательской деятельности. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_103596.html (дата обращения 15.11.2008).
2. *Циренщиков В. С.* Европа: тенденции инновационного развития. М.: Огни, 2004.
3. Там же. С. 11–12.
4. *Дынкин А. А.* «...Экономика знаний — менее очевидное явление» // Международные процессы. 2007. № 15.
5. *Борко Ю. А., Буторина О. В.* Перспективы Евросоюза в новом веке // Современная Европа. 2001. № 3.
6. Там же. С. 12–13.
7. *Борко Ю. А.* Расширение и углубление европейской интеграции // МЭМО. 2004. № 7.
8. OECD in Figures 2006–2007 [Электронный ресурс] // OECD Observer: site of Organization for Economic Co-operation and Development. URL: www.oecdobserver.org/news/get_file.php3/id/25/file/OECDInFigures2006-2007.pdf (дата обращения 30.10.2008).
9. *Meister C., Verspagen B.* European Productivity Gaps: is R & D the Solution? // Competitiveness & Growth in Europe. Lessons & Policy Implications for the Lisbon Strategy. London: S. Mundschen & oth. Edward Elgar Publishing, 2006.
10. *Nauwelaers C., Wintjes R.* Innovation Policy in Europe: Measurement & Strategy. Chaltenham: Edward Elgar, 2008.
11. A New Deal for an Effective European Research Policy: the Design and Impacts of the 7th Framework Programme / by Ugur Muldur ... [et al.]. Dordrecht: Springer, 2007.
12. *Brescki S., Cusmano L.* Unveiling the Texture of a European Research Area: Emergence of Oligarchic Networks under EU Framework Programmes // CESPRI Working Paper. July 2002. № 130.
13. General Budget of the European Union for the Financial Year 2006. The Figures. Luxembourg: European Communities, 2006.
14. A New Deal for an Effective European Research Policy ... С. 27–28.
15. EURAB Report // SME & ERA — Report & Recommendations. EURAB 04028-Final.
16. A New Deal for an Effective European Research Policy ... С. 172.
17. Ibid.
18. The 4-th Framework Programme in Ireland. Evaluation of the Operation & Impacts in Ireland of the of the EU's Fourth Framework Programme for Research & Development. 2001. [Электронный ресурс] // Forfas: national policy advisory body for enterprise and science. URL: http://www.forfas.ie/media/forfas/010301a_fourth_framework_programme.pdf (дата обращения 03.11.2008).
19. A New Deal for an Effective European Research Policy ... С. 125.
20. NIFU & al. Evaluation of Norway's Participation in the EU's 5-th Framework Programme. 2004.
21. Creating an Innovative Europe. Report of the Independent Expert Group on R&D & Innovation [Электронный ресурс] // Akademie věd České republiky. URL: http://www.cas.cz/data/vav/vav-eu/aho_report.pdf (дата обращения 03.11.2008).
22. Science, Technology & Innovation in Europe. Brussels: European Commission, 2007.
23. A New Deal for an Effective European Research Policy ... С. 160.
24. Ibid.
25. Ibid.
26. Ibid.
27. *Nauwelaers C., Wintjes R.* Op. cit. P. 215.
28. Tekes funding statistics in 2007 [Электронный ресурс] // Tekes: Finnish Funding Agency for Technology and Innovation. URL: <http://www.tekes.fi/eng/tekes/FundingStatistics/statistic07.html> (дата обращения 20.11.2008).
29. Ibid.
30. Funding principles [Электронный ресурс] // Tekes: Finnish Funding Agency for Technology and Innovation. URL: <http://www.tekes.fi/eng/tekes/rd/default.htm> (дата обращения 20.11.2008).
31. Шесть моделей кластеров и основные факторы их успеха // Эксперт Урал. 2008 7 апреля.

Г. Н. КРАСНОЛУЦКИЙ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА: КРУШЕНИЕ ИЛИ ОБРЕТЕНИЕ НАДЕЖД?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

интеллигенция, перестройка, государственная власть, Россия

KEY WORDS:

intelligentsia, perestroika, state power, Russia

В статье подробно излагается история взаимоотношений интеллигенции и государственной власти в России. Особое внимание уделяется вопросу о месте и роли интеллигенции в постсоветскую эпоху. Автор считает, что рыночная экономика способствует формированию экономически независимого от власти слоя интеллектуалов, который будет рассматривать государство с новых позиций, а также сможет корректировать его деятельность.

The history of relationship between intelligentsia and state power is closely developed in the article. Special attention is paid to the issue of the place and the role of intelligentsia in the post soviet epoch. The author states that market economy contributes to formation of economically independent strata of intellectuals, which will treat the state from the new positions and will be able to control its activity.

Мы живем в эпоху системных «тектонических сдвигов» в основах нашего общества, касающихся практически всех сфер общественной жизни, которые повлекли за собой целые комплексы новаций (по большей части негативных, реже позитивных) в экономике, политике, идеологии, также в социальной сфере, общественной психологии, морали, в области правовых норм, в общественном сознании в целом.

слоя вышла основная масса теоретиков, лидеров и вождей. Но в то же самое время интеллигенция более чем другие слои общества понесла невосполнимые потери (последствия которых для будущего России трудно оценить) под жестокими ударами тоталитарного режима. Этот режим культивировал монолитное единство и единомыслие общества, а для его вождей интеллигенция всегда таила оппозиционную угрозу.

Как всегда было в судьбоносные периоды российской истории, интеллигенция, как наиболее интеллектуально развитый, обладающий политической культурой и гражданской ответственностью высокоморальный слой общества в лице своих лучших представителей, занимала ведущие позиции в «смене вех». Достаточно вспомнить, что из недр российского образованного

С другой стороны, интеллигенция играла и играет противоречивую роль, когда выдвигала и выдвигает из своих рядов не только радикальных оппозиционеров, лидеров и героев-вождей, но и верноподанных апологетов-конформистов, а также диктаторов и палачей, гонителей свободы и ярых реакционеров, верных охранителей антидемократических режимов.

Об этом сказано и написано немало. Поэтому в каждую переломную эпоху снова и снова встает вопрос о той роли (миссии), которую интеллигенция должна будет играть, играла и играет в истории отечества, о ее судьбе в будущем демократическом обществе. В этой связи уместно, *во-первых*, остановиться на рассмотрении проблемы взаимоотношения власти в лице ее политических лидеров и интеллигенции; *во-вторых*, осмыслить и обозначить тенденции и изменения, которые коснулись роли, места и статуса интеллигенции в перестроечный и постсоветский период; *в-третьих*, попытаться показать истинную роль и значение интеллигенции в новом российском демократическом обществе.

Интеллигенция и власть в России

Интеллигенция в России всегда играла ключевую роль в общественно-политической, культурной и нравственной сфере общества, независимо от того, как к ней относились «власть держащие». Она была «властителем дум» при царизме, аналогичная ситуация была и в советскую эпоху.

Несмотря на то что Октябрьскую революцию возглавил «тонкий слой» образованнейших людей, значительная часть которых вошла в первую когорту новой советской управленческой элиты, отношение к интеллигенции у вождей революции было весьма неоднозначным, зачастую отрицательным.

Как известно, вождем мирового пролетариата — Ульянов-Ленин, будучи сам высокообразованным интеллигентом, интеллигенцию не любил и давал

ей уничижительные характеристики. Однако, будучи одним из ее выдающихся представителей, понимал, что «...без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя» [1, с. 202]. Тем не менее, в деле построения нового общества В. И. Ленин главную историческую роль возлагал на пролетариат, класс-гегемон, и на его союзника — крестьянство, интеллигенции отводилась весьма скромная роль социальной прослойки-попутчика.

Его соратник И. В. Сталин с позиции недоучившегося семинариста вовсе ненавидел и презирал интеллигенцию, но вынужденно понимал, что без «прослойки трудовой интеллигенции» в деле построения социализма не обойтись. Понимая это, он последовательно сочетал этот тезис с массивным и изощренным уничтожением лучшей ее части. Отметим, что в период правления Вождя народов, остатки старой российской интеллигенции и новая ее генерация — советская интеллигенция получили самый сокрушительный удар за всю советскую историю. Общеизвестно, что даже крупнейшие советские ученые, «ковавшие оружие победы» своими научными открытиями и талантами, не избежали лагерной участи и были помещены в так называемые «шарашки», блестяще описанные А. И. Солженицыным.

Н. С. Хрущев, будучи выходцем из крестьян и не получив законченного высшего образования, также не жаловал интеллигенцию, особенно ее творческую часть. Он прославился не только скандальными выступлениями в ООН и повсеместным распространением кукурузных полей, но и «бульдозер-

ной» методикой насаждения социалистического реализма, при помощи которой пытался «перевоспитать» творческую интеллигенцию, особенно художников и скульпторов, в меру своего крестьянского понимания ее роли и стоящих перед ней задач. Примечательен такой факт: Э. Неизвестному — скульптору, который особо испытал на себе гнев генсека за «чуждое народу» искусство, после смерти Хрущева был заказан памятник, который установлен на его могиле в Москве на Новодевичьем мемориальном кладбище.

В эпоху правления Л. И. Брежнева, особенно в ее последний застойный, деградирующий период, травля и преследование диссидентствующей (оппозиционной режиму) части интеллигенции приобрела некую «демократическую» новацию и своеобразную альтернативу: либо вариант принудительного лечения в психиатрических клиниках, либо вариант «высылки» из страны и лишение гражданства. Яркими примерами таких сценариев могут служить высылка из страны лауреатов Нобелевской премии в области литературы И. Бродского и А. И. Солженицына, известных всему миру музыкантов Г. Вишневской и М. Ростроповича, а также многих других талантливых представителей советской интеллигенции. Основная же часть интеллигенции должна была быть «благонадежной» и осуждать уехавших на Запад «отщепенцев», а также одобрять и поддерживать «мудрую политику КПСС как руководящей и направляющей силы современности» и послушно осуществлять поступательное движение и трансформацию в качестве «особой прослойки» к «полной социальной однородности советского общества».

В период «генсекства — президентства» М. С. Горбачева и объявленной им «сверху» перестройки и гласности, романтическая эйфория интеллигенции от вседозволенности и снятия идеологических запретов и ограничений была омрачена сюжетом осуждения и пресечения воинствующим большинством II съезда Советов, во главе с инициатором «гласности и процессов демократизации», позиции депутата А. Сахарова по вопросу оценки участия России в афганской войне. Обществу дали внятно понять, что дискредитировавший себя принцип демократического централизма, с его формальным, количественным методом абсолютного подчинения меньшинства большинству, остается в силе и является основой понимания «новой демократии» и впредь, а плюрализм мнений и гласность имеют границы, обозначенные агрессивным большинством. Внедряемые затем «концепция ускорения» и «концепция нового мышления» в направлении построения «социализма с человеческим лицом» оставили в силе этот принцип. Последовавшие за этим развал СССР и крушение безраздельного господства и диктата КПСС ввергли страну в пучину социально-экономических, политических и многих других проблем. В этот период разрозненные представители демократической интеллигенции стали формировать политические партии демократической ориентации, пытаясь повернуть ход событий в демократическое русло.

С первых дней своего президентства «всенародно избранный лидер демократических сил и гарант Конституции» Б. Н. Ельцин принялся создавать систему власти, используя для этой цели при-

вычный для него с номенклатурных времен метод «голового администрирования». В качестве «строительного материала» он использовал 2 противоположных полюса «кадрового потенциала». С одной стороны — хорошо ему знакомый партноменклатурный слой интеллигенции, а с другой — отдельных, идейно и организационно разобщенных представителей различной демократической ориентации интеллигенции, не связанной с властными структурами прежней политической системы (Б. Немцов, И. Хакамада и др.). Эта двойственность и разновекторность кадровой политики привела к тому, что основное ядро номенклатурной интеллигенции сохранило свои позиции в эшелонах властных структур. Это стало одной из причин нерешительности и непоследовательности действий президента в проведении демократических реформ и снискало ему славу «бессильного» и «неадекватного» политического лидера.

При президенте В. В. Путине проблема взаимоотношения властей и самого политического лидера с интеллигенцией выглядит более оптимистично, хотя и не вполне однозначно. Просматриваются 2 мотива неопределенности оценки ситуации. Во-первых, часто употреблявшийся президентом тезис о «диктатуре закона» без раскрытия координат его понимания мог толковаться двояко:

1. Нарращивание «критической массы» из представителей силовых ведомств на ключевые посты (что и сейчас активно происходит как по вертикали, так и по горизонтали власти) таит в себе опасность трансформации «диктатуры закона» в «диктатуру силы» или «диктатуру власти».

2. В тезисе о «диктатуре закона», при его определенной интерпретации, таится волюнтаристическое начало, открывающее простор безудержному законотворчеству разнополюсной направленности, диктуемой соображениями текущей конъюнктурной целесообразности. Очевидно, что такой ход событий грозит неисчислимыми бедами самой «продвинутой» части общества, которая по субъективным или «объективным» основаниям уже принимала, как это уже было неоднократно в отечественной истории, сокрушительный удар на себя. Интеллигенция всегда была слишком слабой преградой на пути «парада целесообразностей», который неизменно вел к формированию авторитарно-репрессивных тенденций власти.

Во-вторых, даже в условиях понимания президентом и его окружением вышеперечисленных опасностей и трактовкой «диктатуры закона» как «диктатуры общечеловеческих норм и ценностей», основанных на естественных, неотчуждаемых правах личности, существует объективная опасность «сползания» власти и политического лидера в сторону авторитаристских тенденций. Выбор этого пути может произойти либо под давлением событий, либо при тактической разовой попытке «угодить» обладающей реальной силой региональным номенклатурным лидерам, коррумпированным лоббистам отраслевых структур (силовики), криминальной и национал-патриотической псевдоэлите, которые заражены духом реванша и восстановления былого безраздельного господства над обществом любой ценой.

Таким образом, реализация этих сценариев развития событий в явном или латентном виде не способствует продвижению нашей страны к гражданскому обществу и демократии, а скорее наоборот, толкает ее назад к мобилизационной экономике, к усилению фискальных и полицейских функций государства, навязанными обществу, со всеми вытекающими для интеллигенции последствиями.

Как показали выборы в Государственную думу пятого созыва 2007 г., где избирательный список партии «Единая Россия» политически возглавил действующий тогда президент В. В. Путин, в России упрочилась политическая система с доминирующей партией. Эта партия, которая незамедлительно объявила сама себя «партией власти», теперь может единолично принимать любые свои решения, не учитывая мнения своих оппонентов. Российское общество ее такими полномочиями не наделяло.

Примечательно, что главным в деятельности «Единой России» является не представительство и защита интересов социальных групп или слоев гражданского общества, а поддержка курса действующего правительства и президента (план Путина), а также продвижение своих представителей в государственные структуры. Ее лидеры, с ярко выраженными властными амбициями, больше занимаются произнесением пламенных речей, показательными политическими акциями (новое Знамя Победы, «триумф» ее представителей на дне мирового океана), чем повседневной практической работой по реализации принципов демократии в политическую реальность. Эта партия

представляет собой формальное объединение ее сторонников (идеология отсутствует) вокруг политического лидера с целью доминирования во властных структурах для реализации своих групповых интересов и не является каналом связи гражданского общества и власти. Результаты голосования в Государственную думу в пользу «Единой России» объясняются не ее популярностью у электората, а высокими рейтингами В. В. Путина. Данный вывод базируется на данных опросов населения РФ, которые свидетельствуют о том, что «...политические партии РФ не пользуются доверием у граждан. Большинство их не видят в партиях представителей своих интересов» [2, с. 59]. Более того, предложив обществу номенклатурно-партийную систему рекрутирования политических элит всей вертикали власти, «Единая Россия» рискует повторить печальный опыт слияния государственных и партийных органов при ведущей роли последних, как это было с КПСС. Подобная ситуация будет являть собой для интеллигенции повторение «уже пройденного исторического урока».

Оценить отношение ныне действующего президента России Д. А. Медведева к интеллигенции в данный момент затруднительно в силу непродолжительного пребывания его на этом посту. Хотя «генетическая» связь президента с интеллигенцией просматривается «невооруженным взглядом». Он выходец из семьи вузовских преподавателей, получил образование, ученую степень и преподавал в одном из престижнейших университетов России — Санкт-Петербургском университете. Заслуживает внимания позитивный факт, свидетель-

ствующий об отношении президента к демократии вообще и к интеллигенции в частности. Д. Медведев в бытность вице-премьером правительства раскритиковал стержневое понятие идеологической платформы ключевой фигуры в администрации Президента В. Суркова — термин «суверенная демократия» — за использование прилагательного «суверенная». Данный термин предполагал отличные от западных демократий стандарты и ценности применительно к России, дезавуировал основные принципы демократии и выхолащивал ее содержание [3, с. 389–398].

Таким образом, прослеживая механизмы взаимодействия и систему отношений власти и интеллигенции, следует отметить ряд тенденций:

1. В течение всего советского периода власть в лице вождей не видела в интеллигенции своего союзника в политическом смысле и использовала ее только по прямому назначению: как генератор научно-технических идей и создатель культурных ценностей.
2. В силу того факта, что на протяжении всего советского периода в СССР существовали антидемократические режимы (тоталитаризм и авторитаризм), интеллигенция, особенно та ее часть, которая могла адекватно оценить политическую систему страны, была оппозиционной и несла угрозу режиму, за что всегда подвергалась гонениям.
3. К началу перестроечного периода интеллигенция как социальный слой не была консолидирована ни организационно, ни идейно, а ее отдельные отряды были привер-

женцами различных идейных течений.

4. В современных условиях в политике доминирует субэлитная часть интеллигенции, характерной особенностью которой является ее принадлежность в подавляющем большинстве к бывшей номенклатуре. По данным российских социологов, в настоящее время лишь около 20–25% интеллигенции в эшелонах власти свободны от номенклатурного прошлого [4].

Место и роль интеллигенции в постсоветский период

Как известно, эволюция советского типа общества привела к состоянию стагнации, за которой последовал системный кризис общества, разрушивший систему устоявшихся культурно-нормативных ценностей и структуру привычных социальных ролей и статусов. В условиях усиливающейся общей экономической и политической нестабильности для интеллигенции, как и для других социальных групп общества, возникла реальная опасность потери гарантированного минимума качества жизни и средств к существованию. Подобные процессы протекали на фоне корректировки в сторону значительно-го понижения роли и статуса интеллигенции в обществе.

Необходимо отметить, что к началу перестройки в ее структуре, кроме традиционных внутригрупповых различий (исполнительский и организаторский труд, наличие профессиональных отрядов), существовал сформировавшийся из различных социальных слоев, включая интеллигенцию, специфический

слой управленцев, который обозначен в научной литературе терминами «новый политический класс» [5; 6]; «номенклатура», «привилегированный класс», «господствующий класс» [7; 8].

Этот политико-административный слой интеллигенции к началу перестройки безраздельно господствовал в советском обществе. Персональный состав этого слоя периодически менялся, но должностная структура оставалась практически неизменной, как и господствующий статус этого слоя в структуре общества. Этот слой, используя свое господствующее положение, а также в совершенстве владея искусством социально-политической мимикрии в основной своей массе, плавно «перелился» в руководящие демократические эшелоны перестройки¹. Перейдя в «новое качество», этот слой сохранил такие типичные для него черты, как идеологический и политический конформизм, корпоративная сплоченность, «психология агрессивного большинства» и «претендование на абсолютную истину», личная преданность руководству, нетерпимость к оппонированию, корпоративные и родственные связи и многое другое. Он успешно использовал опыт и навыки прошлой деятельности, сохранил каналы групповых интересов («свои» лучше, чем «чужие») для осуществления стратегической цели, позволяющей удовлетворить собствен-

ные корпоративные интересы при помощи различных политических сценариев. Первым сценарием, возможно, является модифицированный «ползучий» реванш в направлении однопартийной системы («партия власти» по типу Китая); либо обретение контроля над процессом демократизации общества (вариант «управляемой демократии»), либо оба варианта этих сценариев, имеющих конечной целью политическое доминирование в исторически обозримом будущем. Как правило, выходцы из этого слоя сидят на «двух стульях»: занимают руководящие позиции в производственном госсекторе и имеют свой бизнес либо имеют свой бизнес и занимаются общественно-политической деятельностью, успешно адаптировавшись к новым условиям и составляя костяк кадрового потенциала всех уровней властных структур.

Очевидно, что корпоративные интересы данного слоя не выражают и не артикулируют потребности как всего общества в целом, так и интересы его различных социальных слоев и групп, включая остальной социальной массив интеллигенции.

Основной массе интеллигенции в создавшихся условиях не остается ничего лучшего, как выживать и «вживаться», адаптироваться к условиям с наличествующими социально-политическими координатами. Осуществляет она этот сценарий различными путями, методами и средствами.

Наиболее квалифицированная, талантливая и молодая часть научно-технической и творческой интеллигенции, используя любую подходящую возможность, устремилась на Запад и адапти-

1 Об этом факте свидетельствуют данные анализа журнала «Общественные науки и современность» (1995 г. № 12. С. 63–65), где указывается, что 69,9% слоя бывшей номенклатуры сохранили свои позиции в новом обществе.

ровалась там к новой жизни. В настоящий момент это явление приобрело угрожающие масштабы (речь идет о десятках, если не сотнях тысяч выходцев из интеллектуальной элиты), что, в свою очередь, ведет к утрате мировых приоритетов в фундаментальных исследованиях и достижениях ряда направлений отечественной науки и отраслей промышленности. Причина сложившейся ситуации банальна: борьба приоритетов. Стоящие у власти «политиканствующие элиты» свои корпоративные интересы ставят выше интересов всего общества и страны в целом. Основная часть бюджета нашей страны расходуется на армию, «силовики», чиновничество, тогда как на науку, образование, медицину, культуру и социальную сферу отпускается незначительная его часть. Существующая российская практика финансирования науки подтверждает высказывание У. Черчилля: «Политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующие поколения».

Другая часть интеллигенции, как правило, наиболее квалифицированная, но обремененная семьями и возрастом, отвергнув исконно интеллигентское презрение к богатству, стала сотрудничать с бизнесом, уйдя в него либо совмещая с основной деятельностью, что позволило ей сносно существовать.

Остальная наиболее многочисленная, но менее удачливая часть научной, производственно-технической, творческой интеллигенции (врачи, учителя, библиотечные и музейные работники) продолжают осуществлять свою деятельность в госсекторе в бюджетных

организациях, уповая на свою «мессинскую роль» и «долг перед обществом». Эти социально-психологические установки имеют под собой реальную основу в виде моральных норм, квалификации, ученых степеней и званий, хотя их статус в современных условиях не котируется. В создавшихся условиях рассматриваемый слой не находит адекватной оценки своей деятельности со стороны государства, что вынуждает эту часть интеллигенции влачить жалкое материальное существование, достойное «массового образованца» (по Солженицыну).

Еще более горькая участь постигла самую незащищенную часть интеллигенции, которая достигла пенсионного возраста и по состоянию здоровья не имеет возможность продолжать трудиться. Ее представители в качестве единственного источника существования имеют государственное пособие — пенсию. Размеры этого пособия составляют 20–22% от ставки работника в РФ при 40–75% от совокупного дохода работника развитых стран Запада. Особенно чудовищно и дико выглядят публикуемые в СМИ факты недостойного существования творческой интеллигенции: выдающихся актеров и бывших кумиров миллионов граждан, живших и умерших на грани нищеты (С. Филиппов, Г. Юматов, А. Демьяненко, М. Кононов, С. Фарада). Предпринимаемые в настоящий момент меры по улучшению пенсионного обслуживания граждан РФ в лучшем случае компенсируют уровень инфляции и существенно не улучшают качество жизни пенсионеров.

Лишь небольшая часть интеллигенции нашла возможность интегриро-

ваться в новые условия и примкнуть к высокопрестижным группам с высокими доходами. К ней относят депутатов всех уровней и их помощников, консультантов и помощников глав администраций, мэров и губернаторов; спичрайтеров, консультантов и помощников чиновников из высших эшелонов власти. Этот слой интеллигенции смог полно ощутить профессиональную востребованность, уровень возможностей своего должностного статуса и достойное материальное положение. Следует еще раз подчеркнуть, что численно — это достаточно ограниченный круг выходцев из интеллигенции, поскольку в России к высшей элите, по данным отечественных социологов, относят 200–300 человек, а ядро элиты составляют 30–40 человек. В западных странах на миллион жителей приходится около 50 представителей элиты, а ядро ее составляет 200–400 человек. В силу этого количество интеллигенции, обслуживающее представителей высшей элиты в России, значительно меньше, чем на Западе. Стоит отметить, что эта немногочисленная часть высококвалифицированных специалистов подпитывает политику своим интеллектуальным потенциалом и одновременно составляют здоровую конкуренцию беспринципным политикам, дельцам и карьеристам в политике.

Подводя итог рассмотрению вопроса о месте и роли интеллигенции в постсоветский период, необходимо высказать следующие соображения.

За годы существования тоталитарного режима в СССР интеллигенция в целом понесла колоссальные потери не только по количественным, но и по качественным параметрам. Физическое

уничтожение, преследование и изгнание из страны лучших ее представительниц отрицательно сказалось на качественном потенциале ее рядов. Воспитание новых поколений интеллигенции «в духе преданности» партии и заветам ее вождей также способствовали снижению уровня адекватной оценки этим слоем политических событий, происходящих в советском обществе. В СССР вместо социалистического общества равных возможностей первоначально был построен «казарменный социализм», на смену которому затем пришла административно-командная система «номенклатурного социализма». Поэтому к началу перестройки вся интеллигенция не могла претендовать на роль «властителя дум» и борца с тоталитаризмом. Эту роль выполняла лишь ее незначительная часть как внутри страны (так называемые диссиденты и правозащитники, которые мужественно несли свой тяжкий крест), так и за рубежом, из числа выдающихся писателей (А. Солженицын, В. Войнович, С. Довлатов), философов (А. Зиновьев), деятелей искусства (М. Ростропович, Г. Вишневецкая).

С начала перестройки и до настоящего времени российская интеллигенция в большинстве своем представляет весьма пеструю палитру идеологических предпочтений от поддержки идей левого радикализма и центризма до консерватизма (ура-патриоты). В то же время она проявила незначительный интерес к либеральным ценностям, идеям социал-демократии, чем обусловила уход с политической арены ряда партий демократической ориентации, лишенных электоральной поддержки интеллигенции.

Судьбы российской интеллигенции в новом демократическом обществе

Говорить о судьбах интеллигенции в обозримом будущем совсем непросто, так же, как и строить прогнозы о будущем нашей страны.

В Евангелии от Матфея сказано: «Где ничто не положено — там нечего взять». В нашем случае сие означает, что многое зависит от того, как россияне в целом, а интеллигенция в частности, распорядятся историческим шансом, когда представилась возможность осуществления демократического устройства общества. Если этот вариант будет реализован, Россия займет достойное место в ряду современных цивилизованных социальных государств, а трудности и лишения перестроечного периода «канут в лету» и забудутся как неприятный исторический эпизод. Если же Россия опять не устоит перед искушением осуществить свой «особый», «суверенный» вариант «номенклатурной управляемой демократии», то вся жизнь россиян опять будет «сплошной эпизод» с «врожденным достоинством социализма» — «равенством в нищете» как социально гарантированной нормы.

А интеллигенция вновь, как и прежде, станет «эпизодическим персонажем» и не будет играть ту определяющую роль в жизни общества, как это принято в практике современных демократических государств.

Какие факторы препятствуют, на наш взгляд, развитию процесса демократизации российского общества и тормозят реализацию демократического сценария?

Внешне на «фасадно-ландшафтном срезе» современная российская демократия приняла ряд черт, во многом сходных с западными аналогами. Вместе с тем, когда мы начинаем «сканировать» крупный план российского демократического ландшафта, начинают бросаться в глаза отличия, порою существенные. Так, в современных условиях дезавуирован, если не отменен вовсе, основной принцип демократии — выборность и сменяемость высших должностных лиц. Взамен ему стал широко внедряться «принцип назначения» должностных лиц по признакам партийной принадлежности, «командным» критериям (питерские), номенклатурным связям. Деловые качества и профессионализм в установившейся практике принимаются в расчет лишь по «остаточному принципу». Применяемый пока еще в российской политической практике принцип выборности также имеет свою специфику. Выдвижение всех кандидатов на руководящие посты отдано на откуп либо партиям, либо должностным лицам высокого ранга (президент, полпреды, губернаторы), но не электорату. Участие последнего в избирательном процессе сведено к минимуму: отменен порог явки на выборах, запрещены независимые наблюдатели на избирательных участках, отменено голосование «против всех», отменен принцип самовыдвижения. Все эти меры значительно сужают «демократическое пространство» и способствуют превращению избирательного процесса в формальное мероприятие с заранее предрешимым результатом.

Аналогичную «модификацию» претерпел также и принцип плюрализма во всех его проявлениях. Если в эконо-

мической сфере современной России действия этого принципа прослеживаются достаточно отчетливо (многоукладность экономики), то в политической сфере его применяют «строго дозированно». Появление множества партий еще не свидетельствует о многопартийности. На политической арене в политическом процессе участвуют и функционируют в данный момент лишь только те партии, чья лояльность не вызывает сомнения у кремлевской администрации. Мало кого беспокоит тот факт, что концепции таких партий не разработаны и не ориентированы на интересы определенных социальных слоев. Основная деятельность этих партий сводится к овладению максимальным количеством мест в парламенте и правительственных структурах, а также к демонстрации лояльности правящей верхушке. Много хуже обстоит дело с наличием оппозиции и альтернативных источников информации. В институтах законодательной и исполнительной власти отсутствует представительство альтернативных точек зрения. Все решения в Государственной думе принимаются на безальтернативной основе доминирующей партией. Артикулирование альтернативных точек зрения воспринимается властными структурами крайне негативно и даже враждебно (избиение ОМОНом и разгон участников «Марша несогласных» в Москве и Санкт-Петербурге в период избирательной кампании в Государственную думу).

Какие меры позволят преодолеть имеющиеся в российской политической реальности «родимые пятна» тоталитаризма и авторитаризма, а также «детскую болезнь» роста молодой демократии? Рецепт очевиден и прост.

Во-первых, необходимо реформировать систему рекрутирования политических элит, сделав ее открытой (антрепренерской) для демократически ориентированной интеллигенции и других социальных слоев. Упразднить возрождающуюся партийно-номенклатурную систему ротации кадров как не соответствующую принципам демократии. Восстановить демократический принцип выборности и сменяемости высших должностных лиц. Исключить из российской практики *политический элитаризм* («занимающие место» назначенцы) и *политическое доминирование* («элиты господства» — диктат и навязывание своей воли обществу), заменив их *политическим элитизмом* (избрание достойных по профессиональным критериям) и реальной *политической конкуренцией* (представительство альтернативных идей), открывающей дорогу демократической интеллигенции («элитам развития»).

Во-вторых, интеллигенция призвана активно осуществлять процесс политической социализации всех слоев общества и формировать у них политическую культуру в контексте демократических ценностей.

Будущее интеллигенции напрямую зависит от социально-политических тенденций развития страны. В условиях рыночной экономики создаются объективные условия для творческого поиска и роста, конкуренции идей, талантов. В то же время отсутствует гарантированный минимум в форме подачек от государства: мизерная зарплата, социальные льготы, но при этом существует лишь одна возможность зарабатывать свой «хлеб насущный» и место «под солнцем» в творческом труде. Все это

формирует условия для экономически независимого (реально свободного) от власти слоя интеллектуалов, который будет рассматривать государство с но-

вых позиций — «наемного служащего» или «ночного сторожа» и сможет корректировать его деятельность, не находясь от него в полной зависимости.

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35.
2. Политические партии. Зачем они нужны // *Стратегия России.* 2005. № 9.
3. *Зотова Э. М.* Российские политические партии в Государственной думе Федерального собрания РФ // *Парламентаризм в России и Германии: История и современность* / отв. ред. Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина. М., 2006. С. 389–398.
4. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
5. *Джилас М.* Новый класс. М., 1990.
6. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.
7. *Авторханов А.* Технология власти. М., 1991.
8. *Восленский М.* Номенклатура. М., 2005.

А. О. ПЛИЕВА

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЕС

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политическое поле, внешняя политика, ЕС, территориально-пространственные изменения, пространственная политика

KEY WORDS:

political field, foreign policy, EU, territorial and spatial changes, spatial policy

Статья посвящена описанию изменений, происходящих в политическом поле ЕС под воздействием процесса его ускоренного расширения. Автор отмечает, что расширение ЕС, в конечном счете, ведет к тому, что пространство, в котором оформляется поле, размывается: одна его часть как бы переходит на уровень Европейского Союза и его институтов (наднациональный уровень), другая часть поглощается регионами.

The article is dedicated to the changes taking place in the political field of the EU under the influence of the processes of accelerated expansion of the European Union. The author states that expansion of the EU will be finally followed by destruction of the space where the political field is forming: one part of the space will somewhat go up to the level of the European Union and its institutes (supernational level), and the other part will be absorbed by the local regions.

Все политические отношения и взаимосвязи осуществляются в пределах определенного политического пространства, а наиболее устойчивые из них образуют политическое поле. «Поле политики не есть абсолютное вместилище являющегося бытия, но контингентное пространство отношений — порядок сосуществования политических явлений, пространство, включающее множество всех своих состояний. Поле политики есть универсум политических явлений с различиями и противоречиями между политическими явлениями» [1, с. 9–14].

Порядок сосуществования политических явлений (поле) может разрушаться или трансформироваться под воздействием внешних условий, например, при расширении или сокращении

территории государства или союза государств. Так, с распадом Советского Союза разрушилось и его политическое поле. В то же время пространство ЕС стало расширяться, что не могло не отразиться на его внутривнутриполитических связях и отношениях, позициях и диспозициях агентов его политического поля.

Пристальное внимание к территориально-пространственным изменениям со стороны европейских институтов наблюдается еще с 1960-х гг., когда Европарламентом была разработана «Программа регионального планирования». Позже эта проблематика находит отражение в закрытых документах Еврокомиссии — «Европа 2000» («Europe 2000» COM (90) 544) и «Европа 2000+» («Europe 2000+» COM (94) 354). Сове-

шание в Льеже в 1993 г. стало отправной точкой для подготовки полномасштабной стратегии под названием «Перспективы европейского пространственного развития». В 1999 г. на закрытом совещании ответственных министров в Потсдаме был утвержден так называемый «Комитет по пространственному развитию» (Spatial Development Committee) [2], состоящий из представителей Еврокомиссии и спецпредставителей стран-участниц. Комитетом была обозначена главная цель пространственной стратегии ЕС — создание упорядоченного и сбалансированного пространства. В «Перспективах европейского пространственного развития», утвержденных Комитетом, впервые были обозначены основные направления, цели и механизмы территориально-пространственной стратегии ЕС, основанные на новых тенденциях, возможностях и вызовах, с которыми сталкивается эта новая политическая система. Политика ЕС, направленная на совершенствование своего пространства, обозначена здесь как «новое европейское измерение». ЕС, как актер мировой политики, обладает всеми необходимыми инструментами для формирования политического дискурса. В этом смысле политика нового измерения имеет широкий контекст. Во-первых, она является геостратегической концепцией, так как речь идет об освоении и присвоении близлежащего окружения. Во-вторых, новое измерение предполагает совершенно новые формы регионального сотрудничества. И в-третьих, она открывает уникальную возможность широкой транснационализации пространства, что способствует противодействию не-

предвиденным и рассчитанным глобализационным угрозам на европейском континенте.

В «Перспективах европейского пространственного развития» подчеркивается, что «для углубления и расширения своей политики ЕС отныне будет руководствоваться механизмом нового измерения для создания надежного и безопасного окружения в соответствии с основными целями ЕС, направленными на достижение экономической и социальной сплоченности, конкуренции, основанной на знании и информации, а также сохранении европейских культурных и духовных ценностей» [3].

Геостратегически все пространство ЕС разделено на «северное измерение», которое охватывает регион Балтийского и Баренцева морей; «восточное измерение», охватывающее Россию, Белоруссию, Украину и Молдавию; «южное измерение», включающее в себя Средиземноморье, а также имеет «специфическое балканское» и кавказское направления.

Следует отметить, что, несмотря на приверженность ЕС принципам «мягкой безопасности», в геостратегическом плане он находится все еще в формате «жесткой безопасности» США. В принципе, США (НАТО) «присваивает» территории, а ЕС их «осваивает». Наглядным подтверждением этому является присутствие США, в той или иной степени, во всех вышеобозначенных «измерениях». Так, например, «Северное измерение» является трансформированным вариантом стратегии «Северо-европейская инициатива», разработанной Правительством США в период президентства Б. Клинтона в 1997 г. Оригинальное название данной

стратегии «РАНД» (RAND) соответствует инициалам его авторов — Рональда Асмуса и Роберта Нурека. Приоритетные задачи США и НАТО в Балтийском регионе они изложили в статье, опубликованной в журнале «Выживание» («Survival»). Данной инициативой США обозначили себя как военного покровителя балтийских стран. В то же время она стала инструментом смягчения позиции России относительно расширения НАТО на восток и подключения ее к полномасштабному сотрудничеству в регионе. По словам бывшего госсекретаря США по безопасности М. Олбрайт, цель «Северо-европейской инициативы» — сделать для Восточной Европы то же, что мы сделали для Западной Европы: исключить военное развитие событий в регионе и включить в этот процесс Россию, а не изолировать ее» [4].

Европейский вариант широкомасштабной северной кооперации появился с подачи Финляндии в виде «Северного измерения Европейского Союза» [5]. Географически «Северное измерение ЕС» охватывает регион, состоящий из государств Балтийского моря: Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, а также Исландии, Норвегии, Северо-Запада и европейского Севера России. В регионе проживает около 60 млн человек. Как пишет известный российский исследователь данной проблематики Александр Сергунин, «Северное измерение» «...замышлялось как своего рода лаборатория, в которой должны были проводиться эксперименты по выработке новых форм и моделей сотрудничества между ЕС с его восточными партнерами» [6].

Следует отметить, что существует определенная закономерность в иницировании того или иного «измерения». Так, например, инкорпорация в ЕС Греции, Испании и Португалии привела к появлению «Южного измерения» и формированию средиземноморской политики ЕС. В то же время расширение ЕС на восток способствовало продвижению «Восточного измерения», целью которого является «упразднение существующих разделительных линий посредством оказания соседним странам помощи и тесного сотрудничества с ними на основе общих ценностей и интересов» [7].

Все эти проекты рассчитаны на то, чтобы обеспечить стабильность и устойчивость развития на прилегающих к ЕС территориях. Кроме того, они имеют целью формирование новых региональных и субрегиональных образований.

В последнее время наряду с термином «новое измерение» в научной литературе используются также понятия «новый регионализм» и «новые геометрии» [8], подчеркивающие трансрегиональный и трансграничный аспекты данного явления. Рассматриваемые понятия, дополняя друг друга, в той или иной степени характеризуют территориально-пространственные изменения в пределах и за пределами ЕС.

Так, понятие «новый регионализм», введенное в научный оборот профессором Эдинбургского университета Эберхардом Бортом, подразумевает большую независимость региональных элит, интегрированных в разные уровни управления и открытых для модернизации. Это развитие особой региональной культуры управления, основанной на многоуровневом сотрудничестве. Дан-

ный подход согласуется с точкой зрения известного американского ученого Джона Ньюхауса, который подчеркивает, что «значительная часть европейского индустриального и финансового бизнеса и политика сосредоточены в регионах, которые объединяются, игнорируя все границы. Они включаются в глобальные процессы в обход своих национальных столиц. Они используют новейшие информационно-коммуникационные системы, имеют доступ к капиталу и склонны полагать, что сами могут контролировать и направлять свои действия, не полагаясь на местных бюрократов, будь то в Брюсселе или в Париже. Они считают, что национальные правительства слишком малы, чтобы решать международные проблемы, и слишком велики, чтобы справляться с повседневными рутинными вопросами, и поэтому они сами в состоянии решать и те, и другие проблемы самостоятельно» [9].

Термин «новые геометрии» отражает разнообразие форм и моделей территориально-пространственных образований: «треугольники» (например, Веймарский, включающий в себя Германию, Францию и Польшу), «группы» (Вышеградская: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), «зоны» (Балтийская зона свободной торговли: страны бассейна Балтийского моря), «бананы» (так называемый «золотой пояс Европы», или зона экономического благополучия, идущая от юго-востока Англии через север Франции, страны Бенилюкса, и далее через Рейн в Швейцарию [10].

Многообразие «внутренних» и «внешних» регионов и их названия, которые часто не вписываются в традици-

онный научный формат, создают определенные трудности в их описании. Но с другой стороны, это лишь подчеркивает специфический характер сути происходящих процессов.

Исследуя внутренние связи, складывающиеся между различными пространственными образованиями, известные исследователи данной проблематики Бернд Грос и Питер Шмитт-Эгнер приходят к выводу, что характер этих связей адекватен понятию «измерение», т. е. они не однолинейны: из центра вниз либо наоборот. Они имеют сложные очертания и отличаются глубиной и объемом [11].

Политика «нового измерения» имеет глубокие исторические корни. Еще в 800 г. на рубеже Франкского государства были учреждены пограничные области — маркграфства (Испанское, Тосканское, Восточно-Бранденбургское и др.), которые впоследствии стали выделяться уровнем развития экономики и культуры. Маркграфства стали основой формирования рубежных государств (королевство Лотарингия во второй половине IX в., Бургундское государство в XIV–XV вв.).

Когда Франкское государство распалось на Францию, Германию и Италию, на бывших римских границах по Рейну сформировалась структурная ось романо-германского мира, соединившая «миры экономики» [12, с. 176] Юга и Севера — стран Средиземноморья, Северного моря и Балтики. Интенсивные торговые связи способствовали экономическому росту вдоль трансъевропейской коммуникации Юг — Север. Возникли центры финансового капитала и биржи в Брюгге, Женеве, Лионе и других городах. С великим

среднеевропейским торговым путем связана история Ганзейского, Рейнского и Швабского союзов вольных городов.

В исчерпывающем исследовании роли «пояса городов», складывавшихся в Западной Европе после падения Римской империи, известный норвежский политолог Стейн Роккан отмечает: «Там сложилось устойчивое сочетание внутреннего равновесия и удивительной стабильности во временном масштабе» [13, с. 42]. По мере возрастания размеров и богатства городов усиливалось их функциональное отграничение от окружающих их сельских территорий, однако все это происходило таким образом, что ни один из них не подчинил себе полностью другие, что препятствовало развитию моноцефальной центроструктуры (появлению одного центра). «Пояс городов» был также достаточно силен, чтобы воспрепятствовать вторжениям и захвату его частей силами извне.

Таким образом, Западная Европа была географически разделена на 2 части этим динамическим равновесием. «Пояс городов» явился ядром и двигателем Западной Европы, определяющим ее территориальное деление и структуру.

Первые европейские нации-государства развивались со времен Средневековья через династические центры по обеим сторонам «пояса городов», на равнинах к западу и востоку от него. Государства/империи возникали вне «пояса городов», в то время как сам этот «пояс» ограждал себя от власти этих государств буферными зонами, образованными этнически и культурно выделяющимися анклавными. Эти буферные зоны обеспечивали центральному

«поясу» защиту против династических центров к западу и востоку от него: будучи отличными от династических центров и располагаясь на значительном расстоянии от них, они с трудом поддавались интегрированию.

Таким образом, существование «буферных» внутренних периферий помогало сохранению «пояса городов». Одновременно они служили границами династических центров, а впоследствии и империй. Периферии было сложно завоевать и ими было трудно управлять. Поэтому они играли роль внешнего «оборонного рубежа» против других врагов, но в то же время несли с собой угрозу развития по пути автономизации либо присоединения к соседней империи. «Буферная функция» в ее современном понимании отсутствовала, так как империи в меньшей степени были озабочены распространением благосостояния, нежели демонстрацией силы и поэтому, возможно, имели больше стимулов завоевать периферии, а не использовать их в качестве зон безопасности, как это происходит в современной Европе.

Бывшие «пояса городов», или маркграфства, явились основой становления рубежных государств Люксембурга, Бельгии, Швейцарии, Австрии. Вдоль исторического «рейнского коридора» от Италии до Нидерландов развиваются первые еврорегионы, ставшие прообразами современных европейских «полюсов роста» и давшие импульс межстрановой и межрегиональной интеграции в современной Европе.

В принятой в 1996 г. Ассамблеей европейских регионов «Декларации по регионализму в Европе» [14] отмечается, что статус европейского региона мо-

жет быть изменен при участии самого региона. В одном и том же государстве в целях сохранения своих исторических, геополитических и социокультурных особенностей регионы могут иметь различные статусы. Каждый регион представляет собой выражение отличительной политической самобытности, отражающей демократическую волю принимать наиболее предпочтительные формы его организации.

Целью Ассамблеи европейских регионов является организация и развитие диалога, консультаций и сотрудничества между всеми регионами Европы, продвижение идей регионализма, а также принципов субсидиарности и комплементарности между местными, региональными, национальными и наднациональными европейскими институтами.

Важное место в осуществлении политики «нового измерения» ЕС играет Комитет регионов, который *de jure* был наделен статусом консультативного органа, но *de facto* в полной мере осуществляет поставленную перед ним Еврокомиссией и Парламентом задачу децентрализации стран-участниц интеграционного процесса. Немаловажную роль в этих процессах играет также берлинский Институт регионального развития, в рамках которого осуществляется 60 региональных проектов.

Складывающиеся в рамках ЕС пространственные объединения не укладываются в понятие «регионы» в классическом понимании этого термина и вызывают в последнее время большой интерес в научном сообществе. По определению П. Шмита-Эгнера, под концептом «регион» следует понимать «пространственную частичную едини-

цу среднего размера и промежуточного (посреднического) характера, чей материальный субстрат основан на территории» [15, p. 179–200].

Многими экспертами они характеризуются как «неомиры» [16, p. 75–80], которые «могут взаимодействовать друг с другом в сетевом режиме (треугольники роста в зоне Балтийского моря), конкурировать (например, Центральная Европа и Балтийский регион), моделировать опыт предшественников (в качестве примера можно привести деятельность Нордического Совета, созданного в 1953 г.), состоять в иерархических отношениях (например, Вышеградская группа, в которую входят Чехия, Словакия, Польша и Венгрия, служит не более чем инструментом для быстрее вхождения и адаптации ее участников в ЕС)» [17].

Все эти новообразования, несмотря на кажущуюся неупорядоченность или хаотичность, с одной стороны, выступают как каналы, через которые можно напрямую, в обход национальных государственных структур, влиять на политику отдельных стран. С другой стороны, государства также пытаются использовать их для укрепления своего влияния, например, Финляндия в рамках «Северного измерения», Норвегия в Баренц-Евро-Арктическом проекте, Польша в «Восточном измерении» и т. д.

Следует подчеркнуть, что данные образования не являются межправительственными организациями, поскольку главными игроками в них выступают не национальные правительства, а эксперты и чиновники министерств и ведомств, представители гражданского общества.

На первый взгляд, эти «неомиры» могут действовать в обход как национальных правительств, так и наднациональных институтов ЕС. Однако все они сохраняют хорошую управляемость и отличаются большой организованностью, вариативностью и гибкостью. С одной стороны, их принято считать трансграничными единицами межгосударственного взаимодействия. С другой стороны, они являются элементами нового типа политическо-административного управления на не ограничиваемых национальными территориями пространствах.

По определению Пьера Бурдые, понятие «регион» (от лат. *regere* — управлять) относится к специфическому измерению «управления» [18, р. 98]. И само понятие «новое измерение» имеет не только явно выраженную региональную и геостратегическую составляющую, но и характеризует содержание нового формата управления и взаимоотношений между всеми акторами и институтами ЕС, включая комитологию, регулирующие агентства и новые пространственные образования, которые условно можно назвать «политическими единицами» [19].

Как эти политические единицы соотносятся с политическим полем ЕС? Не все из них, безусловно, являются непосредственно агентами поля, но они служат своего рода «проводниками» «силового поля» ЕС. И в этом смысле они связаны с полем и транслируют его импульсы уже за пределы ЕС. Они являются неразрывной частью всего политического процесса и активными участниками политических отношений, складывающихся в ходе данного процесса.

Характерной особенностью этого нового формата политических отношений является наличие разных управленческих моделей (рис. 1 на с. 112), через которые преодолевается пространственная локализация ЕС и происходит экспансия политического суверенитета, европейских норм и ценностей за пределы Евросоюза.

Наиболее исследованной и популярной в отечественной литературе является модель «паутина» (*cobweb*, рис. 1 на с. 112), или «сеть». Сеть представляет собой сочетание относительно стабильных, децентрализованных отношений, которые связывают разных по природе акторов (государственных чиновников, экспертов, профсоюзных активистов, региональные власти и др.). Формально внутри сети никто никому не подчинен и решения вырабатываются теми агентами, которые непосредственно ответственны за имплементацию тех или иных проектов. В случае неэффективности проект легко сворачивается, поскольку издержки не представляют угрозы всей системе. Особенно это актуально, когда речь идет о проектах, в которых задействованы участники из разных государств. Здесь не требуется долгих согласований, ратификаций, т. е. всего бюрократического набора средств и методов, присущих традиционным международным организациям.

Сетевая модель управления предполагает взаимодействие разных по статусу, капиталам и интересам акторов, действующих добровольно и по взаимной договоренности. В ней интеграционные институты из командной инстанции превращаются в партнеров и медиаторов в переговорах между предпринимателями, выразителями инте-

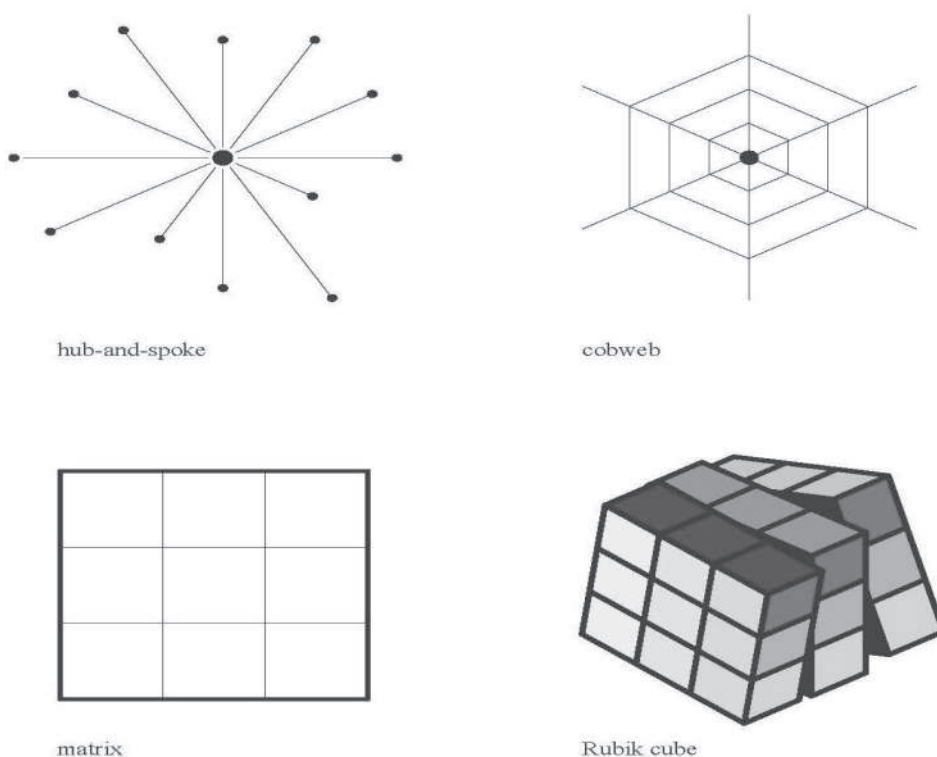

Рис. 1. Управленческие модели, используемые ЕС

ресов социальных групп, отдельными гражданами.

Учитывая тот факт, что к этому процессу подключены ученые, эксперты и другие представители посреднических агентств, курируемые Еврокомиссией, многочисленные политические инициативы, идеи, проекты, формы и стили работы абсорбируются и трансформируются в новые нормы, процедуры, правила, которые центр (ядро ЕС) может распространять на все политические единицы внутри и за пределами ЕС.

Таким образом, политическое управление предстает в виде матрицы, в которой выражены «все мечты, схемы,

проекты и маневры тех, кто располагает властью и стремится направить верования и поведение управляемых в желаемое русло» [20]. «Матричная» модель (matrix) по одной оси представляет многочисленные политические инициативы, которые центр (ядро) ЕС может распространять на своих партнеров, а по другой оси — список акторов, или политических единиц, находящихся в сфере влияния ЕС.

В модели «кубик-рубик» (Rubik-cube), в отличие от предыдущей матричной модели, появляется третье измерение, которое придает всей структуре объем. Эта форма взаимодействия

дает возможность легко менять мало-эффективные позиции и выстраивать систему отношений в зависимости от быстро меняющейся ситуации.

В модели «ось и спицы» (hub and spoke, рис. 1 на с. 112) отношения с центром развиваются на двусторонней основе. Например, Финляндия, являясь инициатором «Северного измерения», непосредственно подотчетна Еврокомиссии, и все основные решения по данному проекту отрабатываются между Комиссией и финскими представителями, ответственными за реализацию проекта.

Провести четкую границу между тем, когда включается в работу та или иная модель, практически невозможно, поскольку политический процесс в ЕС очень сложен, и многие из перечисленных моделей могут работать одновременно. В результате политическое пространство ЕС географически и функционально диверсифицировано. По утверждению экс-премьер-министра Португалии Антонио Гутерреса, «ЕС представляет собой единственное, по-настоящему организованное региональное пространство, играющее фундамен-

тальную роль в обеспечении безопасности в Европе» [21].

Все это подтверждает тот факт, что пространство ЕС не является однородным пассивным массивом. Динамические изменения в пространстве Европейского Союза ведут к трансформациям его поля, носящим как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, увеличение количества игроков на поле увеличивает их совокупный материальный и символический капитал, дает возможность провинциальным странам повысить свой статус за счет успешного политического маневрирования. С другой стороны, перенасыщенность поля игроками ведет к неустойчивости политического производства, так как количественный рост опережает оформление политических отношений и затрудняет процесс стабилизации поля. Ускоренное расширение ЕС в конечном счете ведет к тому, что пространство, в котором оформляется поле, размывается: одна его часть как бы переходит на уровень Европейского Союза и его институтов (наднациональный уровень), другая часть приобретает и усваивается регионами.

1. Качанов Ю. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
2. European Spatial Development Perspective. Towards a Balanced and Sustainable Development of the Union Territory [Электронный ресурс] // Gateway to the European Union. URL: <http://europa.eu/scadplus/leg/en/lvb/g24401.htm> (дата обращения 10.02.2009).
3. Ibid.
4. Tassinari F. Mare Eropaeum: Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement [Электронный ресурс] // Mare Eropaeum Downloads. URL: <http://www.publications.fabriziotassinari.net/> (дата обращения 10.02.2009).
5. Northern Dimension Policy Framework Document [Электронный ресурс] // Nordic Council of Ministers. URL: <http://www.norden.ru/userfiles/File/ND%20policy%20framework%20document.pdf> (дата обращения 12.02.2009).
6. Кузнецов В. Перспективы «Восточного измерения Европейского Союза» в контексте базовых исторических тенденций развития ЕС [Электронный ресурс] // Восточное измерение Европейского

- Союза и Россия: Сб. докладов международной конференции. Великий Новгород, 14 ноября 2003 г. URL: http://rusology.narod.ru/ru06/8_East_Dimension.pdf (дата обращения 12.02.2009).
7. *Бухарин Н.* Российско-польские отношения и вступление Польши в ЕС [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/bu3.html> (дата обращения 12.02.2009).
 8. *Bort E.* European Borders in Transition: The Internal and External Frontiers of the European Union [Электронный ресурс] // Web site of the Depository Services Program. URL: <http://dsp-psd.pwgsc.gc.ca/Collection/F2-332-2000E.pdf> (дата обращения 12.02.2009).
 9. *Newhouse J.* Europe Adrift. New York, 1997.
 10. *Макарычев А.* Периферийность, окраинность, маргинальность // Космополис. 2003. № 3.
 11. Boundary Permeability in Perspective: A Compendium of Conference Papers Submitted to the CCFPD by International Boundaries Research Unit University of Durham // Canadian Foreign Policy. URL: <http://www.cfp-pec.gc.ca>
 12. *Дергачев В. А.* Геополитика. Киев, 2000.
 13. *Ларсен У.* Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. 1995. № 1.
 14. Декларация по регионализму в Европе [Электронный ресурс] // Assembly of European Regions. URL: http://www/aer.eu/fileadmin/user_upload/PressComm/PublicationsDeclarationRegionalism/DR_Russe.pdf (дата обращения 12.02.2009).
 15. *Schmitt-Egner P.* The Concept of Region: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // European Integration. 2002. Vol. 24. № 3.
 16. *Bort E., Evans N.* Networking Europe. Essays on Regionalism and Social Democracy. Liverpool University Press, 2000.
 17. *Макарычев А.* Указ. соч. С. 31.
 18. *Bourdieu P.* Language and Social Power. Cambridge MA, Harvard University Press, 1991.
 19. *Стрежнева М.* Управление без... правительства // Европа. Журнал Европейского Союза. № 1 (24). Январь 2003.
 20. Там же.
 21. *Guterres A.* The European Treaties Revisited: What Role for Europe in the Globalised World? Speech delivered at the Conference at the Walter Hallstein-Institute for European Constitutional Law. Humboldt University, Berlin, 7 May 2001 [Электронный ресурс] // Walter Hallstein-Institute. URL: <http://whi-berlin.de/documents/guterres.pdf> (дата обращения 12.02.2009).

Л. Н. БАБКИНА, М. Е. ДРОБИН

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

продолжительность жизни населения, регион Российской Федерации, качество жизни, сравнительный анализ, устойчивое развитие

KEY WORDS:

lifespan of population, region of Russian Federation, quality of life, living standards, comparative analysis, sustainable development

В статье приводятся результаты сравнительного анализа показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении в семи федеральных округах Российской Федерации — Центральном, Северо-Западном, Южном, Приволжском, Уральском, Сибирском, Дальневосточном в 2000, 2005 и 2006 гг. Выявляются факторы, оказывающие наибольшее влияние на величину данного показателя и проводится их ранжирование по степени опасности. В соответствии с полученными в данном исследовании рангами и группами факторов четырех степеней опасности можно определить очередность их устранения и предотвращения.

Качество жизни населения — результат проведения региональной стратегической политики и реализации текущих планов конкретных территориальных мероприятий в каждом субъекте РФ, входящем в состав региона. Уровень качества жизни является критерием достижения главной стратегической цели устойчивого социально-экономического и природоохранного развития.

Исходя из перечня показателей, используемых для определения качества жизни Организацией Объединенных

In the article the results of comparative analysis are delivered related to the expected lifespan investigation based on index «at birth» that had been conducted in the seven Federal Districts of Russian Federation — Central, North-West, South, Privolzhsky, Ural, Siberian, Far-Eastern in 2000, 2005 and 2006 years. The factors exerting the greatest influence on the index magnitude are determined and their ranking is made in preferences of constituting a danger. In accordance with the ranks and groups of factors obtained during the investigation they are subdivided into four levels of danger, so that it became possible to define the priority of their elimination and prevention.

Наций, и на основе имеющихся в РФ статистических данных [1] будем считать, что таких показателей 3:

- ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- среднедушевые денежные доходы населения;
- численность студентов высших учебных заведений на 10 000 человек населения.

Для определения указанных показателей и их сравнительного анализа воспользуемся методикой перехода от абсолютных количественных (нату-

ральных и стоимостных) показателей к балльной оценке. Данная методика предполагает последовательность следующих этапов:

- 1) определение перечня сравниваемых территорий. Для настоящего исследования — это семь федеральных округов РФ: Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный;
- 2) определение периода ретроспективного исследования;
- 3) расчет размаха вариаций показателей от максимальной до минимальной величин, наблюдавшихся в каком-либо году в одном из регионов;
- 4) определение количества интервалов и величины, или шага, интервала.

Так, например, при пятибалльной шкале оценок размах вариации делится на 5 равномерных интервалов; каждому интервалу присваивается балл от одного до пяти, исходя из сущности исследуемого показателя. Позиция региона в такой шкале оценивается соответствующим баллом от одного до пяти.

Динамика поступательного развития (или ее отсутствие) определяется по одному из двух вариантов. Первый вариант состоит в построении шкалы и распределении позиций регионов в каждом из исследуемых годов ретроспективного ряда. В соответствии со вторым вариантом определяются несколько лет, позиции в которых сравниваются: первый, последний, один или несколько срединных годов.

Воспользуемся описанной методикой балльного оценивания для анализа первого показателя — ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

В статистической отчетности за 2007 г. приведены данные по исследуемому показателю за 2000, 2005 и 2006 гг. [2]. Максимальная продолжительность жизни при рождении наблюдалась в 2006 г. в Южном федеральном округе — 68,84 года, а минимальная — в 2005 г. в Дальневосточном федеральном округе — 62,24 года. Расчет интервала по пятибалльной системе позволил определить позиции каждого региона в 2000, 2005 и 2006 гг. (табл. 1).

В соответствии с таблицей 1 все регионы можно разделить на группы по характеру динамики изменения исследуемого показателя. Так, например, к первой группе отнесем те регионы, позиция которых изменилась в лучшую сторону. Это Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский и Дальневосточный регионы. В этой группе можно создать 3 подгруппы. К первой подгруппе относится Уральский регион, характеризующийся поступательным увеличением исследуемого показателя. Ко второй — Северо-Западный, Приволжский и Дальневосточный регионы, в которых процесс из стадии стагнации перешел в стадию роста ожидаемой продолжительности жизни всего населения. Южный регион составил третью подгруппу, поскольку показатель продолжительности жизни из одной фазы (стадии) — роста — перешел в другую — стагнации.

В Центральном регионе наблюдается процесс стагнации исследуемого показателя на достаточно высоком уровне, равном четырем баллам. Этот регион можно отнести ко второй группе — стабильно стагнирующих. К этой же группе следует отнести и Сибирский регион, в котором наблюдается нестабильный

Таблица 1

**Распределение регионов по показателю
«ожидаемая продолжительность жизни при рождении»**

Годы	Позиция, балл				
	62–63,4	63,5–64,8	64,9–66,2	66,3–67,6	67,7–69
2000	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
	Дальне-восточный	Северо-Западный, Уральский, Сибирский	Приволжский, РФ в целом	Центральный, Южный	—
2005	Сибирский, Дальне-восточный	Северо-Западный	Приволжский, Уральский, РФ в целом	Центральный	Южный
2006	—	Сибирский, Дальне-восточный	Северо-Западный	Центральный, Приволжский, Уральский, РФ в целом	Южный

процесс стагнации, сопровождающийся спадом в 2005 г.

Для определения общероссийской тенденции (по данным табл. 1) воспользуемся характеристикой второй подгруппы первой группы регионов – переход от стагнации к росту.

Вклад каждого региона в экономическую безопасность страны в целом можно рассчитать, как нам представляется, на основе определения весов регионов. Таким весом может служить доля населения региона в общей численности всего населения Российской Федерации в исследуемые годы. Взвешенные позиции регионов представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, наибольшая доля населения России, составившая в 2005–2006 гг. 26,17%, проживает в Центральном регионе, наименьшая – в Дальневосточном, доля населения которого в 2006 г. составила 4,58% от об-

щей численности всего населения. Судя по взвешенной доле регионов, наибольший вклад в безопасность России вносит Центральный регион. Почти одинаковый вклад приносят Южный и Приволжский регионы, которые занимают второе место. На третьем месте находится Уральский регион, на четвертом – Северо-Западный и Сибирский регионы, и на пятом месте, замыкающем – Дальневосточный регион.

Исходя из имеющегося в научной литературе определения депрессивного региона как территории, отличительной особенностью которой является сильное и стабильное отставание от других регионов [3], можно определить признаки и количественные значения такого отставания в социально-демографической среде. Первый признак – это позиция региона по показателю «ожидаемая продолжительность жизни при рождении», второй – оценка позиции, количествен-

**Позиции регионов и степень влияния
на экономическую безопасность страны в целом по показателю
ожидаемой продолжительности жизни при рождении**

Наименование региона	Позиция, балл			Вес — доля всего населения			Взвешенная позиция, балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	4	4	4	26,09	26,17	26,17	1,04	1,05	1,05
Северо-Западный	2	2	3	9,71	9,55	9,53	0,19	0,19	0,29
Южный	4	5	5	15,56	15,96	16,02	0,62	0,8	0,8
Приволжский	3	3	4	21,55	21,37	21,34	0,65	0,64	0,85
Уральский	2	3	4	8,52	8,58	8,6	0,17	0,26	0,34
Сибирский	2	1	2	13,9	13,78	13,77	0,28	0,14	0,28
Дальневосточный	1	1	2	4,67	4,59	4,58	0,05	0,05	0,09
Российская Федерация	3	3	4	100	100	100			

ное значение которой в баллах находится ниже порогового значения или норматива. В качестве норматива примем значение позиции Российской Федерации в целом (табл. 2). Таким образом, в депрессивном состоянии в течение исследуемого периода находятся Северо-Западный, Сибирский и Дальневосточный регионы. Доля населения этих регионов в 2006 г. составила 27,88 %, т. е. треть населения страны находится в состоянии демографической депрессии и создает наибольшую опасность не только для своего региона, но и для всей Российской Федерации.

В средней, нормативной экономической безопасности, создаваемой демографической средой, находятся Приволжский и Уральский регионы, и лишь два региона — Южный и Центральный — обеспечивают существующий уровень экономической безопасности в настоящее время.

На наш взгляд, в основе любого, в том числе и депрессивного, состоя-

ния регионов находятся факторы, влияющие на ожидаемую продолжительность жизни. К таким факторам следует отнести:

- во-первых, *жилищные условия* населения, характеризующиеся показателями общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, и удельным весом ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда;
- во-вторых, *состояние здравоохранения*, включающее такие удельные оценочные показатели на 10 000 человек населения, как число больничных коек; мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений; численность врачей; численность среднего медицинского персонала; заболеваемость населения с диагнозом, установленным впервые в жизни;
- в-третьих, *состояние окружающей среды*, характеризующее выбросами

загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников; использованием свежей воды; сбросом загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты;

- в-четвертых, *правонарушения* в виде удельных показателей на 10 000 человек населения, таких как число зарегистрированных преступлений, число зарегистрированных убийств и покушений на убийство.

Влияние жилищных условий на ожидаемую продолжительность жизни населения можно определить исходя из позиции региона по двум показателям, указанным выше, первый из которых — общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя и измеряемая в квадратных метрах. Рассмотрим динамику этого показателя в

2000, 2005 и 2006 гг. в натуральном измерении и позиции регионов в баллах (табл. 3).

Для определения позиции регионов, представленных в таблице 3, в качестве максимальной величины был выбран показатель общей площади жилых помещений на 1 чел. в Северо-Западном регионе в 2006 г., равный 23,2 кв. м, а минимальной — 17,5 кв. м в 2000 г. в Южном регионе. Шаг интервала составил 1,2 кв. м. Совершенно очевидно, что лучшую позицию на протяжении исследуемого периода занимает Северо-Западный регион, худшую — Южный регион. Сравнивая позиции регионов с общероссийской позицией как нормативной величиной, можно сделать выводы о том, что только Центральный и Северо-Западный регионы занимают позицию развива-

Таблица 3

Позиции регионов и взвешенные позиции регионов по общей площади жилых помещений в среднем на одного жителя

Наименование региона	Общая площадь на 1 чел., кв. м			Позиция, балл			Взвешенная позиция, балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	20,4	22,5	23,0	3	5	5	0,78	1,31	1,31
Северо-Западный	20,9	22,8	23,2	4	5	5	0,39	0,48	0,48
Южный	17,5	19,1	18,7	1	2	2	0,16	0,32	0,32
Приволжский	18,9	20,6	21	2	3	4	0,43	0,64	0,85
Уральский	18,8	20,1	20,4	2	3	3	0,17	0,26	0,26
Сибирский	18,3	19,6	19,9	1	2	3	0,14	0,28	0,41
Дальневосточный	19	20,11	20,4	2	3	3	0,09	0,14	0,14
Российская Федерация	19,2	20,9	21,1	2	4	4			

ющихся, а затем стагнирующих на высоком уровне обеспечения жителей общей площадью жилых помещений на одного человека.

Приволжский регион, последовательно развиваясь, к 2006 г. достигает средней общероссийской позиции. Несмотря на некоторый рост обеспеченности населения жильем, 4 региона — Южный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный — стабильно отстают от средней по России позиции, и поэтому могут быть признаны по данному показателю депрессивными.

Взвешенная позиция, определенная как произведение найденной выше позиции на долю населения, также представлена в таблице 3 и отражает степень влияния обеспеченности жильем на экономическую безопасность всей страны. Так, в 2006 г. наибольшее влияние, оцениваемое в баллах и равное 1,31, оказывает обеспеченность жильем в Центральном регионе, второе место занимает Приволжский регион (0,85), на третьем и четвертом местах с оценками в 0,48 и 0,41 находятся соответственно Северо-Западный и Сибирский федеральные округа. Южный, Уральский и Дальневосточный регионы занимают пятое, шестое и седьмое места соответственно с оценками 0,32; 0,26; 0,14 балла. Таким образом, разница между максимальным влиянием Центрального региона и минимальным — Дальневосточного составляет 9,34 раза.

Кроме того, доля населения, находящегося в депрессивном состоянии в сфере обеспечения жильем в 2006 г. в целом по России составляла 42,97%. Это, еще раз отметим, жители четырех регионов — Южного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного.

Второй показатель, отражающий состояние жилищных условий, — это удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда. Использование методики балльной оценки для сравнительного анализа позволило выявить размах вариации этого показателя от 2% в Центральном регионе в 2005 г. до 5,7% в Дальневосточном регионе в этом же году (табл. 4). Однако удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда распределен по обратной шкале, в которой наибольшая величина удельного веса соответствует одному баллу, а наименьшая — пяти баллам, что и представлено в таблице 4.

Как видно из расчетов, представленных в таблице 4, лучшую позицию стабильно занимает Центральный регион, среднюю позицию с оценками в 4 балла — Северо-Западный и Уральский регионы. Три региона по удельному весу ветхого и аварийного жилья занимают позицию ниже средней по России. Это Сибирский регион, в котором ситуация в 2006 г. ухудшилась по сравнению с предыдущими годами, Южный и Дальневосточный регионы, находящиеся в состоянии стабильной депрессии.

Доля населения, проживающего на территории этих трех депрессивных регионов, в 2006 г. составила 34,37%, или более одной трети населения.

Таким образом, жилищные условия можно оценить, определив в том числе долю ветхого и аварийного жилья, оказывающего также несомненное влияние на безопасность. В наибольшей степени экономическая безопасность РФ зависит от состояния жилищного фонда как взвешенной позиции (табл. 4) в Цент-

Таблица 4

**Распределение позиций регионов по показателю
«удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда
в общей площади всего жилищного фонда»**

Наименование региона	Удельный вес, %			Позиция, балл			Взвешенная позиция, балл		
	2004	2005	2006	2004	2005	2006	2004	2005	2006
Центральный	2,1	2,0	2,1	5	5	5	1,3	1,3	1,31
Северо-Западный	3,1	3,3	3,4	4	4	4	0,39	0,38	0,38
Южный	4,9	4,8	4,5	2	2	2	0,31	0,32	0,32
Приволжский	2,5	2,5	2,5	5	5	5	1,08	1,07	1,07
Уральский	3,1	3,1	3,0	4	4	4	0,34	0,34	0,34
Сибирский	4,2	4,2	4,4	3	3	2	0,41	0,41	0,28
Дальневосточный	5,5	5,7	5,6	1	1	1	0,05	0,05	0,05
Российская Федерация	3,2	3,2	3,2	4	4	4			

ральном и Приволжском регионах — 1,3 и 1,07 балла. Примерно одинаковая степень влияния — у трех регионов: Северо-Западного, Южного, Уральского — 0,38; 0,32 и 0,34 балла. Это влияние более чем в 3 раза меньше того, которое оказывает Центральный регион. Наименьшее влияние на экономическую безопасность РФ оказывает состояние жилищного фонда Дальневосточного федерального округа (в 26 раз меньше, чем Центральный регион).

Сравнение позиций регионов по трем показателям: ожидаемой продолжительности жизни при рождении; общей площади жилых помещений, приходящейся на одного человека в среднем; удельного веса ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда — свидетель-

ствует о том, что жилищные условия не оказывают прямого воздействия на продолжительность жизни (табл. 5).

Наиболее наглядными примерами отсутствия такого влияния являются Северо-Западный и Южный регионы. В первом из них жилищные условия позиционируются значительно выше, чем ожидаемая продолжительность жизни, в Южном — наоборот. Наиболее пропорциональные соотношения этих трех показателей наблюдаются в Приволжском, Уральском регионах и всей России в целом.

Анализ состояния здравоохранения также проведем при помощи используемой ранее методики по указанным выше удельным показателям (на 10 или 1 тыс. человек). Первый из них — число больничных коек на

Таблица 5

**Распределение позиций регионов по показателю
ожидаемой продолжительности жизни при рождении
и показателям, отражающим жилищные условия**

Наименование региона	Наименование показателя	Позиция по годам, балл		
		2000/2004	2005	2006
Центральный	Ожидаемая продолжительность жизни	4	4	4
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	3	5	5
	Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда	5	5	5
Северо-Западный	Ожидаемая продолжительность жизни	2	2	3
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	4	5	5
	Удельный вес ветхого и аварийного жилья	4	4	4
Южный	Ожидаемая продолжительность жизни	4	5	5
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	1	2	2
	Удельный вес ветхого и аварийного жилья	2	2	2
Приволжский	Ожидаемая продолжительность жизни	3	3	4
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	2	3	4
	Удельный вес ветхого и аварийного жилья	5	5	5
Уральский	Ожидаемая продолжительность жизни	2	3	4
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	2	3	3
	Удельный вес ветхого и аварийного жилья	4	4	4
Сибирский	Ожидаемая продолжительность жизни	2	1	2
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	1	2	3
	Удельный вес ветхого и аварийного жилья	3	3	2
Дальневосточный	Ожидаемая продолжительность жизни	1	1	1
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	2	3	3
	Удельный вес ветхого и аварийного жилья	1	1	1
Российская Федерация	Ожидаемая продолжительность жизни	3	3	4
	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел.	2	4	4
	Удельный вес ветхого и аварийного жилья	4	4	4

10 000 человек населения, второй — мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 человек. Распределение позиций регионов по этим двум показателям представлено в таблице 6.

Представленные в таблице 6 данные свидетельствуют о том, что во всех регионах, кроме Сибирского, обеспе-

ченность населения больничными койками сократилась, в том числе и по России в целом. Только в Сибирском регионе процесс обеспеченности находится в состоянии стабильности, или, иначе, стагнации. В наихудшем состоянии находится Южный регион. Среднюю позицию, адекватную позиции России в целом, занимают Централь-

Таблица 6

**Распределение позиции регионов по показателям
«число больничных коек на 10 000 человек населения»
и «мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений
на 10 000 человек населения»**

Наименование региона	Число больничных коек, ед. / балл			Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену / балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	<u>117,4</u> 4	<u>114,6</u> 3	<u>113,4</u> 3	<u>259,9</u> 4	<u>274,4</u> 4	<u>278,9</u> 5
Северо-Западный	<u>111,7</u> 3	<u>108,6</u> 3	<u>107,1</u> 2	<u>281</u> 5	<u>295,5</u> 5	<u>295,4</u> 5
Южный	<u>96,2</u> 1	<u>97</u> 1	<u>95,5</u> 1	<u>189,4</u> 1	<u>204,5</u> 1	<u>206,7</u> 1
Приволжский	<u>120,6</u> 4	<u>111,5</u> 3	<u>107,4</u> 2	<u>225,4</u> 2	<u>235,8</u> 3	<u>239,5</u> 3
Уральский	<u>115,1</u> 4	<u>109</u> 3	<u>107,8</u> 2	<u>264,6</u> 4	<u>265,9</u> 4	<u>268,2</u> 4
Сибирский	<u>115,4</u> 4	<u>118,8</u> 4	<u>118,1</u> 4	<u>249,7</u> 3	<u>282,1</u> 5	<u>262,6</u> 4
Дальневосточный	<u>128</u> 4	<u>125</u> 3	<u>122,4</u> 3	<u>238,7</u> 3	<u>256,7</u> 4	<u>257,8</u> 4
Российская Федерация	<u>115</u> 4	<u>111,3</u> 3	<u>109,2</u> 3	<u>243,2</u> 3	<u>256,9</u> 4	<u>256,4</u> 4

Таблица 7

**Взвешенные позиции регионов по удельным показателям
на 10 000 человек населения «число больничных коек»
и «мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений»**

Наименование региона	Взвешенные позиции по годам, балл					
	по числу больничных коек			по мощности врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	1,053	0,79	0,79	1,053	1,053	1,32
Северо-Западный	0,285	0,285	0,19	0,475	0,475	0,475
Южный	0,16	0,16	0,16	0,16	0,16	0,16
Приволжский	0,84	0,63	0,42	0,42	0,63	0,63
Уральский	0,36	0,27	0,18	0,36	0,36	0,36
Сибирский	0,56	0,56	0,56	0,42	0,7	0,56
Дальневосточный	0,187	0,14	0,14	0,14	0,187	0,187

ный и Дальневосточный регионы. Заметно ухудшение процесса обеспечения больничными койками в Приволжском и Уральском регионах. В Северо-Западном регионе только в последний из наблюдаемых годов — 2006 г. — позиция снизилась до уровня ниже среднего значения по России.

Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений отличается, в общем, противоположной тенденцией, проявляющейся в наращивании этой мощности. Лучшую позицию в этом отношении занимают Северо-Западный и Центральный регионы. Средним уровнем обеспеченности характеризуются Уральский, Сибирский и Дальневосточный регионы. Только 2 федеральных округа — Южный и Приволжский находятся в состоянии стабильной депрессии, несмотря на то,

что в Приволжском регионе несколько улучшилась позиция в 2005–2006 гг. по сравнению с 2000 г.

В таблице 7 представлены взвешенные позиции регионов по числу больничных коек и мощности врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 человек населения, что также позволяет оценить вклад регионов в обеспечение экономической безопасности РФ.

Судя по представленным в таблице 7 расчетам, наибольшее влияние на безопасность Российской Федерации оказывает Центральный регион, а наименьшее — Южный и Дальневосточный регионы. Их влияние в 7–8 раз меньше влияния Центрального региона.

Степень обеспеченности населения врачами и средним медицинским персоналом представлена в таблице 8.

В соответствии с данными таблицы 8 высшая степень обеспеченности врачами всех специальностей на 10 000 человек населения присуща Центральному, Северо-Западному и Дальневосточному регионам. В менее выгодной позиции находится Сибирский регион. На этих территориях прослеживается рост численности врачей, позиция регионов по этому показателю превышает среднероссийский уровень. В нестабильном, депрессивном состоянии находится Южный регион, в аналогичном, но стабильно депрессивном – Уральский регион. Обеспеченность врачами

в Приволжском округе соответствует общероссийскому среднему уровню.

Лучшая обеспеченность средним медицинским персоналом в 2006 г. отмечается в четырех регионах: Приволжском, Уральском, Сибирском и Северо-Западном. При этом в Приволжском регионе отмечается стагнация на уровне высокой позиции, в остальных трех – наблюдается развитие. Обеспеченность средним медицинским персоналом Дальневосточной территории соответствует среднему российскому уровню. Южный и Центральный регионы отличаются стабильной депрессивной пози-

Таблица 8

**Распределение позиции регионов по показателям
обеспеченности медицинским персоналом на 10 000 человек**

Наименование региона	Численность врачей на 10 000 человек / балл			Численность среднего медицинского персонала на 10 000 человек / балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	<u>49,6</u> 3	<u>51,9</u> 4	<u>53,4</u> 5	<u>106,2</u> 3	<u>104,2</u> 3	<u>106,1</u> 3
Северо-Западный	<u>51,2</u> 4	<u>54,6</u> 5	<u>55,4</u> 3	<u>110</u> 4	<u>111,2</u> 4	<u>111,7</u> 5
Южный	<u>40,2</u> 1	<u>43,4</u> 2	<u>43</u> 1	<u>96,1</u> 1	<u>93,9</u> 1	<u>93</u> 1
Приволжский	<u>45,9</u> 2	<u>46,6</u> 3	<u>47,3</u> 3	<u>116</u> 5	<u>115,3</u> 5	<u>115,7</u> 5
Уральский	<u>40,1</u> 1	<u>42,1</u> 1	<u>42,9</u> 1	<u>110,6</u> 4	<u>114,2</u> 5	<u>115</u> 5
Сибирский	<u>47,3</u> 3	<u>50,5</u> 4	<u>50,6</u> 4	<u>107,3</u> 3	<u>113</u> 5	<u>113,9</u> 5
Дальневосточный	<u>52,2</u> 4	<u>53,6</u> 5	<u>54,6</u> 5	<u>109,8</u> 4	<u>109,9</u> 4	<u>110,7</u> 4
Российская Федерация	<u>46,8</u> 3	<u>48,8</u> 3	<u>49,4</u> 3	<u>107,6</u> 3	<u>108</u> 4	<u>108,6</u> 4

Таблица 9

Взвешенные позиции регионов России по степени обеспеченности населения медицинским персоналом

Название региона	Взвешенные позиции по годам, балл					
	по численности врачей			по численности среднего медицинского персонала		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	0,78	1,053	1,32	0,79	0,79	0,79
Северо-Западный	0,38	0,475	0,475	0,38	0,38	0,475
Южный	0,16	0,32	0,16	0,16	0,16	0,16
Приволжский	0,44	0,66	0,66	1,1	1,1	1,1
Уральский	0,09	0,09	0,09	0,36	0,45	0,45
Сибирский	0,42	0,56	0,56	0,42	0,7	0,7
Дальневосточный	0,187	0,23	0,23	0,187	0,187	0,187

цией на протяжении исследуемого периода.

По данным таблицы 9, в которой отображены взвешенные позиции регионов России по степени обеспеченности населения медицинским персоналом, можно определить, что наибольший вклад в безопасность России вносит Приволжский регион, а наименьший — Южный и Дальневосточный регионы, обеспеченность медицинским персоналом в которых по взвешенной оценке отстает от Приволжского региона в 6–7 раз.

Последний показатель, отражающий состояние здравоохранения в регионах, — это заболеваемость на 1 000 человек, оцениваемая количеством зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни (табл. 10).

На наш взгляд, заболеваемость является одним из основных факторов,

отражающих и создающих условия для результатного показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Судя по данным статистической отчетности, представленной в таблице 10, минимальный уровень заболеваемости наблюдался в Южном регионе в 2000 г. — 59,55% от всей численности населения. Максимальный уровень заболеваемости — в Приволжском регионе: 83,73% в 2006 г. Для обработки данных по этому показателю используем обратную шкалу, в которой максимальный уровень заболеваемости оценивается одним баллом, а минимальный уровень — пятью баллами. В среднем по России этот показатель составляет от 73,05% в 2000 г. до 76,39% в 2006 г.

Так, в крайне депрессивной позиции по состоянию здоровья населения находятся Приволжский и Уральский регионы, где самый высокий уровень заболеваемости сохраняется на протя-

Таблица 10

**Распределение позиций и взвешенных позиций регионов
по уровню заболеваемости на 1 000 человек населения**

Наименование региона	Заболеваемость на 1 000 человек			Позиция, балл			Взвешенная позиция, балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	708,5	706,5	718,3	3	3	3	0,79	0,79	0,79
Северо-Западный	763	763,1	805,5	2	2	1	0,19	0,19	0,95
Южный	595,5	656,4	655,5	1	2	2	0,16	0,32	0,32
Приволжский	798	809,2	837,3	1	1	1	0,22	0,21	0,21
Уральский	791,1	779,9	802,5	1	1	1	0,09	0,09	0,09
Сибирский	741,6	777	801,5	3	2	1	0,42	0,28	0,14
Дальневосточный	740,9	755,6	765	3	2	2	0,14	0,09	0,09
Российская Федерация	730,5	745,9	763,9	3	2	2			

жении всего наблюдаемого периода (табл. 10). В Северо-Западном и Сибирском регионах уровень заболеваемости увеличивается, и только в Южном регионе позиция незначительно улучшилась, а в Дальневосточном, несмотря на ухудшение, сохраняется среднее состояние, равное общероссийскому уровню. Только в одном регионе – Центральном – стабильное значение исследуемого показателя превышает средний уровень по России, что свидетельствует о более низком уровне заболеваемости населения с диагнозом, установленным впервые в жизни.

Сравнение уровня заболеваемости с показателями, оценивающими состояние здравоохранения, показывает, что в Сибирском регионе как депрессивном по уровню заболеваемости показатели обеспеченности больничными койками, мощностью врачебно-амбулаторных учреждений, врачами и средним медицинским персоналом являются вполне удов-

летворительными, и наоборот, в Южном регионе при уровне заболеваемости ниже среднего по России все 4 показателя свидетельствуют о депрессивном состоянии здравоохранения. В Приволжском и Уральском регионах из четырех показателей – факторов, обеспечивающих тот или иной уровень состояния здравоохранения – половина находится в худшем состоянии, чем в среднем по России. В Северо-Западном регионе при высоком уровне заболеваемости все показатели медицинского обслуживания, кроме числа больничных коек, которых явно недостаточно, соответствуют нормативному среднему уровню.

Доля населения четырех регионов, по уровню заболеваемости превосходящих норматив, составила в 2006 г. 53,24%.

Аддитивная оценка взвешенной позиции регионов, представленная в таблице 11, позволяет определить степень влияния регионов на экономическую

**Аддитивная взвешенная позиция регионов
по состоянию здоровья населения и уровню развития здравоохранения в 2006 г.**

Наименование региона	Взвешенная позиция, балл					Аддитивная оценка, балл	Ранг
	По числу больничных коек	По мощности врачебных учреждений	По численности врачей	По численности среднего персонала	По заболеваемости		
Центральный	0,79	1,32	1,32	0,79	0,79	4,89	1
Северо-Западный	0,19	0,475	0,475	0,475	0,095	1,71	4
Южный	0,16	0,16	0,16	0,16	0,32	0,96	6
Приволжский	0,42	0,63	0,63	1,1	0,21	2,99	2
Уральский	0,18	0,36	0,09	0,45	0,09	1,17	5
Сибирский	0,56	0,56	0,56	0,7	0,14	2,52	3
Дальневосточный	0,14	0,187	0,23	0,187	0,09	0,834	7

безопасность всей России в целом. Так, судя по рангам, наибольшее влияние оказывает состояние здравоохранения и заболеваемость населения в Центральном регионе, наименьшее — в Дальневосточном регионе.

К следующей, третьей группе факторов, характеризующих состояние окружающей среды и степень ее загрязнения, относятся 3 показателя, несомненно оказывающие влияние на уровень заболеваемости населения, ожидаемую продолжительность жизни и, соответственно, экономическую безопасность РФ:

- выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, рассчитанные на 1 000 человек населения;

- использование свежей воды на душу населения;
- сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты на душу населения.

Поскольку показатели, отражающие степень загрязнения природной среды и рациональности использования ее ресурсов при увеличении своего количественного значения свидетельствуют об ухудшении состояния природной среды, необходимо использовать обратные шкалы оценок, в которых наибольшее значение соответствует одному баллу, наименьшее — пяти баллам.

По выбросу загрязняющих веществ в атмосферный воздух на 1 000 человек населения регионы расположились, согласно таблице 12, в следующем поряд-

Таблица 12

Распределение позиций регионов по показателям «выбросы загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в атмосферный воздух» и «использование свежей воды на 1 чел.»

Наименование региона	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тонн на 1 000 чел. / балл			Использование свежей воды, куб. м на 1 чел. / балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	<u>41,8</u> 5	<u>40</u> 5	<u>42,2</u> 5	<u>303,34</u> 5	<u>283,05</u> 1	<u>285,43</u> 5
Северо-Западный	<u>164,4</u> 4	<u>165,4</u> 4	<u>169,9</u> 4	<u>798,79</u> 1	<u>834,02</u> 1	<u>859,11</u> 1
Южный	<u>40,2</u> 5	<u>35,2</u> 5	<u>38,9</u> 5	<u>749,8</u> 1	<u>650,99</u> 2	<u>675,24</u> 2
Приволжский	<u>92,9</u> 5	<u>100,65</u> 5	<u>101,07</u> 5	<u>334,23</u> 5	<u>329,42</u> 5	<u>333,65</u> 5
Уральский	<u>365,8</u> 2	<u>514,2</u> 1	<u>516,8</u> 1	<u>325,15</u> 5	<u>315,75</u> 5	<u>324,09</u> 5
Сибирский	<u>275,6</u> 3	<u>285,4</u> 3	<u>285</u> 3	<u>507,84</u> 3	<u>453,27</u> 4	<u>443,34</u> 4
Дальневосточный	<u>128,2</u> 5	<u>135,9</u> 4	<u>130,6</u> 5	<u>294,5</u> 5	<u>267,15</u> 5	<u>266,71</u> 5
Российская Федерация	<u>128,5</u> 5	<u>142,9</u> 4	<u>144,8</u> 4	<u>457,43</u> 4	<u>429,66</u> 4	<u>437,02</u> 4

ке: стабильная ситуация с минимальными объемами выбросов наблюдается в Центральном, Южном и Приволжском регионах. Стабильные, но более объемные выбросы – в Северо-Западном регионе, который занимает среднюю позицию, адекватную общероссийским величинам. Сибирский регион находится в стабильно депрессивном состоянии, но лучше, чем Уральский регион, отличающийся наихудшими результатами, или, иначе, максималь-

ными выбросами от стационарных источников.

«Использование свежей воды» – показатель рациональности ее использования как природного ограниченного ресурса, и чем больше используется свежей воды в регионах России, тем более нерационально используются водные ресурсы. В таблице 12 отражено распределение регионов по этому показателю, исходя из шкалы оценок, в которой так же, как и для показателя вы-

бросов в атмосферу от стационарных источников, максимальная величина оценивается одним баллом, минимальная — пятью баллами.

Как видно из данных таблицы 12, наименьшее потребление водных ресурсов стабильно наблюдается в Центральном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном регионах. В целом по России этот показатель достаточно низок и свидетельствует о высокой степени рациональности использования свежей воды на душу населения (в этом отношении показательными являются данные Сибирского федерального округа). Наиболее расточительное использование свежей воды — в Северо-Западном регионе. На территории Южного региона свежей воды используется меньше, чем в Северо-Западном, несмотря на

необходимость проведения мелиоративных работ. Следовательно, эти два региона — Северо-Западный и Южный — находятся в депрессивном состоянии.

С показателем использования свежей воды на душу населения связан такой показатель, как сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (табл. 13).

Совершенно очевидно, что во всех регионах сброс загрязненных сточных вод, кроме Северо-Западного федерального округа, находится в пределах среднего нормативного уровня, оцениваемого четырьмя баллами. По данному показателю только Северо-Западный регион отличается депрессивной позицией. Кроме того, сравнительный анализ использования свежей воды и сброса загрязненных сточных вод сви-

Таблица 13

**Распределение позиции регионов по показателю
«сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты»**

Наименование региона	Сброс загрязненных сточных вод, куб. м на 1 чел.			Позиции региона, балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	124,22	116,2	112,47	4	5	5
Северо-Западный	252,06	234,22	228,19	1	1	1
Южный	104,96	83,59	88,07	5	5	5
Приволжский	122,35	103,63	103,47	4	5	5
Уральский	142,17	137,29	141,12	4	4	4
Сибирский	144,64	130,86	127,51	4	4	4
Дальневосточный	151,64	133,04	129,34	3	4	4
Российская Федерация	138,69	124, 18	122,97	4	4	4

детельствует о наиболее неблагоприятной ситуации в Северо-Западном регионе, в котором максимальное потребление сопровождается максимальными сбросами, составляющими 859,11 и 252,06 куб. м на 1 человека соответственно. Вместе с тем на территории Северо-Запада наблюдается некоторое сокращение сбросов воды при увеличении уровня ее потребления.

В среднем по России доля сбросов загрязненных сточных вод в 2000 г. составляла 30,3 % от объема потребления свежей воды, а в 2006 г. — 28,14 % и свидетельствует о небольшом повышении степени рациональности использования свежей воды и сокращении объемов сброса загрязненных сточных вод.

Взвешенные позиции регионов по состоянию окружающей среды и степени ее загрязнения отображены в таблице 14.

Данные таблицы 14 позволяют судить о вкладе каждого из регионов в безопасное состояние окружающей среды. Так, Центральный регион, соответствующий первому рангу, вносит наибольший вклад в благоприятное состояние природной среды. Приволжский регион (отнесенный ко второму рангу) отражает также вполне благоприятную экологическую ситуацию по сравнению с другими регионами, занявшими более худшую позицию, такими как Дальневосточный, Северо-Западный и Уральский регионы. Среднюю

Таблица 14

Взвешенная позиция регионов по показателям загрязнения атмосферы, гидросферы и использованию свежей воды в 2006 г.

Наименование региона	Взвешенная позиция, балл			Аддитивная позиция, балл	Ранг
	По выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух	По использованию свежей воды	По сбросу загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы		
Центральный	1,32	1,32	1,32	3,95	1
Северо-Западный	0,38	0,095	0,095	0,57	7
Южный	0,8	0,32	0,8	1,92	3
Приволжский	1,05	1,05	1,05	3,15	2
Уральский	0,09	0,45	0,36	0,9	5
Сибирский	0,42	0,56	0,56	1,54	4
Дальневосточный	0,225	0,225	0,18	0,63	6

степень безопасности обеспечивают Южный и Сибирский регионы.

И наконец, четвертая группа показателей отражает позиции регионов в сфере физической безопасности с точки зрения правонарушений. Результаты исследования уровня правонарушений как одного из факторов, влияющих на ожидаемую при рождении продолжительность жизни населения, представлены в таблице 15.

По уровню преступлений лидируют Дальневосточный и Уральский регионы, в которых произошло увеличение числа преступлений от среднего по России в 2000 г. до максимального в 2006 г. Во всех регионах, кроме Южного, уровень правонарушений явно повысился. Наиболее заметное повышение уровня преступности — в Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных

округах. Таким образом, в 2006 г. в депрессивное состояние перешел Приволжский регион, а Сибирский и Уральский регионы находились в таком состоянии с 2005 г. Степень депрессии увеличилась и на территории Северо-Западного региона, который по данному показателю сместился до средней позиции по России.

Второй показатель — число зарегистрированных убийств и покушений на убийство — рассчитаем как удельную величину на 10 000 человек населения на основе имеющихся статистических данных [4]. Число таких правонарушений и позиции регионов по этому показателю представлены в таблице 16.

Для определения позиций регионов была использована шкала, в которой максимальная величина — это 3,57 пре-

Таблица 15

**Распределение позиций регионов по показателю
«число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения»**

Наименование региона	Число зарегистрированных преступлений на 1 000 чел. населения			Позиция региона, балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	15,62	20,83	21,68	5	4	4
Северо-Западный	28,76	23,84	25,47	4	3	3
Южный	15,1	14,48	16,21	5	5	5
Приволжский	18,47	26,5	29,67	5	3	2
Уральский	25,74	33,79	35,72	3	1	1
Сибирский	24,23	28,92	31,3	3	2	2
Дальневосточный	25,7	29,15	36,58	3	2	1
Российская Федерация	20,14	24,84	27,06	4	3	3

ступлений на 10 000 человек в Дальневосточном регионе в 2005 г., а минимальная — 1,37 преступлений, зарегистрированных в Южном федеральном округе в 2006 г. Величина интервала — 0,45. В этом случае используем обратную шкалу, в которой максимальные величины оцениваются одним баллом, минимальные — пятью баллами.

Совершенно очевидно, что в стабильной позиции находятся 3 региона — Центральный, Южный, Северо-Западный, а также вся Российская Федерация в целом. Причем, судя по балльной оценке (табл. 16), в наилучшей позиции находятся два региона — Центральный и Южный. В регионе со средней степенью благополучности по показателю «число зарегистрированных убийств и покушений на убийство» — Приволжском — наблюдается

положительная динамика. В трех наименее благополучных регионах произошли две противоположные тенденции: если в Уральском и Сибирском регионах наметилась положительная динамика, то в Дальневосточном — отрицательная.

Влияние на степень безопасности сферы правонарушений определим с помощью взвешенной позиции (табл. 17 на с. 134).

Анализ взвешенных позиций, полученных методом умножения позиции региона в баллах на долю населения региона в общей численности населения Российской Федерации, показал, что наибольшее положительное влияние на безопасность оказывает Центральный регион (табл. 17); на втором и третьем местах находятся Южный и Приволжский регионы, четвертое место подели-

Таблица 16

**Распределение позиций регионов
по числу зарегистрированных убийств
и покушений на убийство на 10 000 человек населения**

Наименование региона	Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство			Позиции регионов, балл		
	2000	2005	2006	2000	2005	2006
Центральный	1,68	1,78	1,56	5	5	5
Северо-Западный	2,11	2,19	1,98	4	4	4
Южный	1,79	1,41	1,37	5	5	5
Приволжский	1,97	1,97	1,70	4	4	5
Уральский	2,74	2,60	2,43	2	3	3
Сибирский	3,11	3,03	2,56	2	2	3
Дальневосточный	2,95	3,57	3,56	2	1	1
Российская Федерация	2,17	2,16	1,93	4	4	4

Таблица 17

Взвешенные позиции регионов в сфере правонарушений в 2006 г.

Наименование региона	Взвешенная позиция, балл		Аддитивная оценка, балл	Ранг
	По числу зарегистрированных преступлений	По числу зарегистрированных убийств и покушений на убийство		
Центральный	1,05	1,32	2,37	1
Северо-Западный	0,285	0,38	0,665	4
Южный	0,8	0,8	1,6	9
Приволжский	0,42	1,05	1,53	3
Уральский	0,09	0,27	0,36	5
Сибирский	0,28	0,42	0,7	4
Дальневосточный	0,045	0,045	0,09	6

ли между собой Северо-Западный и Сибирский регионы, на пятом месте — Уральский регион, и на шестом, замыкающем — Дальневосточный, отличающийся самой неблагоприятной ситуацией в сфере правонарушений.

Таким образом, наибольшее влияние на экономическую безопасность РФ и ожидаемую продолжительность жизни оказывают Центральный, Южный и Приволжский регионы.

Состояние каждого региона по всем исследованным показателям, влияющим на ожидаемую продолжительность жизни, отображено в таблице 18 (с. 135). Депрессивная позиция, характеризующаяся уровнем ниже нормативного общероссийского, выделена знаком «X». Доля населения тех регионов, которые находятся в депрессивной позиции, приведена в соответствующем столбце таблицы 18.

Вертикальный анализ представленной сводной таблицы 18 позволяет выявить наиболее депрессивные регионы,

исходя из количества показателей ниже нормативного уровня. Так, в наиболее депрессивном состоянии в 2006 г. находились Южный, Уральский и Сибирский регионы, у которых из двенадцати показателей семь, т. е. 58% от всех исследуемых, не соответствуют среднероссийскому уровню. Доля населения, проживающая в этих трех регионах, составила более трети — 38,39% от общей численности населения России.

Особенностью позиции Южного региона является нормативное состояние ожидаемой продолжительности жизни и уровня заболеваемости населения при неудовлетворительном уровне всех показателей обеспеченности жильем и услугами здравоохранения. Следовательно, состояние окружающей среды, несмотря на ограниченность использования свежей воды одним человеком и отсутствие сверхнормативных правонарушений, способствует существующим ожидаемой продолжительности жизни и уровню заболеваемости. На террито-

Таблица 18

**Сводная таблица распределения депрессивной позиции регионов
по показателям, влияющим на ожидаемую продолжительность жизни
при рождении в 2006 г.**

Наименование показателя	Наименование региона							Доля населения, %	Ранг доли
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный		
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении		X				X	X	27,88	–
1. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя			X		X	X	X	42,97	4
2. Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда			X			X	X	34,37	7
3. Число больничных коек на 10 000 человек населения		X	X	X	X			55,49	1
4. Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 человек населения			X	X				37,36	6
5. Численность врачей на 10 000 человек населения			X		X			24,62	10
6. Численность среднего медицинского персонала на 10 000 человек населения	X		X					42,19	5
7. Заболеваемость на 1 000 человек населения (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни)		X		X	X	X		53,24	2
8. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников на 1 000 человек населения					X	X		22,37	11
9. Использование свежей воды одним человеком		X	X					25,55	9

Наименование показателя	Наименование региона							Доля населения, %	Ранг доли
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный		
11. Число зарегистрированных преступлений на 1 000 человек				X	X	X	X	48,29	3
12. Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 10 000 человек населения					X	X	X	26,95	8
Доля населения в регионе от общей численности населения, %	26,17	9,53	16,02	21,34	8,6	13,77	4,58		

рии Уральского региона нормативный уровень продолжительности жизни сопровождается, в отличие от Южного региона, высоким уровнем заболеваемости при низкой обеспеченности населения жильем, больничными койками и врачами, высоком уровне загрязнения атмосферы и правонарушений.

К положительным факторам относится удовлетворительная обеспеченность врачебными учреждениями, врачами, низкий удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда, достаточный объем свежей воды и низкое загрязнение водоемов по сравнению с другими регионами.

Сибирский федеральный округ находится, судя по данным таблицы 18, в худшей ситуации по сравнению со всеми другими регионами, поскольку, во-первых, из трех регионов, обладающих наибольшим количеством факторов с оценкой ниже нормативного уровня, выделяется низким уровнем продолжи-

тельности жизни, ожидаемой при рождении. Во-вторых, высокий уровень заболеваемости населения наблюдается при нормативном и высоком сверхнормативном уровне медицинского обслуживания (3–6 показатели). В-третьих, к отрицательным факторам относятся неудовлетворительное состояние жилищных условий и сферы правонарушений. Окружающая среда отличается лишь сверхнормативными выбросами загрязняющих веществ в атмосферу.

На втором месте находятся Северо-Западный и Дальневосточный регионы, которые объединяет в одну группу наличие пяти показателей — факторов отрицательного воздействия на ожидаемую продолжительность жизни, а также сам показатель продолжительности жизни, находящийся на уровне ниже нормативного общероссийского. Разница между регионами состоит в том, что в Северо-Западном регионе высокий уровень заболевае-

мости населения сопровождается достаточно высоким уровнем здравоохранения в целом. В Северо-Западном регионе из четырех показателей, характеризующих уровень медицинского обслуживания, только один — число больничных коек на 10 000 человек населения — не удовлетворяет нормативному уровню. Отличие позиций регионов также проявляется в том, что жилищные условия в Санкт-Петербурге соответствуют нормативным, а на территории Дальневосточного федерального округа, наоборот, неудовлетворительные, или ненормативные. Состояния сферы правонарушений в этих сравниваемых регионах также находятся в противоположных позициях. В Северо-Западном регионе уровень правонарушений не превышает общероссийский уровень, а на Дальнем Востоке, наоборот, превышает. Аналогичная ситуация наблюдается и в состоянии окружающей среды. Использование свежей воды и сброс загрязненных сточных вод на Северо-Западе России находится в неудовлетворительном состоянии, тогда как в Дальневосточном регионе состояние всей природной среды находится в удовлетворительном состоянии.

Приволжский регион при достаточно высокой ожидаемой продолжительности жизни так же, как и Уральский регион, обладает высоким уровнем заболеваемости. Кроме того, 2 показателя из четырех отражают неудовлетворительную позицию регионов по состоянию здравоохранения.

Общность позиции регионов Приволжского и Уральского в правоохранительной среде проявляется в сверхнормативном уровне числа зареги-

стрированных преступлений. Отличия наблюдаются, кроме правоохранительной сферы, по числу зарегистрированных убийств и покушений на убийство, в сфере жилищных условий и по состоянию окружающей среды.

Некоторая схожесть позиции Приволжского региона наблюдается по отношению к позиции Северо-Западного региона по низкому уровню обеспеченности больничными койками, высокому уровню заболеваемости, высокому уровню обеспеченности всеми остальными медицинскими показателями, жилищными условиями. Отличие позиций регионов состоит в противоположной характеристике двух сред — окружающей и правоохранительной.

В лучшей позиции находится Центральный регион, в котором при высоких уровнях продолжительности жизни, обеспеченности жильем, низких показателях загрязнения природной среды и наличия правонарушений, лишь один показатель — численность среднего медицинского персонала на 10 000 человек — находится ниже нормативного уровня.

Взвешенная позиция регионов, отражающая степень экономической безопасности регионов и долю их вклада в общую экономическую безопасность России, представлена в таблице 19.

Ранжирование позиций регионов приведено исходя из аддитивных оценок показателей, составляющих 4 группы: состояние жилищных условий, здравоохранения, окружающей и правоохранительной сред. Совершенно очевидно, что по всем группам показателей наибольший вклад в экономическую безопасность страны в целом вносит Центральный регион.

Положительное влияние Центрального региона на общую экономическую безопасность России обусловлено тем, что по каждой группе показателей его доля является преобладающей (табл. 19) и отражает безопасность состояния самого Центрального региона. Второе место занимает Приволжский регион, третье – Сибирский, четвертое – Южный, пятое – Северо-Западный регион, шестое – Уральский и на последнем месте – Дальневосточный регион, степень влияния которого на экономическую безопасность страны в 2006 г. в 7,95 раза меньше, чем влияние Центрального региона. Причем соотношение весов этих двух регионов, определенное как отношение среднегодовой численности населения в 2006 г. Цент-

рального и Дальневосточного региона, составляет 26,17 % к 4,58 %, или 5,7 раза.

Используя данные таблицы 18, можно определить доли населения, находящиеся в той или иной степени опасности, согласно рангу долей населения регионов. Наибольшую опасность представляет отсутствие необходимого нормативного числа больничных коек на 10 000 человек населения на территориях, где проживает 55,49 % населения России. Второе место по значимости и опасности занимает заболеваемость населения на 1 000 человек населения, которая у 53,24 % населения выше средней по России. На третьем месте – число зарегистрированных преступлений на 1 000 человек населения, которое превышает принятый в

Таблица 19

Взвешенные позиции регионов по сферам, оказывающим влияние на ожидаемую продолжительность жизни в 2006 г.

Наименование сферы	Наименование региона						
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Жилищные условия	2,62	0,86	0,64	1,92	0,6	0,69	0,19
Состояние здравоохранения	4,89	1,71	0,96	2,99	1,17	2,52	0,83
Состояние окружающей среды	3,95	0,57	1,92	3,15	0,9	1,54	0,63
Правонарушения	2,37	0,67	1,6	1,53	0,36	0,7	0,09
Всего по региону	13,83	3,81	5,12	9,59	3,03	5,45	1,74
Ранг региона	1	5	4	2	6	3	7

данном исследовании нормативный уровень на территориях проживания 48,29 % населения. Примерно одинаковую опасность представляют отсутствие необходимой численности среднего медицинского персонала и жилых помещений, соответственно для 43 % и 42,19 % населения (4 и 5 ранг).

Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 человек и удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда составляют опасность для 37,4 % и 34,4 % населения, что соответствует шестому и седьмому рангам. От 22,4 % населения до 27 % населения России (11–8 ранги) испытывали недостаток в численности врачей, свежей воды и избыток выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, а также повышенное число зарегистрированных убийств и покушений на убийство. 9,53 % населения страны проживает в условиях сверхнормативных сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (12 место).

По двум признакам — «ранг доли населения» и «количество депрессивных регионов по одному показателю» — разделим виды опасности на 4 группы. К первой группе относятся 4 показателя (фактора), характеризующих наличие опасности в четырех регионах — это нехватка общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя; недостаток числа больничных коек на 10 000 человек населения; высо-

кий уровень заболеваемости на 1 000 человек населения; высокий уровень числа зарегистрированных преступлений на 1 000 человек населения.

Вторую группу составляют 3 факторных показателя, охватывающих по три региона, — это большой удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда; повышенные объемы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников на 1 000 человек населения; большое число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 10 000 человек населения.

В третью группу входят 4 показателя, охватывающие по два региона и составляющие третью степень опасности по следующим факторам: недостаток мощности врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 человек населения; недостаток численности врачей и среднего медицинского персонала на 10 000 человек населения; недостаточные объемы использования свежей воды одним человеком.

Четвертую группу опасности составляет 1 показатель, который является фактором повышенной опасности в одном регионе — повышенные объемы сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты на одного человека.

В соответствии с полученными в данном исследовании рангами и группами факторов четырех степеней опасности можно определить очередность их устранения и предотвращения.

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007.
2. Там же.
3. Вечканов Г. С. Экономическая безопасность. СПб: Питер, 2007.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007 ...

Е. И. ДЕРГАЧЕВА, Г. А. ЕВДОНИН
**ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ
КОЛИЧЕСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

количественное моделирование, управленческая деятельность, радикальное решение, полумеры, отложенные решения

Авторами делается попытка осуществить количественное моделирование управленческой ситуации, когда назревшее решение не может быть принято и исполнено немедленно. В статье приводятся результаты исследования по обоснованию конкретного управленческого решения, однако авторы утверждают, что примененный ими подход может быть использован для более широкого круга управленческих задач. По мнению авторов, совмещение качественного и количественного аспектов исследования управленческой деятельности делает возможным плодотворное взаимодействие между обеими формами рассуждений, что приводит к взаимному улучшению и усилению аргументации. Авторы утверждают, что такое взаимодействие ведет как к усовершенствованию количественной модели, так и к более эффективному качественному анализу.

В управленческой деятельности часто возникают ситуации, когда назревшее решение не может быть принято и исполнено немедленно. Возникновение подобных ситуаций, как правило, связано с недостатком материальных ресурсов; недостаточной проработанностью вопроса (например, требуется сначала выполнить научно-исследовательскую работу); необходимостью предваритель-

KEY WORDS:

quantitative simulation, management activity, radical solution, half measures, postponed decisions

The authors make an attempt to quantitatively simulate a managerial situation, when escalated decision cannot be immediately accepted and implemented. The article describes the results of the investigation that justified concrete managerial decision, but the authors claim that their approach can be applied for wider scope of managerial tasks. On the author's opinion, combination of qualitative and quantitative aspects in managerial activity investigation makes it possible to provide fruitful interaction between the both forms of analysis that results in mutual enhancement and improvement of argumentation. The authors insist that such an interaction leads both to increase in accuracy of quantitative model, and to enhancement of analysis quality.

ного организационного обеспечения; отсутствием нормативной базы (законодательного обеспечения) и т. п.

Нерешение проблемы приносит ущерб — не обязательно (или не только) материальный. Не имея возможности немедленно радикально решить проблему, управленец вынужден для сокращения ущерба принимать некоторые меры временного характера, не

решающие вопрос радикально (полумеры).

Однако наличных ресурсов (материальных, организационных, людских и др.) может не хватать и для временно-го снижения остроты всех назревших проблем. В этом случае вопрос никак не решается, решение просто откладывается.

Попытаемся смоделировать эту ситуацию. Пусть создается некоторая управленческая структура для решения определенного круга проблем (задач). Для радикального решения проблем в составе структуры предусматриваются подразделения (комиссии, комитеты, отделы и т. п.). Предполагается, что проблемы будут однородными (это допущение), т. е. любое подразделение сможет решить (подготовить решение) любую проблему из числа поступивших. Четкое и оперативное решение проблем возможно, во-первых, в случае возникновения действительно однородных проблем, во-вторых, при укомплектованности подразделений специалистами разного профиля (или привлечении необходимых специалистов), что по существу одно и то же.

Число таких подразделений n . Следуя терминологии теории массового обслуживания, подразделения будем именовать каналами, возникающие проблемы — заявками. Если в момент прихода очередной заявки имеются свободные каналы, то заявка принимается к обслуживанию (проблема решается радикально). Если все каналы заняты, то принимаются некоторые меры по временной локализации проблемы (меры, не терпящие отлагательства, но не решающие вопрос радикально — полумеры), т. е. радикальное решение от-

кладывается до освобождения одного из каналов.

Ресурсы управленческой структуры (именуемой в дальнейшем системой) ограничены. Это означает, что не все поступившие заявки могут быть охвачены мерами по локализации проблемы. Пусть возможности системы позволяют охватить подобными мерами m поступивших заявок одновременно. Другими словами, заявки, не принятые к немедленному обслуживанию, выстраиваются во внутреннюю очередь. Число мест во внутренней очереди равно m .

Заявка, поступившая в момент, когда все места во внутренней очереди заняты, становится во внешнюю очередь. При нахождении заявки во внешней очереди проблема никак не решается. Решение откладывается сначала до перемещения заявки во внутреннюю очередь (временная локализация проблемы — полумеры), затем, когда освободится один из каналов, вопрос решается радикально. Число мест во внешней очереди не ограничено.

Далее необходимо ввести меру ущерба в единицу времени от нерешения проблемы (неудовлетворения заявки), например, в стоимостном выражении. Пусть C_o , $C_{\text{внутр.}}$, $C_{\text{внеш.}}$ — мера ущерба в единицу времени при обслуживании заявки, при нахождении во внутренней и внешней очередях. Соответственно, C_k — мера ущерба в единицу времени от простоя канала, включающая возможный предотвращенный ущерб, если бы канал не простаивал (непредотвращенный ущерб). Введенные меры, очевидно, должны удовлетворять неравенству:

$$C_o \leq C_{\text{внутр.}} < C_{\text{внеш.}} < C_k$$

Необходимо выбрать число каналов (подразделений) по критерию минимума ущерба. В такой постановке вопроса рассматриваемая управленческая структура становится многоканальной системой массового обслуживания с неограниченной очередью. Специфика задачи заключается в неоднородности очереди: ущерб в единицу времени от ожидания во внутренней и во внешней очередях различный. Очередь становится структурированной.

Примеры подобных систем:

1. Законодательное собрание (парламент, Дума).
Заявки — законопроекты, подлежащие рассмотрению и принятию.
Каналы — комиссии по подготовке законопроектов к рассмотрению.
Кардинальное решение проблемы — принятие нового закона.
Локализация проблемы — меры по уменьшению ущерба в рамках действующего законодательства.
2. Специализированное медицинское учреждение по лечению некоторой болезни.
Радикальное решение — хирургия.
Локализация проблемы — поддерживающая терапия.
Число каналов — число операционных.
Число мест во внутренней очереди — число коек в стационаре.
Внешняя очередь — те, кто не попали в стационар.
Ущерб — процент смертности во внешней и во внутренней очередях.
3. Жилищно-эксплуатационная служба.
Проблемы (заявки) — аварии в сетях теплообеспечения.

Радикальное решение — замена труб, оборудования.

Локализация проблемы — постановка бандажей, временно устраняющих протечки, переход на резервное оборудование, на резервное топливо.

Каналы — бригады, выполняющие замену труб и оборудования.

4. Суды.

Каналы — судьи.

Заявки — исковые заявления.

Радикальное решение — рассмотрение дела по существу.

Полумеры — попытки примирения сторон, запрос дополнительных материалов.

Отложенные решения — отказ в принятии искового заявления под каким-либо формальным предлогом.

Перечень подобных примеров может быть продолжен.

Авторами выполнено конкретное исследование обоснований управленческого решения по выбору числа причалов вновь строящегося порта, с разной материальной ответственностью порта за простои судов у причала, на внутреннем и внешнем рейдах. Вместе с тем примененный подход может быть использован для решения более широкого круга управленческих задач.

Граф состояний рассматриваемой системы представлен на рис.1 (с. 143).

На графе обозначены следующие состояния системы:

S_0 — все каналы свободны;

S_1, \dots, S_n — занято 1, ..., n каналов; соответственно очереди нет;

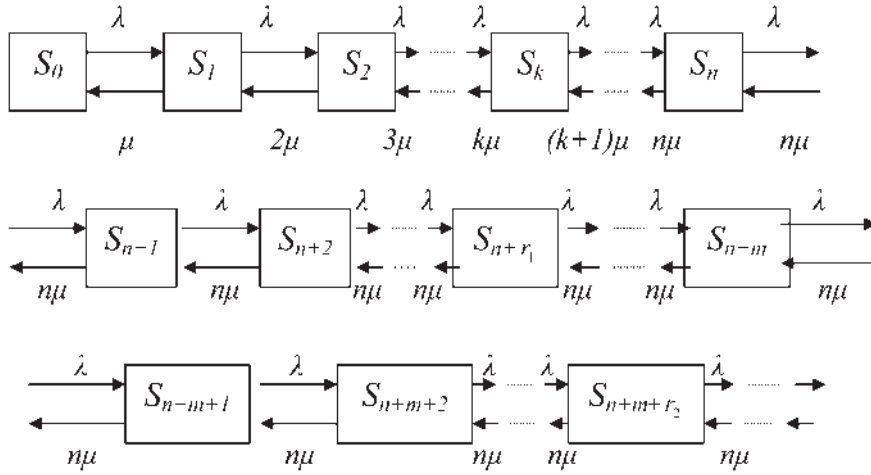

Рис. 1. Граф состояний системы

S_{n+1}, \dots, S_{n+m} – все каналы заняты, во внутренней очереди стоит $1, \dots, m$ заявок соответственно;

$S_{n+m+1}, \dots, S_{n+m+r_2}$ – все каналы заняты, во внутренней очереди мест нет, во внешней стоит $1, \dots, r_2$... заявок соответственно;

λ – интенсивность входного потока заявок, поток поступающих заявок предполагается простейшим;

μ – интенсивность потока обслуживания одним каналом (простейший поток);

k – число занятых каналов, $k \in [0, 1, 2, \dots, n]$;

r_1 – число заявок во внутренней очереди $r_1 \in [0, 1, 2, \dots, m]$;

r_2 – число заявок во внутренней очереди $r_2 \in [0, 1, 2, \dots]$;

$r = r_1 + r_2$ – общее число заявок в очереди.

Как известно из теории массового обслуживания, установившийся режим в такой системе существует при выполнении условия:

$$q = \frac{\rho}{n} < 1,$$

где $\rho = \frac{\lambda}{\mu}$ – приведенная интенсивность потока заявок, т. е. среднее число заявок, приходящее за среднее время обслуживания одной заявки.

Финальные вероятности при этом определяются выражениями:

$$p_0 = \left[1 + \frac{\rho}{1!} + \frac{\rho^2}{2!} + \dots + \frac{\rho^n}{n!} + \frac{\rho^{n+1}}{n!(n-\rho)} \right]^{-1},$$

$$p_1 = \frac{\rho}{1!} p_0, \dots, p_k = \frac{\rho^k}{k!} p_0, \dots, p_n = \frac{\rho^n}{n!} p_0, p_{n+1} = \frac{\rho^{n+1}}{nn!} p_0, \dots,$$

$$p_{n+r} = \frac{\rho^{n+r}}{n^r n!} p_0,$$

где $p_0, \dots, p_k, \dots, p_n, \dots, p_{n+r}, \dots$ — финальные вероятности нахождения системы в состояниях $S_0, \dots, S_k, \dots, S_n, \dots, S_{n+r}, \dots$ соответственно.

Особенности поставленной задачи (структурированный характер очереди) влекут за собой необходимость определения следующих характеристик системы:

- среднего числа заявок, находящихся во внутренней очереди,
- среднего времени ожидания во внутренней очереди,
- вероятность того, что вновь посту-

- пившая заявка займет место во внешней очереди,
- среднего числа заявок, стоящих во внешней очереди,
- среднего времени ожидания во внешней очереди.

Рассмотрим последовательно нахождение перечисленных характеристик.

1. Среднее число заявок, ожидающих во внутренней очереди.

Число заявок во внутренней очереди — случайная величина R_1 , имеющая ряд распределения:

R_1	0	1	2	\dots	m
P	$p_0 + p_1 + \dots + p_n$	p_{n-1}	p_{n-2}	\dots	$p_{n+m} + p_{n+m-1} + \dots + p_{n+m-r_2} + \dots$

Тогда среднее значение $\bar{r}_1 = M[R_1]$ определится

$$\bar{r}_1 = 1p_{n+1} + 2p_{n+2} + 3p_{n+3} + \dots + (m-1)p_{n+m-1} + m(p_{n+m} + p_{n+m+1} + \dots + p_{n+m+r_2} + \dots).$$

Подставляя сюда финальные вероятности, имеем:

$$\begin{aligned} \bar{r}_1 = & \frac{\rho^{n+1}}{n!} p_0 + 2 \frac{\rho^{n+2}}{n^2 n!} p_0 + 3 \frac{\rho^{n+3}}{n^3 n!} p_0 + \dots + (m-1) \frac{\rho^{n+m-1}}{n^{m-1} n!} p_0 + \\ & + m \left(\frac{\rho^{n+m}}{n^m n!} p_0 + \frac{\rho^{n+m+1}}{n^{m+1} n!} p_0 + \dots + \frac{\rho^{n+m+r_2}}{n^{m+r_2} n!} p_0 + \dots \right). \end{aligned}$$

В последнем слагаемом выносятся первый член суммы, стоящей в скобках. Тогда в скобках остается геометрический ряд со знаменателем $q = \frac{\rho}{n} < 1$, который сходится и равен $\frac{1}{1-q}$. Первые $(m-1)$ слагаемые после вынесения общего множителя образуют производ-

ную по q от суммы $(m-1)$ -го члена геометрической прогрессии, что позволяет и эти слагаемые свернуть в компактное выражение. После тождественных преобразований окончательно удалось получить:

$$\bar{r}_1 = \frac{\rho^{n+1} p_0 (1 - q^m)}{n! (1 - q)^2}.$$

2. Среднее время ожидания во внутренней очереди

Случайная величина $T_{ож. внутр.}$ — время ожидания во внутренней очереди — имеет ряд распределения:

$T_{ож. внутр.}$	θ	1 $n\mu$	2 $n\mu$	3 $n\mu$...	$\frac{m}{n\mu}$
P	$p_0 + p_1 + \dots + p_{n-1}$	p_n	p_{n+1}	p_{n+2}	...	$p_{n+m-1} + p_{n+m} + \dots + p_{n+m-1} \cdot r_2 + \dots$

Среднее время ожидания во внутренней очереди определится:

$$\bar{t}_{ож. внутр.} = M[T_{ож. внутр.}] =$$

$$= \frac{1}{n\mu} p_n + \frac{2}{n\mu} p_{n+1} + \frac{3}{n\mu} p_{n+2} + \dots + \frac{m-1}{n\mu} p_{n+m-2} + \frac{m}{n\mu} (p_{n+m-1} + p_{n+m} + \dots + p_{n+m-1} r_2 + \dots)$$

Далее поступаем, как в предыдущем случае: подставляем финальные вероятности, выносим общие множители из первых $(m-1)$ слагаемых и из скобок последнего слагаемого, выражения в скобках сворачиваются аналогично изложенному выше. В итоге получим:

$$\bar{t}_{ож. внутр.} = \frac{\rho^n p_0 (1 - q^m)}{n\mu n! (1 - q)^2}.$$

Этот же результат дает применение формулы Литгла, связывающей среднее число заявок в очереди и среднее время ожидания.

3. Вероятность того, что вновь прибывшая заявка займет место во внешней очереди

Данная вероятность равна вероятности того, что длина очереди будет не меньше $(\geq) m$, т. е.:

$$P_{внешн} = p_{n+m} + p_{n+m+1} + p_{n+m+2} + \dots =$$

$$= \frac{\rho^{n-m}}{n^m n!} p_0 + \frac{\rho^{n+m+1}}{n^{m+1} n!} p_0 + \frac{\rho^{n+m+2}}{n^{m+2} n!} p_0 + \dots =$$

$$= \frac{\rho^{n-m}}{n^m n!} p_0 \left[1 + \frac{\rho}{n} + \left(\frac{\rho}{n}\right)^2 + \left(\frac{\rho}{n}\right)^3 + \dots \right] =$$

$$= \frac{\rho^{n-m}}{n^m n!} p_0 \frac{1}{1 - \frac{\rho}{n}},$$

где $\frac{\rho}{n} < 1$,

Окончательно:

$$P_{\text{внешн}} = \frac{\rho^{n+m}}{n^{m-1} n! (n - \rho)} P_0$$

4. Среднее число заявок, ожидающих во внешней очереди
Случайная величина R_2 (число заявок во внешней очереди) имеет ряд распределения:

R_2	0	1	2	3	...
P	$p_0 + \dots + p_{n \setminus m}$	$p_{n \setminus m \setminus 1}$	$p_{n \setminus m \setminus 2}$	$p_{n \setminus m \setminus 3}$...

Откуда:

$$\begin{aligned} \bar{R}_2 &= M[R_2] = \\ &= 1 p_{n+m+1} + 2 p_{n+m+2} + 3 p_{n+m+3} + \dots = \\ &= \frac{\rho^{n+m+1}}{n^{m+1} n!} p_0 + 2 \frac{\rho^{n+m+2}}{n^{m+2} n!} p_0 + 3 \frac{\rho^{n+m+3}}{n^{m+3} n!} p_0 + \dots = \\ &= \frac{\rho^{n+m+1}}{n^{m+1} n!} p_0 \left[1 + 2 \frac{\rho}{n} + 3 \left(\frac{\rho}{n} \right)^2 + \dots \right] = \\ &= \frac{\rho^{n+m+1}}{n^{m+1} n!} p_0 (1 + 2q + 3q^2 + \dots), \quad q < 1. \end{aligned}$$

Выражение в последних скобках есть производная по q от геометрического ряда: $q + q^2 + q^3 + \dots$, ($q < 1$), что позволяет его заменить производной от суммы геометрического ряда. Окончательно имеем:

$$\bar{R}_2 = \frac{\rho^{n+m+1} p_0}{n^{m+1} n! (1 - q)^2}.$$

5. Среднее время ожидания во внешней очереди

Среднее время ожидания во внешней очереди $\bar{t}_{\text{ож. внешн.}}$ может быть по-

лучено непосредственно из рассмотрения ряда распределения случайной величины $T_{\text{ож. внешн.}}$, как мы уже делали ранее, либо, поскольку нам уже известно среднее число заявок во внешней очереди, — по формуле Литтла. В любом случае получим:

$$\bar{t}_{\text{ож. внешн.}} = \frac{\rho^{n+m} p_0}{\mu n^{m+1} n! (1 - q)^2}.$$

После нахождения характеристик системы суммарный ущерб (суммарные издержки за время обслуживания, от времени ожидания во внутренней

и внешней очередях, от простоя каналов) можно выразить через число каналов n и число мест во внутренней очереди m .

Прежде чем решать задачу оптимизации, необходимо определить минимально допустимое число каналов из условия существования установившегося режима:

$$q = \frac{\rho}{n} < 1, \quad \text{т. е. } n_{\min} > \rho.$$

Если это условие не выполняется, то система не справляется с потоком заявок — очередь будет расти до бесконечности.

Задача оптимизации особенностей не имеет и решается традиционно (классически). Можно (что несколько сложнее) вывести число мест во внутренней очереди из числа ограничений и искать оптимальное решение относительно пары переменных n и m .

В заключение хотелось бы отметить, что количественное моделирование (формализация задачи) способствует пониманию сути возникающих в управленческой деятельности ситуаций. Совмещение качественного и количественного аспектов исследования управленческой деятельности делает возможным оптимизировать взаимодействие между формами рассуждений, что приводит к взаимному усилению аргументации. Такое взаимодействие ведет как к усовершенствованию количественной модели, так и к более эффективному качественному анализу.

Одновременное применение количественного и качественного методов образует своеобразную петлю обратной связи. Следовательно, применение количественных моделей может способствовать становлению и развитию объективной теории управленческой деятельности и быть полезным управленцам-практикам.

Н. Ю. ЛАПИНА

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ: КАКОВ ВЕКТОР ИЗМЕНЕНИЙ?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:*социальные реформы, Россия, социальная политика, социальная сфера*

В статье на основе новейших исследований, в том числе проводившихся с участием автора, анализируются направления реформирования социальной сферы и проблемы, связанные с их реализацией. По результатам анализа автор делает вывод, что для улучшения психологического самочувствия граждан и роста среднего класса, общество должно быть подключено к процессу принятия решений в социальной сфере и контролю над их реализацией.

С начала нового столетия в России проблемы социальной политики устойчиво присутствуют в общественной дискуссии. Интерес к социальной тематике у широких слоев населения и правящей элиты свидетельствует о новом этапе в развитии российского общества. В первое постсоветское десятилетие социальное направление оказалось на периферии государственной политики, а власть была озабочена тем, как перераспределить собственность и не допустить реставрации коммунистического режима. Достаточно сказать, что за «десятилетие реформ» государством не было выработано никакого эффективного социального инструментария, позволявшего смягчить последствия перехода к рынку. В условиях глубокого экономического спада российские граждане, не надеясь на под-

KEY WORDS:*social reforms, Russia, social policy, social sphere*

Directions of the social reforms and the problems connected with their realization are analyzed in the article; analysis is based on the latest investigations, including those implemented with the author's participation. Using the results of the analysis the author concludes that in order to provide the citizens feel psychologically well and to provide growth of the middle class, society should be involved in the process of decision making and control of decision realization in social sphere.

держку государства, вырабатывали собственные стратегии адаптации: каждый выживал, как мог.

В настоящее время ситуация изменилась. Экономический рост расширил возможности государства, финансовая стабилизация создала объективные основания для планирования государственной политики на среднесрочную перспективу. А главное — в обществе растет осознание того, что без эффективной системы здравоохранения и образования, без решения острых демографических проблем качественного улучшения экономического роста, прорыва страны в будущее не произойдет. С улучшением экономической ситуации и ростом доходов широких слоев населения в российском обществе формируется запрос на активную социальную политику (СП). Все более высокие

социальные требования предъявляют к России международные организации, членом которых она является. Избирательный цикл 2007–2008 гг. актуализировал социальное направление, придавая ему особую остроту.

В ходе работы над статьей было избрано несколько направлений анализа. Изучение СП в нашей стране невозможно без обращения к недавнему советскому прошлому, поскольку советское наследие определяет рамки реформирования социальной сферы в настоящем. Наряду с «историческим фактором» исследовались «факторы трансформационные» — тенденции и процессы, которые получили развитие в социальной сфере России за последние полтора десятилетия. Среди них большое внимание уделено региональному направлению. На основе новейших исследований, в том числе проводившихся с участием автора, анализируются направления реформирования социальной сферы и проблемы, возникшие в ходе их реализации. В статье наряду с опубликованными материалами использовались неопубликованные интервью с ведущими российскими экспертами в области социальной политики, проведенные в августе 2006 г. доктором социологических наук А. Чириковой (Институт социологии РАН). Автор высказывает глубокую признательность А. Е. Чириковой за предоставление этого уникального материала.

1. Социальная политика: вектор изменений в 1990-е гг.

В СССР государство было монополистом в социальной области: оно финансировало социальную сферу, адми-

нистрировало деятельность государственных социальных учреждений и предоставляло гражданам все виды социальных услуг. Государственный монополизм стал возможен благодаря жесткому политическому контролю над обществом, централизованной системе управления, действию мощных механизмов перераспределения ресурсов и устранению с поля социальной политики других субъектов, которые действуют в открытом обществе — церкви, частного бизнеса, независимых профсоюзов и общественных организаций. Монополизм государства в социальной сфере способствовал внутреннему единству и целостности СП.

В советском обществе между обществом и государством был заключен социальный договор, предполагавший, что «население выполняет свою работу и соблюдает политическую лояльность, а государство о нем позаботится» [1, с. 36]. Модель государственного патернализма, сложившаяся в СССР, отличалась прочностью, жестким переплетением производственных и внепроизводственных структур. Особая социальная роль в ней принадлежала предприятиям, выполнявшим множество социальных функций.

Среди достижений советской социальной системы чаще всего упоминаются: создание системы бесплатного образования и здравоохранения; практически бесплатная для родителей сфера дошкольного образования; отсутствие безработицы; доступ масс к духовным ценностям; широкие возможности пользоваться учреждениями культуры и спорта [2, с. 98]. Признавая достоинства советской социальной политики, аналитики вместе с тем отмеча-

ют, что социальный патернализм государства воспитывал в советских людях пассивность и иждивенчество; высокие социальные гарантии при низких расходах на социальные нужды предопределили экстенсивный тип развития социальной сферы в СССР [3, с. 24]; «раздробление» средств на социальное развитие по множеству мелких ведомственных каналов обернулось неэффективностью их использования [4]. К 1980-м гг. в социальной сфере СССР накопилось множество нерешенных проблем. Отсутствие средств не позволяло обновлять материально-техническую базу социальной сферы. Возросла дифференциация в получении гражданами социальных благ и услуг, доступ к которым определялся не личным трудовым вкладом человека, но его принадлежностью к привилегированной корпорации (например, работа на крупном военном предприятии), статусным положением в иерархической системе, проживанием в крупном городе [5].

В некоторых исследовательских работах делаются попытки определить советскую социальную политику с точки зрения типологии, разработанной применительно к западному обществу. Высказывается мнение, что в советской социальной политике сочетались принципы универсализма и эгалитаризма, присущие социал-демократической модели, и принципы статусного распределения социальных благ, что характерно для консервативной модели СП [6, с. 48]. Однако сходство советской и западной моделей было чисто внешним, а в СССР действовали иные институты и практики, чем на Западе. Анализируя институциональные аспекты СП, исследователи обращают внимание на то,

что советские социальные институты — идет ли речь о профсоюзах или предприятиях — были частью государства, а доступ граждан к социальным услугам был результатом не столкновения / компромисса различных групп интересов, но сложного процесса распределения. Формально все советские граждане имели равные права, однако «советский тип институтов благосостояния характеризовался мягкостью обязательств государства», что выражалось в наличии скрытых и неформальных форм распределения и приводило к накоплению невыполненных обязательств и усилению фактического социального неравенства [7, с. 58]. В 1980-е гг., как считает Е. Гонтмахер, социальный договор, ранее заключенный между обществом и государством, начал разрушаться. Это происходило как «сверху» (государство оказалось не в состоянии выполнять социальные обязательства), так и «снизу», поскольку в широких слоях общества «нарастало недоверие к государству как социальному гаранту» [8]. Результатом стали масштабы теневой экономики и всеобщее распространение нелегальных доходов.

Общественные потрясения, пережитые Россией в начале 1990-х гг., привели к серьезным изменениям в социальной политике. В науке не затихают споры о том, что явилось причиной слабости СП в постсоветский период. Для одних исследователей первопричина заключается в отсутствии необходимых ресурсов [9], для других — в несформированности институтов [10], для третьих — в идеологическом выборе реформаторов [11, с. 39–54], для четвертых — в отсутствии в политике российского

государства «долгосрочного социального компонента» [12, с. 4]. Подводя итоги дискуссии, можно выделить несколько ключевых моментов:

1. Общим является признание того факта, что слабая социальная политика 1990-х гг. была порождением слабого государства. В 1990-е гг. в России произошла «революционная трансформация», наблюдался «обвал» привычных порядков и институтов, в том числе и в социальной сфере. Слом системы государственного социализма привел к тому, что в современном российском обществе перестали действовать прежние институты, но еще не сложились отношения, типичные для зрелого рыночно-демократического общества [13, с. 34, 170].
2. В переходном обществе роль государства в регулировании социальными процессами ослабла, сократились масштабы перераспределительной политики. В результате увеличились социальные различия между представителями различных социальных слоев и групп; возросла социальная и экономическая поляризация российского пространства.
3. В эти годы в России образовался разрыв между скоростью трансформаций в экономической и социальной сферах. Реформаторы в правительстве были сконцентрированы на проведении экономических преобразований, а социальная сфера надолго оставалась на периферии государственной политики. Стремясь из пункта «А» (советская экономика) попасть в пункт «Б» (идеализированная рыночная экономика), пишет французский экономист Ф. Бенарайя, Россия оказалась в пункте «В» (плохая рыночная экономика) [14, р. 36]. Отрыв экономических трансформаций от социальных усилил нестабильность в обществе, способствовал накоплению новых социальных проблем и противоречий. В результате возросшего дисбаланса между экономическим и социальным возникла угроза превращения России в страну незрелого капитализма со слабо развитой социальной системой.
4. Широкий общественный консенсус в отношении направленности и содержания реформ в России в 1990-е гг. достигнут не был. В этом были виноваты не только технократически мыслявшие реформаторы, не сумевшие оценить преимуществ социального партнерства и создать большую политическую коалицию [15]. Доля ответственности лежала на эгоистически настроенных элитах бизнеса, а также профсоюзах и структурах гражданского общества, которые так и не стали сильными, пользующимися влиянием организациями.
5. С формированием в России основ рыночной экономики и публичной политики произошла демонополизация социальной сферы. К началу нового столетия субъектное поле социальной политики расширилось. На нем, наряду с властью, появились новые действующие лица — экономические субъекты в лице крупных российских и региональных бизнес-групп и отдельных предприятий, а также организации гражданского общества.

6. В переходном российском обществе распалось единое пространство социальной политики. В конце 1990-х гг. основная тяжесть социальных расходов легла на региональные и местные бюджеты: в 1998 г. они финансировали 83% социальных расходов (в 2001 г. — 73%, в 2003 г. — 75%) [16, с. 37]. За эти годы в регионах возникло множество региональных моделей СП. Регионализация СП стала возможна благодаря росту самостоятельности региональной власти и расширению ее полномочий. В годы реформ именно региональные власти обеспечивали (если обеспечивали) социальное управление территориями и в известной степени спасли Россию от хаоса и социального взрыва.

В социальной сфере постсоветской России проявились противоречивые тенденции. Крушение советской системы повлекло за собой разрушение социальной сферы социализма, включая ее позитивные стороны, обострило социальные противоречия и все формы неравенства. Но одновременно в России начали формироваться новые подходы к решению социальных задач. Пространством, на котором «прорастали» новые социальные практики, стали регионы России.

2. Регионализация социальной политики: каждый выживает, как может

В децентрализованной федерации, каковой была Россия в 1990-е гг., политическая и административная роль регионов возросла. В научной литера-

туре хорошо изучен феномен «региональных политических режимов» [17]. Вместе с тем социальной политике в большинстве политологических исследований уделяется небольшое, в основном подчиненное место. В последнее время появился ряд исследований, позволяющих сделать более обобщающие выводы относительно региональных моделей СП [18; 19].

Существует мнение, что в России действует 85 типов социальной политики — по числу субъектов Российской Федерации. До сих пор типология региональных СП не разработана. Применительно к экономической политике региональных властей в экспертном сообществе утвердилось мнение о господстве двух моделей — «либеральной» и «консервативной». «Либеральная модель» предполагает отказ властей от прямого контроля над экономикой; ориентирована на развитие частного предпринимательства, интеграцию региональной экономики в общероссийский и мировой рынки. «Консервативная модель» основывается на сохранении государственного контроля над экономической деятельностью, использовании прямых форм поддержания производства, ориентирована на «закрытый» тип экономики и внутрорегиональный рынок [20]. При анализе социальной проблематики возникает соблазн перенести эту типологию на СП регионов. Однако изучение региональных практик убеждает в том, что:

- 1) деление регионов на 2 типа не отражает многообразия региональных ситуаций;
- 2) принципы экономического детерминизма применительно к СП регионов не действуют, а социальную

- политику не удастся «накладывать» на экономическую;
- 3) региональные практики значительно диверсифицированы, в них преобладает сочетание либеральных и консервативных элементов, но при этом главной составляющей социальной политики является прагматизм. Ни советские по своей ментальности руководители (Ю. Лужков, М. Шаймиев), ни пришедшие во власть представители бизнеса (О. Чиркунов, А. Хлопонин, Д. Зеленин) не могут допустить всплеска социального протеста «снизу» и недовольства Кремля «сверху». В этом коридоре ограничений они и выстраивают свою СП.

В ряде исследований предлагается деление регионов по принципу «сильной» и «слабой» СП. К критериям, определяющим «силу» региональной политики, эксперты относят: место СП в политике региональных властей и личное участие первых лиц в ее выработке; наличие в регионе продуманной стратегии социального развития и степень разработанности социальных программ; объем средств, выделяемых из консолидированного регионального бюджета на нужды социальной политики; привлечение средств из федерального центра и внебюджетных источников; наличие кадрового потенциала в социальной сфере. Число регионов с «сильной» социальной политикой, по некоторым оценкам, не превышает 25¹. В эту группу входят: Москва, автономные округа Тюменской области — Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО, Татарстан, Башкортостан,

Коми, Пермский край, Самарская, Липецкая, Свердловская, Ярославская и Вологодская области [21]. Не вызывает сомнений одно: чтобы понять, из чего складывается и как осуществляется «сильная» СП в регионах, нужен анализ каждого отдельно взятого регионального случая. В статье представлены несколько вариантов «сильной» региональной СП, которые анализировались в аналитическом докладе «Федеральный центр и региональная власть: взаимодействие на поле социальной политики в современной России», подготовленном мною совместно с А. Чириковой (научный руководитель проекта — член-корреспондент РАН М. Горшков, Институт социологии РАН) [22]. В их числе: модель «взаимных договоренностей», модернизационная политика в социальной сфере, политика экстенсивного развития, социал-демократическая СП.

Модель «взаимных договоренностей»:
Свердловская область

По ряду социальных показателей Свердловская область входит в первую десятку субъектов РФ. Регион находится на 8 месте по показателю количества потребительских «корзин», которые можно приобрести на средний доход; занимает 8 место по индексу качества жизни. Тем не менее на протяжении 1990-х гг. власти не рассматривали социальную политику как приоритетное направление деятельности. В 1991 г. главой администрации Свердловской области был назначен Э. Росель, в качестве главных задач выдвинувший преодоление кризиса в экономической сфере и укрепление ре-

1 С. В. Шишкин. Интервью, август 2006 г.

гиональной автономии. Основной темой публичной политики стало возрождение промышленности: именно вокруг нее строились избирательные кампании губернатора в 1995 и 1999 гг. Отношение к промышленной политике как приоритетному направлению сохраняется у региональных властей и сегодня. Говоря о достижениях области, Э. Россель обычно подробно останавливается на успехах в промышленной сфере и привлеченных инвестициях. Объясняя «экономоцентризм» властей, ее представители, как правило, ссылаются на глубокий экономический кризис 1990-х гг., «закрытость» региона, преобладание в структуре экономики предприятий ВПК, отсутствие рынков сбыта для свердловских предприятий в России.

Обращение региональных властей к СП произошло лишь тогда, когда был преодолен экономический кризис. Центральное место в социальной политике губернатора уделяется большим социальным проектам. В этих проектах проявляются масштаб личности Э. Росселя, его ориентация на будущее, стремление реализовать стратегические цели. Среди них — строительство крупнейшего в России онкологического центра и ряда других современных клиник, возведение в Екатеринбурге Храма «на крови». Эти проекты имеют большой имиджевый потенциал и укрепляют образ «сильного» регионального руководителя. В 2001 г. правительством Свердловской области была принята Концепция «Сбережение населения Свердловской области на период до 2015 г.». Программа ориентирована на «сохранение и приумножение человеческого потенциала». Ее главные ори-

ентиры — повышение показателей качества жизни, борьба с бедностью и неравенством. Программой намечены этапы решения назревших социальных проблем. На первом этапе (2001–2005 гг.) предполагалось «активизировать» социальное направление деятельности; на втором (2005–2010 гг.) — перейти к «наращиванию» основных социальных показателей; на третьем (2010–2015 гг.) — осуществить переход к качественному росту.

Характерной чертой СП, сложившейся в Свердловской области, является высокая социальная активность крупных российских и региональных компаний. Участие бизнеса в социальном развитии региона объясняется как субъективными, так и объективными причинами. Во-первых, губернатору, благодаря хорошим личным отношениям с руководством большинства крупных компаний, удается привлекать бизнес к решению социальных проблем. Во-вторых, Свердловская область занимает первое место среди регионов России по числу монофункциональных городов (всего в регионе их насчитывается 33), и следовательно крупные компании не могут не заниматься социальной политикой. Социальная деятельность бизнеса в регионе диверсифицирована: крупные бизнес-структуры не только активно участвуют в социальных программах региональных властей, но и инициатируют собственные проекты — проводят конкурсы социальных проектов, внедряют «социальный менеджмент», сотрудничая с администрациями территорий с целью налаживания муниципального хозяйства и обучения муниципальных чиновников.

Среди особенностей социальной политики Свердловской области выделяются следующие:

- развитие СП обеспечивается высоким авторитетом и приоритетами первого лица региона;
- региональная СП основывается на взаимовыгодном сотрудничестве бизнеса и власти: крупным корпорациям созданы условия, при которых им выгодно участвовать в совместных с властью социальных проектах;
- высокий уровень эффективности социальных проектов, реализуемых совместно бизнесом и властью, их масштабность;
- партнерский характер отношений «бизнес — власть» в социальной сфере исключает применение «силовых акций» (хотя это не означает, что у руководства регионом полностью изжита «привычка к дирижизму»).

Бизнес и власть являются доминантными субъектами СП в Свердловской области. До сих пор им удавалось действовать в этой сфере согласованно. Однако укрепление позиций крупных бизнес-структур, происходящее в условиях снижения авторитета региональных властей, может в перспективе негативно сказаться на взаимодействии бизнеса и власти в регионе. Кроме этого, федеральный центр, повышающий социальную нагрузку на бизнес, ставит руководителей компаний перед нелегким выбором: чьи социальные программы важнее — области или федерального центра? Конкуренция за социальные ресурсы компаний между регионом и федеральным центром в условиях растущей зависимости крупного бизнеса

от Москвы может негативно сказаться на социальной ситуации на Среднем Урале.

Эффект модернизации: Самарская область

Самарская область является ведущим промышленным регионом страны (4 место), по объему ВРП входит в десятку крупнейших регионов (8 место). По уровню среднедушевых денежных доходов населения Самарская область относится к благополучным регионам РФ: в 2006 г. по этому показателю она занимала 16 место в РФ, по индексу качества жизни — 6 (2003 г.). Исследователи подчеркивают, что на протяжении переходного периода за Самарской областью закрепился имидж либерального, открытого региона. Параллельно с реформированием экономических отношений в регионе началась модернизация социальной сферы. Администрация во главе с бывшим губернатором К. Титовым² всегда уделяла большое внимание социальной проблематике. В регионе действуют 3 министерства, занимающиеся социальными вопросами — Министерство образования и науки, Министерство культуры и молодежной политики и Министерство здравоохранения и социального развития.

Для СП региона характерна высокая степень инновационности. Изменения в социальной сфере региона явились логическим продолжением рыночных реформ. Их суть состояла в том, чтобы «подтянуть» социальную сферу к рыночной экономике, модернизировать ее. Новая социальная политика

2 К. Титов ушел в отставку летом 2007 г.

основывалась на принципе превращения социальных учреждений в конкурентоспособные субъекты, готовые предоставлять на рынке высококачественные услуги. Проведение социальной реформы началось с системы образования (середина 1990-х гг.). Самарская область стала одним из первых регионов России, где общеобразовательные школы и вузы приобрели статус юридических лиц и открыли собственные счета в банках. Этот шаг должен был научить руководителей учебных заведений более рационально расходовать выделяемые им средства. Одновременно стали меняться и принципы финансирования учебных заведений. Власти отказались от прежней системы финансирования школ и перешли к финансированию каждого учащегося. Новый подход должен был заставить школьное начальство бороться не за ресурсы, как это было в прошлом, а за приток учеников. Положение в сфере образования в Самарской области более благополучное, чем в большинстве российских регионов. В области созданы новые школьные округа, действует программа «Губернаторский автобус», обеспечивающая подвоз сельских учеников в школы. Все эти меры позволили сократить неэффективные расходы и повысить качество образования. Сохранено профессиональное образование, по численности студентов вузов область примыкает к группе лидеров. Вместе с тем в последние годы в регионе выросла доля студентов негосударственных вузов, расширилась сеть платных образовательных услуг.

Другим приоритетным социальным направлением, в котором активно работает руководство Самарской области,

является здравоохранение. В 1990-е гг. была разработана «Концепция развития здравоохранения Самарской области на 1996–2000 годы», принят целый ряд целевых программ профилактики заболеваний. В Самарской области хорошо организована медицинская помощь. Большое внимание в регионе уделяется проблемам семьи и детства, создана не имеющая аналогов в России служба семьи, материнства и детства, функционируют центры «Семья», в которых оказывается помощь детям, нуждающимся в оздоровлении и реабилитации. В политике сохранения здоровья детей Самарская область опережает большинство российских регионов, включая Москву.

За последнее десятилетие Самарская область превратилась в регион, где отрабатывались новые социальные технологии. Инновационным направлением социальной политики стало предоставление каждому ребенку возможности жить в условиях семьи (более 70 % сирот проживают в патронажных семьях). Самарская область стала одним из первых российских регионов, где активно внедряется институт врачей общей практики. В течение 2005 г. в регионе было построено 12, а в 2006 г. — 70 офисов врачей общей практики.

Среди особенностей СП в регионе выделяются:

- модернизация социальной сферы является частью стратегии регионального развития;
- инновации в социальной сфере проводятся последовательно, устойчивыми темпами;
- социальная политика региона имеет запас прочности, что отчетливо

- проявилось в связи с «делом ЮКОСа», предприятия которого находятся в регионе;
- область превратилась в площадку, где в 1990-е гг. отработывались новейшие региональные технологии в социальной сфере, а с начала нового столетия стали отработываться федеральные;
 - реформы в социальной сфере институционально обеспечены (наличие развитого социального законодательства; отлаженная работа ведомств, отвечающих за социальное развитие);
 - качественное управление социальной сферой: ею руководит стабильный корпус управленцев; в регионе сформировался высококвалифицированный менеджмент; ведется постоянный мониторинг качества работников социальных министерств;
 - в процессе модернизации СП широко используется экспертный потенциал.

Несмотря на серьезное внимание региональных властей к социальной проблематике и достигнутые в этой области успехи, в регионе сохраняется ряд острых социальных проблем, в том числе: высокий уровень поляризации населения по доходам, повышенный уровень бедности, высокий уровень заболеваемости болезнями социального характера (ВИЧ-инфекция, туберкулез). Развитие региона во многом будет зависеть от того, насколько региональной власти удастся «использовать и наращивать унаследованные преимущества» [23], а также поддерживать темпы модернизации в социальной области.

Пределы экстенсивного развития: Республика Саха (Якутия)

Республика Якутия — экономический лидер Дальневосточного федерального округа, в республике производится 1/3 всей промышленной продукции ДВФО. По показателю душевого ВРП республика выделяется среди регионов Дальнего Востока, по индексу качества жизни она занимала 21 место в РФ (2003 г.). В 1990-е гг. в республике была разработана концепция развития «Якутия — XXI век», в которой декларировались построение современного государства, модернизация социальной сферы и формирование в республике среднего класса. С начала переходного периода руководством региона проводится активная социальная политика. В конце 1990-х гг. Якутия тратила на социальные нужды 60,7% своего бюджета при среднем показателе по России 46,6% [24]. По душевым расходам на СП Якутия опережала среднероссийский уровень более чем в 1,5 раза. Высокий уровень финансирования социальных расходов стал возможен вследствие:

- 1) высоких доходов от экспорта ресурсов (Якутия является крупнейшим в мире экспортером алмазов);
- 2) особых отношений Якутии с федеральным центром, которые позволяли республике в 1990-е гг. не платить налоги в федеральный бюджет;
- 3) контроля республиканской элиты над собственностью (значительная часть республиканской собственности остается в руках государства).

Приоритетным направлением социальной политики в Якутии является

образование. В советский период северные регионы не имели развитой системы профессионального и высшего образования. В постсоветский период руководством республики была выдвинута задача преодоления исторического отставания в этой сфере. В 1990-е гг. в условиях борьбы республики за суверенитет и экономическую самостоятельность тема образования приобрела особое политическое звучание и была призвана консолидировать население Якутии вокруг национальной элиты. Высокий образовательный уровень стал важной составляющей этнической и республиканской идентичности. На протяжении последнего десятилетия расходы на образование стабильно составляли 1/3 всех расходов бюджета республики. За эти годы число вузов в Якутии выросло с 2 до 15; многие студенты обучались за пределами республики, в том числе за рубежом.

Другим важным направлением социальной политики региона является демографическая политика. В Якутии оказывается помощь многодетным семьям с четырьмя и более детьми (чаще всего речь идет о титульном населении). В середине 1990-х гг. были открыты банковские счета в размере 100 тыс. рублей для оказания помощи ученикам сельских школ. В соответствии с республиканским законом вдвое повышено пособие одиноким матерям.

Социальная политика республики Якутии носит отчетливо выраженный экстенсивный характер. К ее особенностям относятся:

- социальные расходы превышают финансовые возможности региона, порождая несбалансированность регионального бюджета;

- нерациональный выбор приоритетных направлений в социальной политике; неоправданный «перевес» отдельных статей;
- отсутствие продуманной системы управления социальной сферой, дублирование функций управляющих структур (в Якутии действует 7 министерств, занимающихся социальными вопросами);
- избыточная занятость в бюджетной сфере (образование, здравоохранение, культура);
- неприменение новых социальных технологий, позволяющих более экономно и одновременно эффективно расходовать средства на социальные нужды.

Схожие черты имеет модель социальной политики, получившая развитие в Республике Коми. Экспортно-сырьевая ориентация региона, высокие доходы бюджета позволили республике в 1990-е гг. создать разветвленную систему социальной защиты. В регионе федеральные законы о социальной защите дополнены региональными, которые существенно увеличивают помощь нуждающимся категориям граждан (многодетным семьям, одиноким матерям, инвалидам и т. д.). Сложившаяся в республике категориальная система социальной защиты малоэффективна, поскольку в регионе не действуют адресные формы помощи. В условиях централизации финансовых ресурсов и сокращения доходов субъектов Федерации продолжение экстенсивной социальной политики становится все более проблематичным. На сегодняшний день в республике сняты некоторые надбавки к зарплате, планируется пересмотр льгот и категориальных надбавок.

Социальная политика в Якутии и Коми остается советско-патерналистской, что отвечает социальному запросу не занятой в ресурсных отраслях части населения. Однако на сегодняшний день возможности экстенсивного развития социальной сферы в этих регионах становятся все более ограниченными: нагрузка на бюджет достигла своего предела, республики лишились особого статуса в отношениях с федеральным центром, что особенно ярко видно на примере Коми. В этих условиях с особой остротой стоит вопрос о сокращении социальных расходов и формировании в регионах эффективной ресурсосберегающей СП. Однако для этого требуется политическая воля и высококвалифицированный менеджмент в социальной сфере, который в республиках отсутствует.

Социал-демократический путь развития: Республика Татарстан

Татарстан — один из наиболее развитых регионов России. По душевому объему ВРП республика входит в пятерку ведущих субъектов РФ, на ее долю приходится 2,8 суммарного ВРП регионов России. По уровню денежных доходов населения Татарстан находится на 26 месте в РФ, по уровню качества жизни — на 6.

С начала переходного периода республиканское руководство проводит политику «мягкого вхождения в рынок»: государство сохранило контроль над наиболее прибыльными отраслями экономики (нефтяная и нефтехимическая отрасли); власть контролирует ситуацию в экономике, оказывая поддержку сельскому хозяйству, строительству и другим отраслям; до сере-

дины 1990-х гг. цены на основные продукты питания дотировались, а тарифы на услуги ЖКХ и городской транспорт до сегодняшнего дня остаются более низкими, чем в целом по стране. В «Программе социально-экономического развития Республики Татарстан на 2005–2010 годы» подчеркивается, что государство выполняет функцию «регулятора социально-экономических процессов». Благодаря политике «мягкого вхождения в рынок» уровень безработицы в регионе и дифференциация населения по уровню доходов ниже, чем в среднем по стране. В самой республике ставка на государственную поддержку экономики и отказ от «броска в рынок» воспринимаются как мудрый выбор руководства, сумевшего в кризисный момент удержать контроль над региональной ситуацией и создать условия для дальнейшего экономического роста. Но эксперты подчеркивают, что бюджетная поддержка отраслей экономики и инвестиции в нефтяную и нефтехимическую отрасль стали возможны лишь благодаря «особым» отношениям между Татарстаном и федеральным центром, позволявшим региону не платить налоги в федеральный бюджет и в дополнение к этому получать финансовую поддержку через бюджетные фонды³.

С 1990-х гг. руководство республики проводит социально ориентированную политику. В регионе сложилась

3 С 2002 г. действует федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Татарстан до 2006 года»; большие субвенции и дотации были получены республикой в связи с празднованием 1000-летия Казани.

разветвленная система социальной защиты: большой поддержкой пользуются многодетные семьи, в основном татарские; до недавних пор существовала масштабная система льгот по ЖКХ и только в последнее время предприняты шаги в направлении модернизации системы соцзащиты (переход от категориальных льгот к адресной помощи). Политика реформирования в социальной сфере проводится региональными властями осторожно, ее можно определить формулой «шаг вперед, два шага назад». Это отчетливо видно на примере монетизации льгот: реформа в Татарстане, была осуществлена полностью, но социальные протесты вынудили республиканское руководство вернуться к ряду «натуральных льгот» и обеспечить бесплатными проездными билетами всех льготников и пенсионеров.

Важное место в социальной политике региона уделяется образованию. Республиканская система образования имеет ряд особенностей: в школах введено двуязычие, расширяется сеть татарских школ, реализуется программа их компьютеризации (по этому показателю Татарстан является одним из лидеров: в республике 1 компьютер приходится на 26 школьников, в то время как в среднем по стране это соотношение равно 1 : 59). Интенсивно развивается высшее образование: с 1995 по 2004 гг. число студентов росло более высокими темпами, чем в среднем в Российской Федерации (2,8 и 2,3 раза соответственно), одновременно выросла доля негосударственных вузов. Открываются духовные учебные заведения: закрепление за Татарстаном имиджа духовного центра мусульман —

важная составляющая политики республиканских властей.

Ситуация в области обеспечения населения Татарстана медицинскими услугами признается экспертами как «благополучная» [25]. По объему среднелюдских расходов на здравоохранение Татарстан находится среди наиболее развитых регионов России: только за последние 5 лет инвестиции в здравоохранение росли и составили более 1,5 млрд рублей. Развитие здравоохранения в Татарстане осуществляется на основе целевых программ. В настоящее время действует 5 таких программ, рассчитанных на 2005–2010 гг. Важная составляющая программы развития здравоохранения — централизация и реорганизация существующих медицинских учреждений, больниц и диспансеров. Эта политика направлена на сокращение избыточной социальной инфраструктуры, которая осталась в наследство от советского периода, и призвана создать более эффективную и современную систему здравоохранения. В регионе осуществляется программа «Общеврачебная практика», в рамках которой действует 42 центра и подготовлено 650 врачей общей практики.

В республике достаточно успешно решаются проблемы жилищного строительства, сохраняются высокие темпы ввода жилья, в основном ликвидирован массив ветхого жилья. Татарстан выделяется среди субъектов РФ по уровню благоустроенности жилого фонда, в республике практически завершена газификация. Вместе с тем политика, с помощью которой решается жилищная проблема, далека от того, чтобы быть образцовой. В течение ряда лет

в Татарстане существовал обязательный налог, в соответствии с которым предприниматели отчисляли 1% прибыли на ликвидацию ветхого и аварийного жилья. Отмена незаконного налога ничего не изменила — теперь «пожертвования» предпринимателей передаются в специальный фонд.

Политический «вес» региона и авторитет президента республики М. Шаймиева обеспечили Татарстану собственный «мягкий путь» вхождения в рынок. Как и экономическая, социальная политика Татарстана имеет свое лицо и характеризуется:

- ориентацией республиканских властей на решение социальных вопросов и конкретными результатами развития социальной сферы;
- наличием в республике несопоставимых с другими субъектами РФ ресурсов для ведения СП (собственные ресурсы республиканского бюджета + постоянные вливания из федерального бюджета);
- привлечением к решению социальных вопросов бизнес-сообщества, деятельность которого жестко контролируется республиканскими властями;
- сочетанием советских традиций (массовый охват населения мерами социальной защиты) с осторожными шагами в сторону модернизации социальной сферы (монетизация льгот; внедрение адресной социальной помощи; развитие платных видов социальных услуг);
- подчеркнутой готовностью осуществлять социальные программы федерального центра (монетизация льгот, реализация национальных проектов).

При нынешней системе отношений между центром и регионами социальное благополучие Татарстана в значительной степени будет зависеть от взаимодействия с федеральным уровнем власти. Учитывая политическую значимость этого региона, можно предположить, что резких шагов в отношении республики предпринято не будет. В свою очередь в условиях, когда политическая лояльность федеральному центру приносит субъектам РФ большие дивиденды, региональная социальная политика все чаще приобретает политический характер, демонстрируя готовность республиканских властей следовать в «фарватере» Москвы.

Некоторые авторы отождествляют «сильную» социальную политику в регионах с «муниципальным капитализмом», в основе которого лежит кейнсианская модель экономики [26]. Но в реальности «сильная» социальная политика гораздо шире. Во-первых, в динамично развивающихся регионах власти переходят от проведения антикризисной политики к формированию социальной политики нового типа. Во-вторых, новая социальная политика выступает как самостоятельная сфера активности исполнительной власти и реализуется не по остаточному принципу, а по модели «сильный регион — сильная социальная политика». Руководители этих регионов осознают, что активная социальная политика — это капитал региона, за который следует бороться, в частности предлагая привлекательные социальные проекты. В-третьих, в ряде российских регионов формируются точки «социального роста». Под точками «социального роста» понимаются территории, где происходит накопление

инновационных практик в социальной сфере, а между акторами СП устанавливается новый тип взаимодействия. В этом случае социальная политика становится площадкой развивающегося социального партнерства.

«Сильная» социальная политика получила развитие прежде всего в регионах-донорах, у которых имеются средства для осуществления не прописанных в федеральном законе социальных обязательств. Вместе с тем связь «ресурсы – “сильная” СП» не прямолинейна. В России имеются «бедные» регионы, которые проводят активную социальную политику. Среди них Пензенская область, накопившая немалый опыт в плане проведения социальных реформ и реализующая интересные социальные программы, в том числе и на селе.

«Слабая» СП характерна для бедных депрессивных территорий, ресурсы которых ограничены, а возможности социального развития зависят от «расположения» федерального центра и лоббистских способностей регионального руководства. В бедных регионах Центра, Поволжья и Юга России объем расходов на социальную политику в расчете на душу населения вдвое ниже общероссийских. В субъектах РФ с низкими бюджетными доходами социальные деньги расходуются прежде всего на заработную плату бюджетникам и выплату социальных пособий. Серьезными проблемами бедных, депрессивных регионов являются: низкий уровень обеспеченности социальными услугами, неразвитость и запущенность социальной инфраструктуры, отсутствие средств для инвестиций в социальную сферу [27, с. 222–237].

Анализ региональных практик приводит к выводу, что перед российскими регионами стоят различные по масштабам и целям задачи в социальной сфере. Главной задачей в регионах с «сильной» СП является ускоренный переход от патерналистских моделей к инновационным, формирование новых механизмов социальной политики и сохранение накопленного реформаторского потенциала. Для «бедных» регионов по преимуществу со «слабой» СП наиболее остро стоят проблемы преодоления сложившегося отставания в области развития социальной инфраструктуры и доступа населения к базовым социальным услугам. Масштабные социальные различия, существующие как между самими российскими регионами, так и между способами, которые они выбирают для решения социальных проблем, разная степень готовности региональных властей к преобразованиям предъявляют особые требования к СП, проводимой российским государством.

3. Национальные проекты: проблемы и последствия

В научном сообществе ведутся споры о том, проводилась ли социальная политика в России в 1990-е гг. и что она представляет собой сегодня. В этой связи высказываются разные точки зрения. Первая сводится к тому, что с началом рыночных преобразований государство отказалось от решения социальных вопросов (Д. Львов, Г. Осипов, В. Лексин). Сторонники второй точки зрения делают акцент на то, что за годы реформ в России сформировалось «социальное государство для богатых» (О. Шкаратан). В соответствии с третьей — ре-

формирование социальной сферы началось наряду с реформированием экономики в 1990-е гг. В научной литературе чаще всего анализируются 3 направления реформ — в здравоохранении, образовании, пенсионном обеспечении (Л. Овчарова, Н. Зубаревич, С. Шишкин, И. Рождественская). Большое внимание эксперты уделяют социально-экономическим последствиям монетизации льгот. Эта реформа, как следует из анализа Н. Зубаревич, вместо унификации системы социальной защиты привела к увеличению различий между «богатыми» и «бедными» субъектами РФ.

Несколько месяцев спустя после неудачно стартовавшей реформы монетизации льгот руководство страны перешло к новому этапу социальной модернизации. В октябре 2005 г. было объявлено о реализации четырех национальных проектов (НП) — «Образование», «Здравоохранение», «Доступное и комфортное жилье» и «Развитие АПК». Продолжением национальных проектов стала демографическая программа, предложенная руководством страны в 2006 г. О значимости национальных проектов свидетельствовал тот факт, что Совет по реализации приоритетных национальных проектов возглавил Президент РФ В. Путин, а заместителем председателя Совета стал первый заместитель председателя Правительства РФ Д. Медведев. Аналогичные структуры начали создаваться в регионах — комитеты по реализации национальных проектов при губернаторах, законодательных собраниях, местных советах.

В экспертном и политическом сообществе существуют полярные оценки

НП. Представители власти подчеркивают, что приоритетные проекты направлены на «сбережение народа» и свидетельствуют о «возвращении» государства к исполнению своих социальных обязательств. Сегодня, считает начальник Экспертного управления администрации Президента А. Дворкович, социальная политика в России впервые становится системной. Национальные проекты — это новый инструмент проведения СП. Их основное преимущество состоит в том, что они реализуются быстро, не требуют изменений в законодательстве, а их содержание может модифицироваться. Так, проект «Образование» в 2007 г. приобрел новые подпрограммы, направленные на развитие среднего и профессионального образования. Аналогично развивается проект «Здравоохранение». В публичном пространстве власти чаще всего озвучивают факты и цифры, которые призваны убедить общественность в правильности сделанного выбора. Выступая в январе 2007 г. в Государственной думе РФ, Д. Медведев отмечал, что НП помогли стимулировать инициативу и скоординировать усилия регионов, муниципалитетов, бизнеса и профессионального сообщества в социальной сфере. Высокую оценку национальных проектов первый вице-премьер РФ подкрепил статистическими данными об увеличении зарплат учителей и врачей, размерах выданных кредитов в рамках реализации программы «Доступное и комфортное жилье» и т. д. В официальных выступлениях чаще всего говорится о позитивных последствиях национальных проектов и гораздо реже о тех проблемах, которые возникают в ходе их осуществления.

Представления экспертов о содержании, задачах, последовательности национальных проектов в значительной степени расходятся. Одни считают, что национальные проекты — это «стратегия прорыва», позволяющая государству формулировать и решать первоочередные социальные задачи. Они позволяют вкладывать средства в «точки роста» и со временем могут стать хорошей основой для дальнейшего развития социальной сферы. Вторые более сдержанны в своих оценках. Они убеждены, что федеральный центр отказался от структурных реформ в социальной области и предпочел им решение сиюминутных задач, а в качестве механизма СП избрал национальные проекты [28]. Третьи видят в НП возвращение государства к привычному для него патернализму в социальной сфере⁴. Но в одном мнения аналитиков сходятся: все они считают, что национальные проекты имеют отчетливо выраженную политическую окраску и в этом смысле являются элементом предвыборной стратегии властей.

В исследовании, проведенном мною совместно с А. Чириковой (2006 г.), были выявлены проблемы и социальные последствия НП [29]. В центре нашего внимания были представители региональной элиты и руководители социальных учреждений ряда российских регионов. Выборка строилась по такому принципу, что в нее вошли как «богатые», так и «бедные» регионы. Опрошенные представители элиты позитивно оценивали дополнительное финансирование социальной сферы, поступающее по линии НП, особо отме-

чая, что реализация проектов позволила «медикам и педагогам убедиться в том, что государство в них заинтересовано» [30]. Высоко оценивалось решение о создании 15 межрегиональных медицинских центров. Этот шаг, с точки зрения руководителей регионов, особенно тех, где такие центры будут созданы, позволит «подтянуть» кадровый состав врачей, расширит возможности их профессионального роста. Опрошенные позитивно оценивали постоянный мониторинг реализации проектов со стороны первых лиц государства. Руководители территорий убеждены, что регулярные выезды в регионы Д. Медведева и его команды «дисциплинируют» региональные элиты.

Проведенное исследование позволяет судить о том, насколько успешно национальные проекты осуществляются в регионах. Как показали материалы опроса, эффективным социальным механизмом национальные проекты прежде всего стали в «подготовленных» регионах, где до этого действовали собственные социальные проекты и программы, а управленческие команды мобилизованы на решение социальных задач. В этих субъектах РФ нацпроекты имели кумулятивный эффект: в ходе их реализации не только «осваивались» федеральные деньги, но параллельно росли региональные инвестиции в социальную сферу. Следует особо подчеркнуть, что этот факт на сегодняшний день расценивается исследователями как наиболее позитивное достижение национальных проектов. Вместе с тем далеко не во всех регионах НП имели позитивные результаты. Респонденты в Ставропольском крае полагали, что НП не дали должного эффекта, по-

4 С. В. Шишкин. Интервью, август 2006 г.

скольку не прошли стадию апробации, не были должным образом подготовлены и не учитывали региональных особенностей.

По-разному складывалась судьба отдельных национальных проектов. Более успешно осуществлялись проекты в области образования и здравоохранения, сферах, где реформы начали проводиться с конца 1990-х гг. В меньшей степени успешными были проекты, связанные с жильем и развитием АПК. Во многом, как считают участники исследования, это объясняется различными механизмами финансирования этих проектов. В то время как проекты по образованию и здравоохранению оказались дополнительным ресурсом для развития указанных сфер, проекты АПК и «Доступное жилье», основанные на принципах софинансирования, не могли быть поддержаны в слабых регионах, где они оказались практически недоступны для граждан. Опрошенные представители региональной власти убеждены: потребуются годы, чтобы система АПК «развернулась» в сторону рыночного развития. Это дало нам право сделать следующий вывод: эти 2 проекта создают условия для развития регионов с подготовленной финансовой базой, в то время как регионы слабые в ресурсном отношении становятся еще беднее и опускаются на самое «дно». Чтобы работа в направлении этих двух проектов дала результаты, необходимо системное ее обеспечение в форме государственной политики с отработанными технологиями [31].

Особое внимание в ходе исследования было обращено на проблемы и ошибки, допущенные в ходе реализации национальных проектов. Оценки,

данные представителями регионов, вскрывают прежде всего те ошибки, которые были допущены центром. Среди наиболее часто встречающихся недоработок федеральных властей региональные элиты называют:

- несогласованность механизмов реализации проектов с конкретными исполнителями на местах;
- нарушение коммуникации между центром и регионами в процессе реализации национальных проектов;
- отсутствие системности и долгосрочной перспективы;
- стремление сделать все быстро без учета естественных процессов;
- внутреннюю конфликтность проектов;
- низкую степень свободы региональных властей в расходовании средств по национальным проектам.

Особое недовольство среди работников социальной сферы на местах вызывает стремление центра контактировать с регионами по ходу реализации национальных проектов в режиме жестких приказов, не требующих обсуждения. Большинство опрошенных убеждены в том, что если бы Кремль провел с ними серию предварительных консультаций, многих ошибок в реализации национальных проектов можно было бы избежать. Региональные элиты упрекают федеральный центр за низкий уровень откровенности, вследствие чего о многих целях не было заявлено открыто. С этими оценками согласны эксперты, отмечавшие, что НП готовились в «атмосфере секретности», «чекистскими методами». Но дело не только в недоверии, отсутствии стратегического мышления или неумении эффективно тратить деньги.

Региональные власти подвергают сомнению общую эффективность национальных проектов, которые, снимая одни проблемы в социальной сфере, способствуют появлению других. Серьезной проблемой, о которой говорили в своих интервью региональные руководители, стало нарастание конфликтности среди врачебного и педагогического корпуса, с которой региональные руководители пытаются справиться, вводя региональные надбавки. Другая проблема, возникшая в ходе реализации национальных проектов, связана с утратой стимулов к качественной работе во врачебном корпусе. Происходит это по той причине, что, приняв решение повысить зарплату врачам, центр фактически не предложил систему оценки качества работы, в результате чего работники получили дополнительную оплату за работу, требования к которой не были изменены. Последствия такого решения очевидны: при большем числе ресурсов система здравоохранения продолжает работать столь же неэффективно, как и раньше, только теперь на ее содержание тратится больше средств.

Специальный раздел исследования был посвящен тому, как реализация национальных проектов отразилась на стратегиях региональных элит. Опросы, проведенные в регионах, дают авторам право утверждать, что «раздача» денег регионам под национальные проекты в целом «вписывается» в логику централизации России. Ради дополнительных ресурсов для своих регионов губернаторы способны идти на любые уступки центру, в том числе политические. В этом случае политические ресурсы губернатора обмениваются на ре-

сурсы в виде траншей, а политическая лояльность региональных элит фактически «выкупается» федеральной властью. Однако такая политика может иметь опасные последствия для региональных руководителей, если они не смогут создать внутренние стимулы для развития региона. «Трансфертная игла» опасна и тем, что она перестраивает стратегию региональных элит, для которых главным становится адаптация к требованиям федерального центра. Исследование отчетливо свидетельствует: отношения между федеральной и региональной властями на современном этапе явно теряют свою политическую остроту, превращаясь в отношения иерархического соподчинения. Губернаторы все более становятся координаторами, отвечающими за реализацию указаний «сверху». В этих условиях нередко успешные социальные практики, получившие развитие в регионах, постепенно сворачиваются. Одновременно с этим резко возрастают патерналистские ожидания региональных властей. Опасность развития патернализма среди региональных элит осознают и сами представители власти. «Надо помнить, что если деньги по проектам раздавать, тогда регионы не станут искать инвесторов, не будут подтягивать свой бизнес. Мы пока не умеем затаскивать к себе инвесторов, поэтому деньги получать от центра легче, нежели их зарабатывать. Это опасно», — считает высокопоставленный представитель региональной власти. На этом фоне получает развитие феномен коротких целей, который выражен как у федеральной, так и у региональной власти.

Национальные проекты российские политики и аналитики оценивают в за-

висимости от того, каким им видится будущее социальной сферы. Представители власти полагают, что национальные проекты — это временное явление, а поставленные в них вопросы в перспективе будут решаться в рамках бюджетной политики. Иначе смотрят на будущее НП сторонники продолжения социальных реформ в России. Чтобы стать эффективным социальным механизмом, нацпроекты должны быть вписаны в стратегию реформирования, считает руководитель Центра социальных исследований и инноваций Института экономики РАН Е. Гонтмахер. В схожем формате рассматривает национальные проекты другой признанный эксперт С. Шишкин. На примере здравоохранения он в своем выступлении на 5 научной конференции «Социальная политика: вызовы XXI века» (Москва, 20–21 февраля 2007 г.) отмечал, что, несмотря на увеличение финансирования отрасли (с 2001 по 2006 гг. — на 13%), национальные проекты не улучшают ситуацию в здравоохранении, а лишь способствуют финансированию отдельных секторов отрасли (создание офисов врачей общей практики и высокотехнологичных межрегиональных центров). Не решают НП и другую острую проблему — доступность услуг в здравоохранении. Переход от реформ в социальной сфере к нацпроектам, как считает аналитик, свидетельствует о том, что в настоящее время российское государство к проведению структурных реформ в социальной сфере не готово.

Какой же должна быть российская социальная политика? На этот вопрос летом 2006 г. в интервью отвечали ведущие российские эксперты.

4. Какая социальная политика нужна России?

Материалы интервью позволяют выделить несколько стратегий реформирования социальной сферы. Среди них выделяются: стратегия трехстороннего компромисса, стратегия разноскоростного развития, стратегия опоры на «точки роста».

Стратегия *трехстороннего компромисса* предполагает выработку СП, основанной на договорных отношениях между центром и регионами, властью и гражданским обществом. В этом случае реформы становятся результатом взаимодействия различных акторов, как представителей власти, так и некоммерческих организаций (НКО). Логика договорных отношений сводится к тому, что регионы перестают быть «исполнителями» воли федерального центра, но превращаются в «соавторов реформ». Особенно важно в этой связи признание федеральной властью того факта, что разные регионы формулируют различные запросы в области социальной политики: для «бедных» первоочередной задачей является борьба с прогрессирующей бедностью, для «богатых» — борьба с чрезмерной социальной дифференциацией [32, с. 10–17]. Влиятельным актором СП, в соответствии с этой логикой, должны стать некоммерческие организации, за которыми закреплялся бы контроль за социальной политикой. Благодаря НКО между обществом и властью устанавливается постоянная связь, через них социум посылает «наверх» сигналы о том, что реформы в социальной сфере «буксуют» или не воспринимаются населением. У договорной практики есть свои

ограничения. На сегодняшний день в России не существует власти, которая умела бы слышать голос «снизу», «не продавливать реформу, но синхронизировать ее с естественными тенденциями» [33, с. 17–27]. Кроме этого, любая попытка выработать консенсусное решение требует дополнительных ресурсов и времени. «Но если мы не будем двигаться по этому пути, — считает С. Шишкин, — то трудно вообще сказать, какие другие механизмы у нас окажутся работающими».

Стратегия *разноскоростного развития* предполагает, что реформы в социальной сфере не могут проводиться одновременно «по всем азимутам». Процесс реформирования, как считают сторонники этой стратегии, должен развиваться, в первую очередь, в тех сферах, где появляются новые социальные услуги и новые виды технологий. «Под новые проекты, которые принципиально отличаются от старых, под новые технологии будут легко выстраиваться новые отношения, финансовые и организационные»⁵. Чаще всего в этой связи упоминалось здравоохранение и высшее образование, сферы, из всех социальных отраслей быстрее других приспособившиеся к новым рыночным условиям, хотя нередко это происходило за счет снижения качества услуг.

Существует точка зрения, что начинать реформы следовало бы в наиболее прозрачных секторах социальной сферы, где сформировались группы интересов и лица, их отстаивающие; где процесс реформирования может быть проконтролирован. Параллельно с реформами в ряде секторов, считает спе-

циалист по проблемам социальной защиты Л. Овчарова, необходимо создать сектор социальных услуг, который демпфировал бы негативные последствия, возникающие в результате реформ (социальная защита с широким мандатом: например, поддержка граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации). Реализация сценария разноскоростного развития предполагает, что старая бюджетная система и новая, основанная на страховании и индивидуальной оплате социальных услуг гражданами, еще долгое время будут сосуществовать, поскольку в обществе сложились определенные образы СП, сильны привычки, а новой отработанной системы, которую можно было бы перенести на российскую почву, не существует.

Ставка на разноскоростной тип развития предполагает длительный эволюционный путь, на его реализацию может уйти от 15 до 20 лет, в течение которых новые и старые институты и практики будут сосуществовать. Главным условием осуществления СП является наличие политической воли у руководства страны, готовность действовать в социальной сфере последовательно с расчетом на длительную перспективу, не надеясь, что существует «волшебное средство», способное мгновенно перестроить логику деятельности социальных институтов⁶. Ограничениями на пути реализации этой стратегии являются российское «неуважение к собственным институтам» и неумение российских элит действовать в эволюционной, а не революционной логике [35].

5 С. В. Шишкин. Интервью, август 2006 г.

6 С. В. Шишкин. Интервью, август 2006 г.; [34].

Стратегия *опоры на «точки роста»* основывается на предположении, что дополнительные средства должны направляться на поддержку наиболее перспективных социальных практик и социальных направлений, где возможен быстрый прорыв. Она основывается на признании регионального многообразия, предлагает развивать пилотные проекты, которые уже проявили свою эффективность в ряде российских регионов. Одни эксперты ссылаются на пермскую и самарскую модели СП, которые начали реализовываться в 1990 г., другие считают наиболее востребованными в масштабах страны «татарстанскую» и «московскую» СП, в которых инвестиции в социальную политику сосуществуют с социальной помощью «по заслугам». Сочетание, позволяющее СП выполнять двойную функцию, — обеспечивать солидарность в обществе и легитимировать статус власти — вот тот путь, по которому следует двигаться. «Если бы в нашей стране был принят путь реформирования социальной сферы, основанный на опыте территорий, России не пришлось бы пользоваться западными моделями, поскольку она наработала бы собственные», — убеждена Н. Зубаревич. Учитывая многообразие региональных практик, аналитики утверждают: в России возможен коридор, в рамках которого должны укладываться различные региональные СП.

Оптимальным, по оценкам экспертов, является гибкий механизм реформирования социальной сферы, при котором федеральная власть формулирует сценарные варианты (коих должно быть несколько), которые учитывают особенности социально-экономическо-

го развития регионов, тип занятости, перспективы регионального развития. Из предложенных вариантов региональное руководство должно иметь возможность выбрать тот, который более всего подходил бы данному региону. Гибкий механизм реформирования СП предполагает дифференцированную политику центра в отношении регионов: больше свободы следует давать «богатым» самодостаточным территориям, которые дальше других продвинулись в направлении социального реформирования; меньше свободы — «дотационным» территориям, бюджет которых формируется за счет трансфертов и субвенций из федерального бюджета. Правда, далеко не всем специалистам регионализация СП представляется оптимальной. Социальный эффект отдельных практик сложно оценить, а опора на «точки роста» будет еще больше дифференцировать социальное пространство и препятствовать созданию «общей среды», считает сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН Т. Чубарова.

В первое постсоветское десятилетие в России проводились частичные и несистемные реформы в социальной сфере. СП тех лет носила «адаптационный» характер и была призвана приспособить социальную сферу к изменениям, которые произошли в экономике и обществе. Начала преодолеваться институциональная отсталость — наряду со старыми создавались новые социальные институты; появились новые способы и каналы финансирования соци-

альных услуг. За основу преобразований были приняты новейшие модели финансирования социальной сферы, которые начали внедряться в странах Западной Европы. Этот выбор поощрялся западными экспертами и международными финансовыми организациями, однако не учитывал российскую реальность — низкие доходы граждан, общую бедность, психологическую неподготовленность к преобразованиям социальной сферы.

В начале нового столетия ситуация изменилась. Построив капитализм, власть осознала, что в нем отсутствует социальная составляющая. Между тем государственные ресурсы росли, а Россия стала претендовать на значимое место в мировой политике. Без социальных «успехов» стать влиятельной мировой державой в XXI столетии Российской Федерации вряд ли удастся. Это отчетливо осознает правящий класс, приступивший к реализации нового этапа социальных реформ. В 2001–2002 гг. начата пенсионная реформа; предприняты шаги в борьбе с бедностью; с 2005 г. происходит перераспределение полномочий в социальной сфере между различными уровнями власти. Не все из них были должным образом подготовлены и в результате столкнулись с серьезным неприятием в обществе. В 2006 г., чтобы компенсировать имиджевые потери, связанные с монетизацией льгот, российским руководством был взят курс на реализацию национальных проектов. Важность выбранных для национальных проектов целей не вызывает сомнений. Образование, здравоохранение, доступное жилье, демография и развитие АПК — это первоочередные задачи, стоящие перед

российским обществом. Однако подходы к их решению вызывают серьезные сомнения. Открытым остается вопрос: что будет с социальной сферой после 2007–2008 гг., когда в России завершатся выборы?

«У нас нет и долгое время еще не будет социального государства и сильной социальной политики», — считает один из наиболее авторитетных российских аналитиков Н. Зубаревич. Но чтобы сильная СП все же сформировалась, власти должны отчетливо осознать собственные ошибки, допущенные в ходе реформирования. Незнание реформаторами логики функционирования российского пространства превратилось в мощный тормоз на пути социальных реформ. Централизаторская политика федеральных властей вошла в противоречие с региональным многообразием. Выработка решений в социальной сфере без консультаций с субъектами РФ вынудила их действовать в «адаптационном режиме», приспосабливаясь к законам, которые с ними не согласовывались. Не вызывает сомнений тот факт, что одинаковых темпов модернизации социальной сферы для всех регионов быть не может. Региональная дифференциация столь велика, что невозможно ставить единые для всех регионов цели и ожидать схожих результатов.

Взгляд на социальное развитие через призму отношений между центром и регионами позволяет сделать вывод, что социальные реформы в среднесрочной перспективе будут эволюционировать в зависимости от вектора этих отношений. На сегодняшний день основными характеристиками отношений «центр — регионы» являются недоверие и страх. Федеральный центр де-

монстрирует недоверие региональным властям, централизуя бюджетные и внебюджетные денежные потоки. Региональные власти испытывают страх перед центром, маскируя его «глянцевой отчетностью» и проявлениями политической лояльности. Взаимное недоверие уровней власти приводит к тому, что поле публичной политики сужается, а политические процессы все больше приобретают в современной России «теневой характер». Но это лишь часть проблемы. Отношения «центр — регионы» негативно сказываются на внутренней динамике социальных реформ, поскольку осуществляются только те шаги, которые могут быть проконтролированы «из центра».

Отношения между центром и регионами — важная, но не единственная проблема, с которой столкнулись власти в процессе модернизации социальной сферы. Было бы наивно полагать, что достижение «бюрократического консенсуса» в рамках отношений «центр — регионы» автоматически сделает социальную политику российского государства более эффективной. На протяжении 1990-х гг. население России, как и население других стран, где ранее у власти находились тоталитарные и авторитарные режимы, являлось «рабочим материалом для воплощения реформаторских замыслов» [36, с. 5]. Общество в РФ и сегодня практически полностью отстранено от принятия решений в социальной сфере. Важнейшая проблема

российской политики — это преодоление существующего разрыва «общество — власть». Власть не понимает, что собой представляет российское общество, а следовательно не может сформулировать социальную политику, которая «пошла бы вглубь» и привела бы к *нужным* для страны социальным последствиям. Результатом разрыва «общество — власть» становятся, как об этом убежденно говорит директор Института социологии РАН М. Горшков, непродуманные шаги в социальной сфере, социальные последствия которых никто не просчитывал, накапливающаяся в обществе обида на «социальную несправедливость», и как итог — «стабильность без ярких признаков динамического развития» [37]. В результате в стране, несмотря на экономический рост и принятые шаги в социальной области, не наблюдается улучшения психологического самочувствия граждан, не происходит численного роста среднего класса — основной социальной опоры экономической и политической стабильности. Чтобы такой эффект проявился, общество в лице различных его субъектов — представителей бизнеса и гражданских организаций, как это уже бывало в российской истории, должно быть подключено к процессу принятия решений в социальной сфере и контролю над их реализацией. Без этого шаги в социальной сфере останутся очередным пиаровским ходом властей, который со временем исчерпает себя.

1. Гонтмахер Е. Социальная политика: уроки 90-х. М., 2000.
2. Социальная политика: парадигмы и приоритеты / под общ. ред. В. И. Жукова. М., 2000.
3. Шишкин С. Экономика социальной сферы. М., 2003.
4. Гонтмахер Е. Указ. соч. С. 18.
5. Зубаревич Н. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., 2003.

6. *Виноградова Е.* Социальная политика: исторический, теоретический, практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России: Социальная политика и социальные реформы в России (2000–2003 гг.). М., 2004.
7. *Якобсон Л.* Социальная политика: коридоры возможного // *Общественные науки и современность.* 2006. № 2.
8. *Гонтмахер Е.* Указ. соч. С. 73.
9. *Осипов Г., Лексин В.* Социальная цена неолиберального реформирования. М., 2001.
10. *Якобсон Л.* Указ. соч. С. 52–66.
11. *Шкаратан О.* Социальная политика. Ориентир — новый средний класс // *Общественные науки и современность.* 2006. № 4.
12. Социальная политика и социальные реформы глазами россиян / Институт социологии РАН. М., 2006.
13. *Гордон Л., Клопов Э.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М., 2000. Т. 1. Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни.
14. *Вепаргауа F.* L'économie de la Russie. P., 2006.
15. *Гонтмахер Е.* Указ. соч. С. 93.
16. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. М., 2005.
17. Россия регионов: трансформация политических режимов / под общ. ред. В. Я. Гельмана, С. И. Рыженкова, М. Бри. М., 2000.
18. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? ...
19. Федеральный Центр и региональная власть: взаимодействие на поле социальной политики в современной России: Аналитический доклад / руководитель проекта М. Горшков — М., 2007.
20. Предпринимательский климат регионов России: География России для инвесторов и предпринимателей / отв. ред. А. Лавров, В. Шувалов, А. Нецадин. М., 1997.
21. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? ... С. 80.
22. Федеральный Центр и региональная власть...
23. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? ... С. 209.
24. *Кузнецова О.* Бюджетная политика регионов // Политика и экономика в региональном измерении / под ред. В. Климанова, Н. Зубаревич. М.; СПб., 2000.
25. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? ... С. 189.
26. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / под ред. О. Шкаратана. М., 2003.
27. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / отв. ред. Л. Овчарова. М., 2005.
28. *Гонтмахер Е.* Социальная политика в парадигме национальных проектов: Выступление на 5 научной конференции «Социальная политика: вызовы XXI века». НИСП, Москва, 21–23 февраля 2007 г. [Электронный ресурс] // Независимый институт социальной политики: официальный сайт. URL: <http://www.socpol.ru> (дата обращения: 22.12.2008 г.).
29. Федеральный Центр и региональная власть...
30. Там же. С. 87.
31. Там же. С. 65.
32. *Тихонова Н.* Куда ведет коридор? (О социальной политике с позиций общественного мнения) // *Общественные науки и современность.* 2006. № 3.
33. *Зудин А.* Россия: бизнес и политика (стратегии взаимодействия бизнеса и государства) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1996. № 4.
34. *Тихонова Н.* Указ. соч. С. 10–17.
35. *Зудин А.* Указ. соч. С. 17–27.
36. Социальные проблемы и социальная политика в странах Восточной Европы (1990 годы – 2005) / отв. ред. Ю. И. Грицкий. М., 2006.
37. *Добрынина Е.* Класс одиночек // *Российская газета.* 2006. 29 декабря.

Г. М. ЦИНЧЕНКО

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В РАМКАХ БОЛОНСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

специалист по социальной работе, болонский образовательный процесс, двухуровневое обучение, специальная подготовка бакалавров, национальные особенности образования

KEY WORDS:

specialist in the field of social work, bologna educational process, two-level education, special training of bachelors, specific features of national education

Статья посвящена вопросам, связанным с переходом в рамках Болонского процесса от одноуровневого пятилетнего обучения подготовки специалиста по социальной работе к двухуровневому. Автор рассматривает особенности подготовки бакалавров по социальной работе, включая принципы составления образовательной программы, систему оценки знаний студентов, методологию преподавания современного социального знания. Основываясь на традициях и национальных особенностях российского образования, а также учитывая запросы работодателей, автор заключает, что для российских регионов наиболее приемлемой моделью получения высшего профессионального образования на переходном этапе была бы многофункциональная модель бакалавр + специалист + магистр (4+1+1).

Российская система образования переживает в последние годы период бурной трансформации, целью которой является приведение качества и уровня нашего образования в соответствие с теми стандартами, которые приняты в западных странах. С сентября 2009 г. в России вступает в силу закон о двух-

The article is dedicated to the issues connected with the transition in the framework of the Bologna process from five year (one level) education of specialists in the field of social work to two-level education. The author considers the specific features of bachelor training in the field of social work, including principles of composition of educational programs, system of students knowledge assessment, and methodology of delivering modern social knowledge. Based upon the traditions and national specific features of education in Russia, and also taking into account demands of employers to the administrative staff, the author concluded that on the transition step multifunctional model bachelor + specialist + master (4+1+1) is the most acceptable model of the higher professional education for Russian regions.

уровневой системе высшего образования (одно из ключевых положений Болонской декларации). В рамках Болонского процесса предусмотрен переход от одноуровневого пятилетнего обучения подготовки специалиста по социальной работе к двухуровневому, который включает четырехлетнюю под-

готовку бакалавра и двухлетнюю подготовку магистра по направлению «социальная работа» [1].

Основная образовательная программа подготовки бакалавра разрабатывается на основании государственного образовательного стандарта, включает в себя учебный план, программы учебных дисциплин, программы учебных и производственных практик и формируется из дисциплин федерального компонента, дисциплин национально-регионального компонента, специальных дисциплин и факультативов. В основной образовательной программе подготовки предусматривается изучение студентами общих гуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин, дисциплин общепрофессионального направления, специальных дисциплин и факультативов. Программы профессиональной подготовки могут конструироваться под заказ государственных организаций. При их формировании используется комплексный подход: одни и те же проблемы рассматриваются на разных курсах с различных точек зрения и в разных аспектах, что обеспечивает получение обширных и углубленных знаний.

Еще одной особенностью подготовки бакалавра по социальной работе является переход от пятибалльной системы оценки знаний студентов к системе с использованием кредитов (баллов). Кредитная система предусматривает:

- введение системы оценки каждой дисциплины в кредитах (баллах), от 5 до 15 кредитов на одну дисциплину;
- широкую свободу студентов в формировании своего учебного плана

(90 баллов необходимо набрать по обязательным дисциплинам, 50 баллов составляют дисциплины по выбору);

- использование трехбалльной шкалы оценки знаний: зачтено, не зачтено, зачтено с отличием;
- оценку знаний в течение семестра по окончании каждой дисциплины;
- полную обеспеченность учебного процесса методическими материалами в печатной и электронной форме;
- выполнение письменных заданий по всем курсам с их последующей защитой на практических занятиях;
- широкое развитие активности и аналитических способностей студентов;
- отсутствие в учебном плане дисциплин общеобразовательной подготовки, ориентированность его глубоко на профессиональную подготовку;
- влияние студентов на процесс обучения, что является основой создания привлекательного и конкурентоспособного образования [2].

Программы решают задачу интеграции теории и практики: с одной стороны, они направлены на подготовку к осуществлению профессиональной деятельности, с другой — на подготовку к научно-исследовательской работе.

Многое уже сделано для перехода к двухуровневой подготовке специалистов по направлению «социальная работа». Преподаватели высшей школы получили гораздо большую свободу в выборе методик и в содержательном наполнении своих курсов. Изданы новые учебники и учебные пособия, нема-

ло переведено современных зарубежных монографий и учебников по социальным и гуманитарным дисциплинам.

Современное социальное знание принимает идею, что методологически неверно рассматривать социальные или культурные феномены без учета гендерного фактора, который пронизывает собой все социальные институты, культурные нормы и ценности. Общество и его институты (семья, государство, экономика, культура, система образования и др.) создает различные социальные модели для женщины и мужчины, т. е. конструирует гендерные различия и гендерный порядок. Гендер можно считать системной характеристикой социального порядка, которая постоянно воспроизводится в социальных институтах, в структурах сознания, в процессе коммуникации. Таким образом, можно сказать, что гендер является одним из способов социальной стратификации общества, а сама гендерная система — это социально сконструированная система неравенства по признаку пола. С развитием демократии и распространением принципов открытого общества одной из важнейших социокультурных задач становится преодоление всех видов дискриминации и подавления свободного развития личности, в том числе и по признаку пола.

Система образования является одним из важнейших социальных институтов. Одна из его задач — это трансляция основной системы ценностей, принятых социальных норм и ролей. И поскольку достижение гендерного равенства является одной из важнейших гуманитарных задач мирового сообщества и признано в качестве тако-

вой в «Целях тысячелетия ООН», в образовательных системах развитых демократических стран активно развиваются гендерные программы. Учебные программы по гендерным исследованиям, разрабатываемые в развитых странах, ориентированы в значительной степени на анализ и поиск путей решения реальных социальных проблем, возникающих во взаимоотношениях женщин и мужчин. Подобные программы необходимы и нашим студентам и преподавателям-гуманитариям, так как в них обсуждаются и анализируются гуманитарные проблемы, касающиеся каждого и каждой из нас: личность и ее отношения с миром; права, свободы, различия между людьми и применение принципа равноправия; брак, семья, отношения супругов и детей. Иными словами, эти учебные и образовательные программы направлены на развитие социальной ответственности человека. Это, по сути, гражданское образование. Поэтому интеграция таких программ в систему высшего образования России и подготовка специалистов в этой области поможет изменить сам тип специалиста в области социальных и гуманитарных наук, развернув его в сторону социально ответственной деятельности. А это является серьезной гарантией позитивных социальных изменений в будущем. В нашей стране в последние годы интерес к гендерному образованию растет. В настоящее время гендерный компонент присутствует и в современных государственных образовательных стандартах для специальности «социальная работа». В России изданы учебники и учебные пособия по гендерной теории, работы российских и зарубежных специалистов.

Фундаментальными для социальной работы являются принципы соблюдения прав человека и социальной справедливости. Профессиональные социальные работники являются агентами изменений в обществе в целом и в жизни отдельных индивидов, семьи и сообщества которых они обслуживают, стремясь при этом исключить все формы дискриминации, в том числе и по признаку пола. Следовательно, образование по социальной работе должно быть свободно от сексизма. От того, распознают ли специалисты по социальной работе неравенство на индивидуальном и институциональном уровне в непосредственном взаимоотношении с клиентами или на структурном уровне в организационных, социальных и политических отношениях, зависят перспективы антидискриминационного социального обслуживания, социальной справедливости и социального развития. Прикладной характер профессии делает социальную работу принципиально важной в деле осуществления принципов равенства. В соответствии с этическим кодексом социальной работы социальный работник должен действовать так, чтобы исключить несправедливость против любого человека или группы на основании национального происхождения, убеждений, сексуальной ориентации, психических или физических недостатков, чтобы расширить личностные возможности всех людей, с особым вниманием относиться к тем, кто испытывает трудности и проблемы.

Из вышеизложенного следует, что бакалавр по социальной работе должен знать основные этапы и тенденции становления социальной работы в России

и за рубежом; сущность и содержание, основные методы и технологии социальной работы; организационно-управленческие и ценностные аспекты социальной работы; основы социального прогнозирования. Бакалавр должен уметь получать и обрабатывать информацию о системе социальной работы, проводить анализ и мониторинг состояния и развития системы объектов социальной работы, использовать информационные технологии.

Подготовленный по новой системе специалист в области социальной работы должен владеть методами социальной работы с различными группами населения и отдельными лицами, методикой взаимодействия с государственными и негосударственными учреждениями и организациями, проводить консультационные мероприятия и профилактическую работу с объектами социальной работы.

Конкретные требования к специальной подготовке бакалавра устанавливаются вузами с учетом региональных и местных потребностей. Реализация основной образовательной программы подготовки бакалавра должна обеспечиваться высокопрофессиональными педагогическими кадрами, профессионально ориентированными и специальными дисциплинами в области социальной работы.

Вместе с тем Болонская система образования, внедрение которой делает возможным переход к единой европейской системе, не способна заменить полностью отечественную систему высшего образования. На первом этапе реализации принципов Болонского процесса могут возникнуть такие проблемы, как:

- сложность психологической совместимости принципов Болонской декларации с вековыми традициями отечественной высшей школы;
 - невозможность корректирования запросов рынка труда и образовательных услуг региональных вузов при узком сегменте рынка;
 - трудность учета специфического характера системы хозяйствования в регионах;
 - при отсутствии широких возможностей стажировки российских студентов за рубежом — неспособность обеспечить высокие практические знания иностранного языка и обучение в течение одного семестра за рубежом (условие Болонского процесса);
 - неопределенность модели получения высшего профессионального образования в России (бакалавр — 4 года, специалист — 5 лет, бакалавр + магистр — 4 + 2 года, бакалавр + специалист — 4 + 1 год, специалист + магистр — 5 + 1 год, бакалавр + специалист + магистр — 4 + 1 + 1 год).
- На втором этапе успех реализации Болонских принципов, по мнению специалистов, могут определять такие составляющие:
- визовый режим, который существует между нашей страной и странами Европы и практически исключает межстрановую мобильность обучающегося и преподавательского состава регионов, вследствие чего европейский рынок труда для них становится закрытым;
 - сложность унификации образовательных программ для особенностей региона;
 - трудность планирования запросов со стороны регионального рынка труда на подготовку кадров для социально-экономических сфер региона;
 - при приеме на работу — неизбежная конкуренция между бакалаврами и магистрами, поскольку для работодателя преимущества и разница в профессиональных знаниях бакалавра и магистра не очевидна [3].
- Сегодня специалист, профессионально знающий свою специальность, является бесспорным лидером на рынке труда, так как вузы ведут подготовку по отлаженным и проверенным временным программам, а работодатель удовлетворен их полнотой и качеством. При двухуровневой системе высшего образования такая доверительность может сформироваться при проверке временем качества вузовских программ.
- Таким образом, учитывая мнение специалистов в области управления, можно сделать следующие выводы:
1. В соответствии с традициями и национальными особенностями российского образования, для российских регионов наиболее приемлемой моделью получения высшего профессионального образования на переходном этапе была бы многофункциональная модель бакалавр + специалист + магистр (4 + 1 + 1). Такой формат обучения позволяет удовлетворить запросы работодателей в управленческих кадрах.
 2. Так как регионы в силу разных причин удалены от общеевропейских рынков труда и образовательных услуг, то региональные образовательные стандарты должны быть более гибкими и в их формирова-

нии должны принимать участие работодатели регионов.

3. Болонский процесс приживется при сохранении традиций и позитивного опыта отечественной обра-

зовательной системы, интересов работодателей в подготовке специалистов с созданием системы LLL (lifelong learning) – обучение в течение всей жизни.

1. Болонский образовательный процесс: пер. с англ. / сост. А. К. Бурдеев, В. А. Звонова. М: Финансы и статистика, 2007.
2. *Гребнев Л.* Лондонское коммюнике: завершающий этап Болонского процесса. К европейскому пространству высшего образования: откликаясь на вызовы глобализованного мира // Высшее образование в России. 2007. № 9.
3. *Адамчук А. М., Рахманин В. М.* Болонский образовательный процесс: взгляды на проблемы его реализации в регионах // Вестник Петровской академии. 2008. № 10.

А. Ф. ИЗМАЙЛОВ

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ГОРОДА (О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

город, информационная модель, информационные ресурсы, принципы моделирования

KEY WORDS:

city, information model, information resources, principles of modeling

В статье раскрываются некоторые подходы к использованию информационных ресурсов в урбанизированной среде на основе принципов моделирования. Предлагаются определенные модели информационно-коммуникативных отношений, помогающие рационально решать практические задачи.

Some approaches to information resource utilization in the urbanized environment which are based on the principles of modeling are developed in the article. Models of informational and communicative relations are suggested, enabling to rationally solve practical tasks.

В публикации применяются следующие ключевые слова: «информация», «модель», «город», «человек», «гипертекст», «городская среда». Понятие «информация» рассматривается как материальная энергия, функционирующая между субъектом и объектом в целях их взаимосвязанного, устойчивого состояния и развития, адекватного отражения и познания. Информация сама является образом (моделью) отражения предмета или явления. Слово «модель» понимается как аналог оригинала, как его адекватное отражение. Понятие «город» осознается как урбанистическое пространство, имеющее свои взаимосвязанные функции и структуры. Слово «человек» употребляется как субъект и объект информационных отношений, как духовный, физический, интеллектуальный актер. Термин «гипертекст» воспринимается как способ

структуризации информации, создания сети связанных смысловых гнезд, позволяющих трансфинитно расширять смысловое значение текста. Под «городской средой» понимается все, что необходимо для гармоничного, организованного функционирования городского и околгородского пространства, предметного, знакового, межчеловеческого, социально-культурного, экологического взаимодействия.

В данной публикации рассматривается структура «городская среда — человек» (как оригинал) — «городская среда* — человек*» (как аналог). Предметом изучения являются информационные связи и отношения в обозначенной структуре. Цель анализа — рассмотрение оптимальных способов информационной деятельности человека в городской среде.

Город в виде объекта моделирования рассматривается как открытая система информационных отношений в природной и урбанизированной среде, которая условно разделена на экономическую, социальную, политическую, культурную сферы деятельности человека.

Динамика природной и урбанизированной сред описывается аналогично. Каждая часть административно-географической территории рассматривается как самостоятельная подмодель, связанная с основной моделью определенными потоками и отношениями. В экономической сфере отражаются производственные, непроизводственные, нетрадиционные виды деятельности, направленные на восстановление и развитие всех частей среды. Особенности социальной сферы показываются через индексы численности населения, его качественного состава (уровень образования, благосостояния, здоровья и т. п.). Политическая сфера представляется показателями политической культуры, гражданской активности. В культурной сфере описываются показатели сохранения и развития историко-культурных, информационных традиций.

Информационные процессы, как и инновационные, органично включены во все сферы деятельности. Поэтому для плодотворного анализа целесообразно выделить их в отдельную подмодель, что позволяет сравнивать затраты на инновации в сфере информационных отношений с полученными результатами.

Информационная модель города может быть представлена в виде описания исторических, общественно-политических, социально-экономических,

культурных, религиозных событий и явлений; в виде навигационной карты города и его частей; геоинформационных виртуальных систем, многомерных моделей, созданных на основе космических и информационных технологий, в том числе с помощью компьютерных программ BIM (Building Information Model) и CityGML. Может также использоваться инструментальная технология «HyRe-Tech», предназначенная для построения моделей гипертекста [1, с. 130–131].

Информационная модель может строиться как со стороны субъекта, так и со стороны объекта. Оптимальным подходом к формированию информационной модели города является, на наш взгляд, путь взаимодействия интересов человека и городской среды.

Информационный подход предлагает рассматривать город, его образ, его информационную модель как процесс, как деятельность, как институт.

Построить имитационную модель, исходя из этих принципов, помогает так называемая теоретическая модель информационного процесса, разработанная Г. Лассуэлом [2, р. 32–51]: источник информации, содержание сообщения, канал сообщения, адресат сообщения, результат сообщения. Этапы процесса потребления переданной источником информации можно рассматривать как различные типы деятельности аудитории: контакт с источником информации — контакт с информацией — прием информации — освоение информации — «выработка» отношения к информации — «запоминание» информации — конечные эффекты процесса [3, с. 208]. Таким образом, информационная модель города включает

в себя структуры и функции института, процесса, деятельности.

Каждый институт в городской среде обладает определенными информационными ресурсами. Информационные ресурсы города, например Санкт-Петербурга, можно представить следующими источниками информации:

1. Жители Санкт-Петербурга — источник власти города [4, с. 3], источники социально-экономической, политической, культурной, бытийной информации; живая информационная система.
2. Органы законодательной, исполнительной, судебной государственной власти и органы местного самоуправления.
3. Отраслевые и территориальные исполнительные органы государственной власти.
4. Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти.
5. Институт Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге.
6. Санкт-Петербургская избирательная комиссия.
7. Контрольно-счетная палата Санкт-Петербурга.
8. Уставный суд Санкт-Петербурга.
9. Средства массовой информации (городские, районные, муниципальные, корпоративные газеты, теле-, радиопрограммы, интернет-издания).
10. Библиотеки, юридические и правовые центры, содержащие базы данных, печатные тексты о перечне всех нормативных и правовых актах органов государственной власти Санкт-Петербурга.
11. Библиографический указатель книг и журнальных статей «Литература о Санкт-Петербурге», издаваемый Российской национальной библиотекой и Центральной публичной библиотекой им. В. В. Маяковского, а также компьютерная база данных «Санкт-Петербург в газетных публикациях», созданная указанными библиотеками.
12. ГУП «Информационно-аналитический центр администрации Санкт-Петербурга», работающий в сфере информатизации и информационного обеспечения органов государственной власти города и других организаций, а также предоставления услуг по созданию и использованию современных информационных и телекоммуникационных систем, средств и технологий.
13. Информационные услуги телефонных компаний, сотовой связи.
14. Музеи.
15. Архивы.
16. Информационные услуги агентств въездного туризма.
17. Электронные версии периодических изданий, теле-, радиопередач.
18. Сайты учреждений, предприятий, коммерческих компаний, торговых организаций.
19. Визуальная и звуковая реклама в транспорте, на улицах, торговых площадях, стадионах.

Помимо этих осязаемых информационных ресурсов, имеются еще как минимум два вида информационных резервов: неосязаемые (современные информационные технологии, репутация города в мировом сообществе, культурный потенциал) и человеческие (традиции, навыки и знания, своеобразная

коммуникация, способность к взаимодействию, мотивационные потребности, эмоции, установки и идеалы).

Вышеназванные информационные ресурсы, с одной стороны, могут служить основой для разработки кодификаторов информационной модели города. Они должны содержать (с учетом мнений горожан) перечень признаков, качеств информации, а также правил ее передачи и приема. Эти перечни и правила должны обеспечить передачу и получение информации, необходимой горожанам для их нормальной жизнедеятельности, коммуникативности, участия в решении городских задач. Предоставление горожанам со стороны государственных и муниципальных органов подобной кодифицированной информации должно быть юридически закреплено и являться одной из основных государственных и муниципальных услуг, обеспеченных бюджетным финансированием.

С другой стороны, информационные ресурсы города в качестве гипертекста служат ключом процесса множественного, одновременного движения информации от источника к получателю и обратно. С помощью Интернета это массовое движение гипертекста трансформируется в способ коммуникации в глобальном сообществе [5]. Таким образом, гипертекст можно рассматривать как средство создания модели (аналога) описания свойств, отношений, форм поведения оригинала (городской среды).

Информационная модель города предусматривает определенную организационную структуру (институт) в виде федерального агентства по информации. Деятельность такого агент-

ства в городе координируется территориальным органом федерального органа исполнительной власти, который на основе представленных проектов по организации доступа общественности к государственной информации определяет (на конкурсной основе) федеральное агентство по информации. В его задачу входит обеспечение государственной информацией граждан, бизнеса, государственных, муниципальных структур, СМИ, а также установление обратной связи, корректировка информационно-коммуникативных проектов.

Для установления обратной связи, получения достоверной и открытой информации от институтов — участников моделирования (любых организационных форм) во всех сферах деятельности федеральные агентства могут привлекать к накоплению и анализу соответствующей информации не только специалистов отраслевых служб, но и работников структур по связям с общественностью и пресс-центров. Отраслевая, корпоративная и иная информация должна отражать взаимоприемлемые понятия, термины, показатели, индексы, трансформируемые в определенные стандарты в соответствии с утвержденными правилами классификации и кодирования [6].

Построение многофункциональной интегрированной модели информационных ресурсов города (гипертекста) осуществляется на основе следующих положений:

- 1) формирование информационного массива в комплексный структурированный объект, который следует рассматривать как постоянно действующий институт, деятельность, процесс, как ресурс управления;

- 2) информационный объект должен быть структурирован по отраслям, функциональным сферам использования и уровням административно-территориального деления города;
- 3) функционирование и регулярное пополнение базы данных объекта должны осуществлять конкретные организации, ответственные за ведение базовых информационных ресурсов.

Являясь частью информационного процесса в городе, СМИ выступают одним из механизмов «общественного диалога», социального взаимодействия, структурной организацией формирования социальной модели. СМИ формируют образ города, создают его гипертекстовую модель, исходя из содержания общественной среды, социально-экономического, политического, идеологического устройства, культурных традиций, уровня профессионального, технического, нормативного состояния и тенденциозности журналистского аппарата.

Используя особый вид эксперимента — модельный эксперимент, можно выстроить информационную модель города на основе следующих подходов:

1. Выбрать в качестве алгоритма (организованной последовательности действий) реализацию плана социально-экономического развития Санкт-Петербурга на долгосрочную перспективу (до 2025 г.). Исходя из этого создать модель массовой информации в виде объединенной структуры государственных и негосударственных СМИ, других информационных ресурсов.
2. Выбрать отдельные модули, каждый из которых включает 2 вида ре-

сурсов: 1) информацию по одному приоритетному направлению плана развития города на долгосрочную перспективу, источником и координатором которой выступает конкретный комитет (управление) администрации города; 2) организационное средство — информационное объединение, включающее все типы СМИ, других информационных ресурсов, задачей которых является информационное обеспечение реализации одного основного направления развития города на долгосрочную перспективу.

Оптимальным средством социального партнерства органов государственной, муниципальной власти и СМИ, других информационных ресурсов является аутсорсинг информационных процессов, когда информационное обеспечение реализации приоритетных задач передается аутсорсеру, обладающему наилучшими профессиональными и производственно-технологическими ресурсами.

Организуя совместную работу служит договор между комитетом (управлением) администрации города и информационным объединением СМИ (других информационных ресурсов), которое выступает в виде юридического лица (некоммерческого партнерства, медиа-корпорации и т. п.). На основе договора информационному объединению выделяется субвенция из городского бюджета (на конкурсной основе).

Моделируя процессы развития информационной структуры, следует рассматривать отмеченный исследователями двухфазный процесс:

- 1) создание идеальных образцов;

2) их трансформация в реальные образцы [7, с. 211].

Выбор информативных признаков города, отражающих его ключевые свойства, по которым моделируется его изображение, зависит от целей и задач моделирования. Таким образом, ключевые свойства города и его информационные связи в городской среде в упрощенном виде можно представить следующей структурой: человек — жилище — учеба — работа — отдых — коммуникативные отношения (в том числе, транспорт, связь, средства массовой коммуникации).

Избранная структура информационной модели города призвана помочь в разработке способа организации взаимосвязи средовой и предметно-пространственной сфер, а также в определении уровня обеспеченности населения информацией, коммуникацией, включенности в принятие решений.

Основными задачами построения и использования информационной модели являются:

- во-первых, создание оптимальной информационной структуры для информирования населения о свойствах городской среды, о способах адаптации к ней, соответствующего отношения и поведения;
- во-вторых, рассмотрение особенностей функционирования «массовой информации», ее производства, распространения, потребления;
- в-третьих, изучение свойств технических средств, используемых как для информирования населения, так и для их применения в процессах управления. Причем эта задача рассматривается на различных уровнях административной структуры горо-

да: муниципальном, районном, общегородском; при различном использовании технических средств: газет, радио, телевидения, Интернета, наружной электронной рекламы и других средств коммуникации;

- в-четвертых, исследование текста сообщений как модели конструкции объекта (явления, факта), его смысла, идеи, которые формируют образ объекта, вырабатывают определенные ценности; программируют стратегию деятельности, определяют нормы поведения.

Информационная модель города помогает владеть, анализировать и управлять публичной информацией. Как отмечают исследователи, «сегодня ни один город мира еще не имеет информации, удовлетворительно отвечающей требованиям управления им» [8, с. 241]. В решение этой комплексной, междисциплинарной задачи вносит вклад разработка информационной модели города.

Городское сообщество живет, «общаясь» и общаясь друг с другом. Наука о городе включает в себя целый ряд теорий, объясняющих основу такого социально-массового явления, как жизнедеятельность человека в урбанистическом пространстве. Так, социальная инженерия, занимаясь социальным конструированием отношений человека в городской среде, содержит практические механизмы, технологии, способы оптимального управления и действия. Информационно-коммуникативные теории дают возможность с помощью построения моделей коммуникаций в городской среде сформировать оптимальные субъект-субъектные и субъект-объектные отношения. Тек-

сты СМИ, информируя о событиях, фактах, явлениях, транслируя алгоритм решения определенных задач, анализируя последствия полученных результатов, публикуя различные мнения по этому поводу, создают знаковый образ (модель) реальной жизни, который, в свою очередь, оказывает влияние на форму и содержание общественного уклада. Использование методов герменевтики способствует истолкованию текстов, их объяснению и адекватному воздействию на различные жизненные проявления.

Построение информационной модели города, как модели описания, основывается на взаимосвязанном определенном ряде специальных свойств города, отношений, форм поведения. Модель обладает фиксируемыми знаками, отражающими структурные, субстратные, функциональные свойства, отношения, формы поведения оригинала. К свойствам города как оригинала относятся следующие элементы: городское хозяйство, городская экономика и предпринимательство, городское строительство, транспорт, городская этнология, экология города, информатология градосистемы, городское право, городское управление, стратегическое планирование. К отношениям принадлежат такие части: многоотраслевой информационный ресурс, информационный процесс, информационный институт, координирующий функционирование информационной структуры города. К формам функционирования города относятся следующие составляющие: феномен восприятия территориальности (индивидом, семьей, трудовым коллективом, группой, нацией); восприятие городской среды (психоло-

гический, архитектурный, градостроительский аспекты).

Сопоставление интересов источника и потребителя информации осуществляется с помощью макро моделирования, на основе которого выстраивается структура анализа содержания информации, поступающей от потребителя, выявляются его приоритетные интересы, которые сопрягаются с интересами источника информации. Таким образом выстраивается оптимальная структура движения информации «снизу — вверх» и «сверху — вниз». Основным условием оптимального информационного обеспечения является поддержание информационного равновесия (баланса информационных ресурсов) источника и потребителя информации.

Данная информационная модель служит инструментом анализа и прогноза информационного потенциала территории, способом выработки вариантов управленческих решений.

В условиях ограниченных информационных возможностей наполнения модели существует дефицит эмпирических данных и необходимость стандартизации показателей. Вместе с тем, реальные информационные ресурсы, их объединение позволяет организовать реализацию ряда функций модели: справочное обслуживание населения; частичное решение программных и оперативных задач управления с учетом обратных связей.

В процессе построения информационной модели с помощью современных технологий реальная городская информационная среда трансформируется в массовую информационно-коммуникативную виртуальную модель диалоговых контактов в урбанизированном

пространстве. Данную виртуальную коммуникативную модель можно воспринимать как один из институтов информационных отношений, как средство управления человеческими связями.

Создание информационной модели города на основе использования современных информационных и коммуникативных технологий позволяет:

- выстраивать механизм взаимодействия традиционных СМИ и интернет-изданий, доступности сведений информационных служб для населения;
- делать ежедневный виртуальный обзор городских, районных, муниципальных, корпоративных газет, телерадиоканалов, интернет-изданий;

- оказывать высококвалифицированные удаленные консультации в лечебных, социальных учреждениях;
- шире транслировать ценности культур различных народов, развивать взаимопонимание, толерантные отношения между этническими группами;
- повышать экологическую культуру;
- обеспечивать в библиотеках, почтовых отделениях, юридических консультациях, в каждой квартире доступ к государственной информации, правовым базам, библиотечным, архивным, музейным фондам, информационным ресурсам различных институтов города, широкоформатным каналам связи и коммуникации.

1. *Ованесбеков Л. Г.* Гипертекстовые базы правил // Тезисы докладов II Санкт-Петербургской конференции «Региональная информатика» РИ-93. Санкт-Петербург, 11–14 мая 1993 г. СПб, 1993. Ч. 1.
2. *Lasswell H.* The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. N. Y., 1948.
3. Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980.
4. Устав Санкт-Петербурга // Новое в законодательстве Санкт-Петербурга. 2003. Спецвыпуск.
5. *Купер И. Р.* Гипертекст как способ коммуникации [Электронный ресурс] // Наука. Интернет. Россия: каталог ресурсов. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html> (дата обращения: 20.01.2009).
6. О развитии единой системы классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации: постановление Правительства РФ от 1 января 1999 г. № 1212 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 45. Ст. 5434.
7. *Щербина В. В.* Организационное развитие: популяционно-селекционная модель // Личность. Культура. Общество. 2008. Том X. Вып. 2 (41).
8. *Лола А. М.* Основы градоведения и теории города. М., 2005.

Г. М. ЕЛФИМОВ

ПОНЯТИЕ «НОВОГО» В ТЕОРИИ ЭМЕРДЖЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

категория нового, философия прагматизма, эмерджентизм, позитивизм

KEY WORDS:

concept of new, philosophy of pragmatism, emergentism, positivism

В статье рассматривается эволюция общефилософского смысла понятия нового в различные периоды развития философии. Подробно описывается концепция нового в философии прагматизма (работы Ч. Пирса). Особое внимание автор уделяет изложению взглядов представителей философии эмерджентизма (С. Александер), а также эволюционного эмерджентизма (Р. В. Селларз, М. Чапек). Достаточно подробно автор излагает позиции философов, представителей позитивизма и вырожденного позитивизма (Э. Нагель, Р. Коуз).

Evolution of general philosophical meaning of the concept of new that existed during different periods of philosophy development is considered in the article. The concept of new in philosophy of pragmatism (the works of Ch. Pierce) is considered in detail. The author pays special attention to the presentation of the views of philosophy of emergentism representatives (S. Alexander), and of evolutionary emergentism (R.V. Sellars, M. Chapek). The author presents in reasonable detail the philosophical positions of the representatives of positivism and of degenerate positivism (E. Nagel, R.Coase).

Открытия в области естественных наук и даже разработанное философское обоснование тех или иных проблем еще не гарантируют невозникновения искаженного представления о действительности и закономерностях ее отражения. Философия, будучи мировоззренческой и социально обусловленной дисциплиной, в обязательном порядке отражает и общественные условия, выполняет социальный заказ. Поэтому неслучайно проблема нового в исследованиях философов особо тесно связана с социальными оценками, имеет явный социальный выход.

В конце XIX — начале XX вв. резко ускоряются социальные процессы, фи-

лософия в этот период содержит в основаниях своих концепций элементы мистики, иррационализма. Особый интерес вызывает тот факт, что значительную часть философов, защищавших мистические основания мировоззрения, составляют мыслители, одновременно являвшиеся и крупными учеными, для которых была очевидна мировоззренческая значимость последовательного материализма и диалектики. Однако если в рамках конкретных научных дисциплин они вели борьбу за однозначное трактование основных понятий, строгую их координацию в рамках научной теории, то в области философии они же предпочитали плюрализм.

Философский эклектизм вел к искажению теоретических представлений о развитии, о закономерностях возникновения нового, о его предвидении. Категория нового занимает существенное место в философии прагматизма (в первую очередь Д. Дьюи), философии эмердженизма (К. Л. Морган, С. Александер, Ч. Д. Бруд), эволюционного эмердженизма (Р. В. Селларз, М. Чапек), в позитивизме и вырожденном позитивизме (Э. Нагель, П. Коуз, А. Пап), в философии П. Тейяра де Шардена и его последователей.

Прагматизм — это вульгарная практическая философия, сочетающая в различных пропорциях субъективный идеализм (махизм) с иррационализмом «философии жизни» Ф. Ницше, А. Бергсона и В. Дильтея, содержащая также некоторые специфические идеи в отношении связей рациональной и чувственной ступеней познания. Доктрина прагматизма вследствие этого не была сформулирована достаточно определенно, поэтому уже к началу века, исследуя эти вопросы, А. Лавджой насчитывал до тринадцати разновидностей этого течения. Можно отметить, что только в работах родоначальника этого направления философии Ч. Пирса используется ряд по существу несовместимых философских концепций — логического позитивизма и семантики, неореалистической космологии и религиозной «метафизики», содержащих массу противоречий. Следует отметить, что традиции эклектизма в значительной степени были поддержаны последующими приверженцами прагматизма. Речь идет о получившем распространение в США направлении современной философии, которое ока-

зало существенное влияние на политическое и теоретическое мышление и даже на обыденное сознание в этой стране. В философских трудах Ч. Пирса ясно прослеживается мысль о том, что одним из важнейших источников всех противоречий прагматизма является конфликт науки и религии [1, с. 33]. В этой связи прагматизм сознательно уклоняется от рассмотрения основного вопроса философии, с тем чтобы сохранить дистанцию между научным знанием и религиозным мировоззрением. Однако обращение к методологии науки, значительное внимание которой в своих работах уделял Ч. Пирс, предполагало решение основного вопроса философии. При этом Пирс и его последователи решали основной вопрос философии преимущественно в духе субъективного идеализма. Поэтому проблема нового смешалась в область гносеологии и была деформирована исходными позициями прагматизма.

Отношение к основному вопросу философии у Ч. Пирса отчетливо проявилось в критике знаменитого декартовского принципа сомнения. Если для Р. Декарта принцип сомнения состоит в выяснении отношений связей идей к связям вещей, то Пирс интересуется исключительно связью идей. Формально не отрицая существование объекта как некоторого «трансцендентального объекта», он полагает, что объект не может сам определять какое-либо знание. Если знание воспринимать как данность, то новое знание — всегда лишь некоторое изменение предшествующего знания, и определяется оно этим предшествующим знанием.

Эта позиция типична для целого ряда направлений в гносеологии и ме-

тодологии научного познания. Она принята за исходную также неокантианцами, конвенционалистами и неореалистами. Исключения составляют лишь прагматисты. В каждом из этих случаев проблема нового приобретает чрезмерно узкий характер, она, по сути дела, лишается философского статуса. Философский аспект проблемы приобретает черты методологии науки. Поскольку прагматизм одной из своих специальных задач рассматривал сохранение места религии, проблема нового и возникновения одновременно сохраняла и онтологическую сторону. При этом религиозная догматика освежалась идеями биологического эволюционизма. У Ч. Пирса это проявилось в объединении в некое целое идей Ч. Дарвина, Ж. Б. Ламарка и Ж. Кювье.

К дарвиновской теории эволюции, в которой отражена роль случайности и устранения неприспособленных, Пирс добавляет идеи Ламарка, теорию катаклизмов Кювье, а также идею любви как некоторой движущей силы, предопределенной божественным началом. Появление нового определяется всеми этими тенденциями, но лишь катастрофизм несет в себе подлинно «творческое» возникновение нового. В конечном счете возникновение любого нового определяется развитием божественного начала, главным регулирующим принципом которого выступает всепроникающая любовь [2, р. 269–270].

Сочетание религиозных идей с выводами, содержащимися в биологическом учении о развитии, типично для трудов целого ряда философов конца XIX и начала XX вв. В этом отношении сходны позиции А. Бергсона, прагматистов и представителей эмерджентной

философии. Иррационализм А. Бергсона пришлось весьма кстати тем, кто искал формы объединения религиозных догматов с идеями эволюции. В свою очередь, Бергсон сочувственно следил за интерпретацией своих идей представителями других философских направлений. В работе, посвященной анализу философских взглядов одного из основоположников прагматизма У. Джемса, А. Бергсон с удовлетворением отметил, что общая концепция реальности Джемса — это бергсоновский поток существования, который можно рассматривать и как поток мышления, и как поток реальности [3]. Возникновение нового, по Джемсу, есть следствие того, что реальность всегда изменяется. У. Джемс дополнил это основание также категорией «полезность»: эволюция реальности обуславливается тем, что каждая часть реальности обладает определенной функцией, как это происходит в живом организме, каждая часть реальности годится для какого-то применения. Полностью бесполезное не может сколько-либо просуществовать. С этой точки зрения, такие явления, как религия и нерелигия, поскольку они обе существуют, «совершенно равны перед эволюционным трибуналом» [4, р. 224]. Таким образом, существование нового обуславливается его полезностью, которая состоит в том, что новое лучше выполняет уже существующие функции.

С этой точки зрения, определяющим для бытия какого-либо нечто выступает его функция, но не оно само. Центр тяжести перемещается с самого предмета на его окружение, сам по себе конкретный объект «повисает в воздухе», его собственное бытие оказывается

вторичным по отношению к функции. Наконец, мистически выглядит сама реальность, если полезность выступает ее необходимым признаком. Идея полезности, получая философское развитие, подкрепляется у Джемса отказом от причинности. По мнению У. Джемса, новое вовсе не детерминировано старым, а является результатом свободного творчества. Поток существования, который рассматривается и как поток мышления, и как поток реальности, доступен для анализа, в первую очередь, именно как человеческая сознательная деятельность. Отсюда человеческая свобода представляет собой особый вариант универсального индетерминизма. Будущее, хотя и продолжает прошлое, не обуславливается им. Аналогично Д. Юму, который полагал, что духовный мир — это совокупность восприятий, мозаика которых ничем не определена, У. Джемс считает, что человеческий мир — это творчески скомпонованная из обширного хаоса ощущений картина, представляющая собой лишь один из возможного множества вариантов. Творческое начало сознания состоит в самой уникальности этой картины, а также в активности сознания. Впрочем, У. Джемс не удерживается на последовательно индетерминистских позициях. В работе по педагогике он заявляет, что каждый индивид обладает «врожденным обилием внутренних форм» — набором инстинктов, таких как «инстинкт собственности», «инстинкт драчливости» и т. д., которые далеко не чужды «творческому началу», обуславливающему новое. В подходе к «творческому началу» проявляется апологетический характер всей доктрины Джемса, прослеживающийся

как в работах по философии, так и в сочинениях по психологии и педагогике. Именно эта активность сознания и формирует мир, создает новую реальность. Джемс не отрицает существования внешнего по отношению к человеку мира, но считает, что определенность этого реального мира — следствие свободного человеческого творчества. Но поскольку этим творчеством занимается множество людей, то они творят мир множественный. Вследствие этого структура мира является антропоморфной, иррациональной и плюралистической. Этот мир есть нечто незаконченное, постоянно изменяющееся, не имеющее общей схемы, в его основании не лежит никакой абсолютной идеи или каких-либо общих устойчивых закономерностей. Поэтому в нем всегда есть место для нового, и это новое постоянно возникает с каждым актом проявления свободной воли. По мнению Джемса, это дает основания для оптимизма: поскольку реальный мир — это творчество людей, то в нем есть место для совершенствования, для приспособления этого мира в интересах человека. В идее «плюралистической Вселенной» подчеркнута, что нет такого рода точки зрения, такой конкретной концепции, которая позволяла бы исчерпывающим образом представить Вселенную. Реальный мир постоянно «растет» за счет случайно возникающего нового. Это возникновение нового происходит постоянно и закономерно, в результате волевых усилий множества личностей [5, с. 149–155].

В концепции У. Джемса новое имеет содержание, близкое к тому, которое вкладывал в это понятие А. Бергсон. Но если для А. Бергсона новое — это про-

явление чистой длительности, имеющее аспект непрерывности, само по себе бессодержательное, то новое у Джемса сводится к индивидуальным субъективным картинам мира, к сумме таких картин («плюралистическая Вселенная»), т. е. новое возникает постоянно, но дискретно. Поток существования, по Джемсу, не имеет определенного направления, тем не менее Джемс связывает его с «врожденными внутренними формами» и с преимуществами такого нового, которое является более полезным. В философии У. Джемса идея направленности имеет место, хотя и выражена она в весьма прихотливой форме.

Направленность возникновения нового тесно связана с принципом развития, зависит от особенностей трактовки развития. Философия XX в. демонстрировала двойственное отношение к принципу развития. Диалектически развернутый принцип развития даже в форме объективного идеализма, сформулированного в философии Гегеля, представлялся довольно опасным. Но полностью игнорировать принцип развития было невозможно, поскольку объективно возрастала потребность в методологических основаниях для бурно развивающегося естествознания, а позднее — и для задач прогнозирования и направленного влияния на общественные процессы. Оставалось ввести принцип развития в его ослабленной (в философском смысле) форме, в той, в которой его трактовало эволюционное учение Дарвина и Спенсера. Придание философского статуса специфической биологической концепции развития открывало возможность метафизического переноса закономерностей одной формы движения на другие.

В философских работах У. Джемса вопрос о развитии не выступает как первостепенный, но в то же время имеет определенный удельный вес. Особое внимание принципу развития уделяет преемник Джемса Дж. Дьюи, который подчеркивает исключительную важность для философии идей развития, рассматриваемых биологией. Прагматизм и плюрализм Джемса и Ч. Пирса, учение о потоке сознания и новом А. Бергсона дополняются в философии эволюционными концепциями в той форме, в которой они были сформулированы Хаксли и Тинделлом.

В характеристике нового Дж. Дьюи отмечает некоторые отдельные черты. В первую очередь он выделяет начало процесса возникновения нового, преемственность и определенную многоплановость становления нового: «Вдруг в силу определенных обстоятельств вещи, известные как семена, яйца или зародыши, начинают изменяться быстро в размере, форме и качестве» [6, р. 4]. При этом ученый обращает внимание на то, что изменения идут направленно. Дьюи предпочитает не говорить о прогрессе, он лишь замечает, что эти изменения протекают не в сторону деградации и представляют собой ряд ступеней. «Каждая последующая ступень, неважно, похожа ли она на свою предшественницу, сохраняет свою ячейку эффективной и готовит путь для более полной деятельности своей последовательницы» [7]. В этой витиеватой, характерной для Дж. Дьюи форме, по существу, отмечается, что возникающее новое предстает как качественное изменение.

Следует, впрочем, отметить, что отношение к качественной определенно-

сти у Дьюи выражено неоднозначно. Это обусловлено тем, что связь субъекта и объекта Дьюи сводит к непрерывности. Дьюи отрицает возможность естествознания трактовать качественную определенность объектов. «Как история науки, так и ее современное состояние доказывают, что цель систематического сопоставления фактов и концепций зависит от уничтожения качественного как такового и от сведения результатов этого сопоставления к некачественным формулировкам» [8, р. 65]. Дьюи считает, что эту задачу можно решить, применив психологический подход, который предполагает оперирование отдельными объектами или явлениями, относительно изолированными от их окружения, от фона [9].

Всякое новое качественное состояние Дьюи связывает с «экзистенциальными причинными условиями»: «В моей теории проблема отношения не физического и внешнего к мысленному и внутреннему, а проблема отношения непосредственных качеств к объектам науки. Первые — экзистенциальные причинные условия для вторых, а качества есть проявления этих условий» [10, р. 598]. «Экзистенциальные причинные условия» связаны с основаниями экзистенциальной трансформации и реконструкции действительности, в которой участвуют, по Дьюи, как реальный мир, так и его отражение в сознании человека. Для Дж. Дьюи создание идеальной конструкции, мысленный план и есть одновременно возникновение нового «объекта». Это возникающее новое представляет собой преобразование уже имеющегося материала, «предшествующей опыту реальности».

«Экзистенциальные причинные условия», благодаря которым «реконструируется действительность», формируется новое, вначале выступают как «научный объект», над которым трудится сознание, а затем используются для создания нового опыта, что, по сути, отражает момент, когда для раскрытия закономерностей возникновения нового необходимо учитывать принцип причинности. В рамках иррациональной философской концепции, естественно, удовлетворительное решение вопроса связи причинности и нового не может быть предложено.

Показательно, однако, что вопрос о такой связи у Дьюи возникает, поскольку его занимает тема предвидения нового. Роль познания нового состоит, в первую очередь, в том, что оно творит «научные объекты», происходит этот акт творения произвольно (в том смысле, что закономерности самого процесса познания не выступают как вторичные по отношению к закономерностям реальной действительности). Вследствие этого и обнаруживается непредсказуемость нового опыта.

Новые понятия, играющие чисто инструментальную роль и являющиеся средством ориентировки человека в этом непредсказуемом опыте, могут оказаться как эффективными, так и негодными для этой цели, и в последнем случае отбрасываются. Можно ожидать, что такого рода проверка, в конечном счете, должна зафиксировать некоторые устойчивые тенденции как в росте знаний, так и в «творении опыта». Но в концепции Дьюи определение («квалификация») какого-либо одного типа опыта, характеризующее его как концепцию роста, должно предполагать не-

признание концептуального различия между установленным (qualified) и не установленным (unqualified) опытом. Закрепленный таким образом опыт приводит к привычке или рутине.

Действительно, элементы абсолютного в истине отражают устойчивые связи и отношения. Диалектика отношения старого и нового состоит в том, что новое не абсолютно изолировано от старого, но кроме отличий от старого предполагает и общие с ним черты. Дьюи же полагает, что новое исключает сохранение черт старого. Крайний релятивизм в этом случае выступает как метафизика: подчеркивается разрыв между новым и предшествующим ему состоянием. Это, в свою очередь, усиливает агностические аргументы в отношении возможности предвидения качественно нового. Но в этом трудно идти до конца, поскольку последовательный релятивизм должен был бы привести к полному агностицизму. Поэтому Дьюи останавливается на компромиссе, отмечая, что в гносеологическом плане обобщение качественных изменений предусматривает включение в описание необходимых связей, но не устраняет случайностей, причем «при определенных условиях эти случайности предстают как индетерминанты, которые должны быть детерминированы, если определенные жизненные активности должны продолжаться» [11].

В философии Дьюи затронуты различные аспекты определения нового, значимость понятия нового связана с принципиальной возможностью идей развития. Сложность позиции Дьюи в этом вопросе обусловлена и социальной направленностью его философии.

Смешение понятий познания и преобразования мира позволяет Дьюи при необходимости либо сводить первое ко второму, либо наоборот. Как только он начинает поднимать в своих работах социальные проблемы, решение которых требует от последовательной теории рассматривать закономерности преобразования существующего, то неизменно уходит в сферу эволюции познания, «творческой демократии», свободы мысли. Он оперирует понятием изменения, не предполагая объективное изменение старого общества.

Социальная установка в значительной степени корригирует и его отношение к связи между изменением и развитием, неявно выступает одним из оснований непоследовательности в рассмотрении содержания направленности процессов и возможностей предвидения их эволюции. Тем не менее в отличие от А. Бергсона, у которого понятие нового обладает чрезвычайно бедным содержанием, Дьюи ставит вопрос об определении понятия нового в сочетании с большим количеством категорий, отмечая тем самым многоплановость понятия нового. Он обсуждает проблему направленности в возникновении нового, качественный характер нового, необходимость привлечения для его объяснения причинно-следственных отношений. Многократно касаясь проблемы предвидения нового, он приходит к выводу о непредсказуемости нового на основе предварительного знания (если данный качественный переход такого типа осуществляется впервые). Исходные посылы философской концепции не позволили Дьюи прийти к решению рассматриваемых вопросов.

* * *

Центральная проблема теории эмерджентной эволюции — описать или объяснить явления как результат разветвления некоторых первичных оснований. Эта теория имеет несколько вариантов. В ее суженном варианте затрагивается только история живых существ на Земле. В более широких версиях делается попытка проследить историю пространственно-временной Вселенной. И, наконец, самый общий вариант концепции — спекулятивная космогония, охватывающая всю общность существования. В теории эмерджентной эволюции понятие нового представляет собой существенно важное концептуальное звено. Целый ряд других категорий рассмотрен именно в связи с содержанием этого понятия. С другой стороны, содержание понятия нового тесно связано со смыслом основных категорий этой философской концепции, обусловлено особенностями системы воззрений эмерджентистов. Как в более узких, так и в самых широких версиях теории эмерджентной эволюции устойчиво прослеживается сочетание двух планов: стремление показать общие правила возникновения нового, а также представить конкретную картину становления некоторых выделенных форм существования. «Эволюцией, в широком смысле этого слова, мы называем всеобщую схему следования всех событий в природе», — подчеркивает Ллойд Морган¹ [12].

1 Конви Ллойд Морган — известный биолог, один из виднейших представителей теории эмерджентной эволюции. На взгляды Л. Моргана большое влияние оказали

Воззрения на возникновение нового, развитые эмерджентными эволюционистами, базировались, в первую очередь, на материале дарвинизма. Классический дарвинизм трактовал, что все изменения в живых объектах возникают постепенно. Это положение затрудняло ответ на вопрос о том, каким образом возникают те или иные изменения, чем обуславливается появление качественно отличных от предшествующих состояний. Введение прерывности в ход плавного прогрессивного изменения представителями эмерджентной эволюции стало возможным в связи с признанием существования двух видов преобразований — результатов и эмерджентов.

Понятия результатов и эмерджентов были предложены Дж. Льюисом. Результаты — это перегруппировки из существующих событий и ничего более [13], это гомогенные и соизмеримые с предшествующим состоянием, ясно связанные компоненты. Эмердженты — это новые образования, отличающиеся от предшествующих состояний, но одновременно такие, в которых «ясно прослеживается связь» с предшествующим состоянием. Однако в рамках теории эмерджентной эволюции понятие результатов и понятие эмерджентов получают более богатое содержание,

Гексли и Тиндаль. Л. Морган опирался на работы С. Александера, наиболее крупного представителя этой философской группы. Концепция С. Александера сформировалась под влиянием идеалистически интерпретированных идей Б. Спинозы, монадологии Лейбница, геометрии Г. Минковского, специальной теории относительности А. Эйнштейна и мутационной теории де Фриза.

в первую очередь за счет анализа связей между этими понятиями и количественными и качественными изменениями, их взаимодействия с процессом познания, с концепцией уровней.

Понятие эмерджентов рассматривается следующим образом: в ряде случаев продукт соединения не является простой суммой отдельных элементов, а представляет собой новое творение, как это имеет место, когда несколько отдельных звуков, сливаясь вместе, создают нечто новое — аккордное звучание. Этот новый эффект и называется возникшим качеством. В нем составные признаки — результаты — сосуществуют с конституитивными признаками — эмерджентами. Отношения результат — эмерджент и эмерджент — результат несимметричны: могут иметь место новые образования, представляющие собой простую перегруппировку результатов, но не существует таких эмерджентов, которые не включали бы в себя также результатов [14]. Результаты дают количественную преемственность, оттеняют существенное в возникшем новом.

Эмердженисты подчеркивают, что возникновение нового происходит более или менее скачкообразно, что новым следует считать «качественное изменение направления или критически поворотный момент в ходе событий. В этом смысле здесь нет нарушений непрерывности в виде разрыва или пробела. Таким образом, можно сказать, что благодаря результатам наблюдается последовательность в прогрессе, благодаря эмерджентам в последовательности наблюдается прогресс» [15]. Такая картина изменений в связанной цепи процессов не вызывает возраже-

ний и с точки зрения материалистической диалектики. Однако следует иметь в виду, что понятие результата не тождественно количественному изменению, а понятие эмерджента не идентично понятию качественного преобразования. Как понятие результата, так и понятие эмерджента в значительной степени дополняются специальным гносеологическим содержанием, связанным с возможностями предвидения нового.

Деление преобразований на результаты и эмердженты — это философская характеристика возможных изменений. В связи с этим представляет интерес вопрос о том, как оцениваются эмердженистами взаимоотношения между естествознанием и философией. По их мнению, естествознание достаточно убедительно показывает, что любые объекты поддаются трактовке посредством научных методов «в основном похожего типа» и это иллюстрирует тот факт, что все многообразие возникновений новых явлений выступает примером одной основной схемы. Отсюда «в философии, основанной на способе, подтвержденном прогрессом в научных исследованиях и мышлении, положение таково, что появление любого нового будет верно воспринято, где бы это новое ни находилось, т. е. без привлечения каких-то сверхестественных сил» [16].

Выход за сферу компетенции личного научного знания чаще всего заканчивается использованием мистических мотивов, но Л. Морган убежден, что «конструктивная философия» может обходиться без религиозных мотивов, являясь в то же время чем-то большим, нежели наука. Когда речь идет

о недоступном для науки, на первый план выступает философское объяснение. При анализе преобразований типа результатов наука вполне может обходиться без философии. Сложнее дело обстоит, когда речь идет о свойствах, являющихся новыми и непредсказуемыми. Но и в последнем случае не меньше, чем в первом, имеет место проявление причинности. На этот аспект связи старого и нового, возникающий независимо от степени предсказуемости нового, обращали внимание уже Д. С. Милль и Г. Льюис.

Можно вполне согласиться с эмерджентистами в том, что принцип причинности, в частности, показывает, в каком смысле «конструктивная философия больше, чем наука», так как ценность философии для науки в значительной степени проявляется в ее методологической функции. Кроме этого, теория эмерджентной эволюции рассматривает целый ряд общих аспектов возникновения новых состояний, особенно в части взаимодействия старого и нового состояний.

Уже в определении результатов и эмерджентов Дж. Льюисом был затронут этот вопрос. В работах С. Александера, Л. Моргана, П. Оппенгейма, Х. Пугнамена, В. Уилера это отношение конкретизировано введением понятия «уровней», в которых более детально раскрывается содержание понятия эмерджентности [17, р. 16–17]. При этом предшествующее состояние представляется как более простое, а последующее состояние — новый уровень, возникший на его базе, отличается новыми качествами регулярности (законами), новой структурой, т. е. новый уровень включает в себя предшествующий, до-

бавляет еще нечто сверх этого и, таким образом, предстает как прогрессивное изменение в цепи связанных состояний.

Идея уровневых отношений исходит из того, что появляющееся новое преобразует определенным образом сохраняющееся старое. Эмерджентисты постоянно подчеркивают, что те или иные схемы непозволительно огрубляют сложные отношения, существующие в мире. Это же определение они относят и к связям, которые существуют между уровнями. Тем не менее, можно говорить об общей для всех эмерджентистов схеме уровневых связей. Суть ее состоит в следующем².

Допустим, что существует уровень A с характеристиками a_1, a_2, a_3 в период времени t_1 . Затем из него в течение времени t_2 формируется уровень B с характеристиками b_1, b_2, b_3 , образуя систему AB . С момента, когда B вызван к существованию уровнем A и тем самым также сосуществует с A, B , можно сказать, будет выше как уровень, чем A . Одновременно правомерно предположить, что в течение времени t_2 должна появиться некоторая новая характеристика a_4 , как следствие того, что на базе A появляется B . Отсюда, набор характеристик a_1, a_2, a_3, a_4 зависит также от B , а не только от A . Таким же образом, если уровень C следует за AB в течение времени t_3 , то C выше, чем A и B . И если некоторая новая характеристика b_4 появляется на уровне B в течение времени существования $C t_3$, то B ниже, чем C и т. д.

Данная модель связей уровней показывает, что новые характеристики

2 Обобщенная схема уровневых отношений дана по Т. А. Гоуджу [18, р. 474].

могут возникать как на высшем, так и на низшем по отношению к нему уровне. Эта схема отношений может вбирать в себя различное содержание. Существенным и принципиально важным добавлением к содержанию связей между уровнями выступает введение эмерджентности в связях между уровнями и, соответственно, уровневыми свойствами. Характеристики b_1, b_2, b_3 объявляются эмерджентными по отношению к a_1, a_2, a_3 нижнего уровня A , и, кроме того, характеристика a_4 эмерджентна по отношению к характеристикам более высокого уровня B . Схема также предполагает, что более высокая по сравнению с A двухуровневая система AB обладает большим количеством свойств по сравнению с уровнем A , так же, как трехуровневая система ABC имеет больше характеристик, чем AB .

Впрочем, специально оговаривается, что более высокий уровень может и утрачивать некоторые характеристики предшествующего уровня. Это не следует из схемы, а дополняется при более конкретных описаниях, когда перечисляются свойства области действительности, выделенные как определенный уровень. Например, Т. А. Гоудж приводит своего рода иллюстрацию этой схемы: свойства, отличающиеся очень высокими энергиями, типичные для неживой материи, не наблюдаются на уровне живой материи.

В первом варианте уровневой схемы, предложенной Л. Морганом, вводится следующий отличительный признак уровневого отношения: «Если вы прожили и набрались опыта на уровне B , вы не сможете предсказать эмерджентные признаки на уровне C , потому что отношения, выражением которых

они являются, еще не существует. И также, если вы прожили на уровне A , вы не сможете предсказать эмерджентные признаки событий B , потому что, согласно гипотезе, таких событий еще не существует» [19]. И, наконец, принципиально важное значение, характеризующее соотношение понятия нового и эмерджента: «То, что непредсказуемо, является эмерджентным выражением какого-то нового типа отношений между предшествующими событиями» [20]. Таким образом, непредсказуемость вводится не как результат методологического анализа, а наоборот, непредсказуемость объявляется предварительным условием философского обсуждения связи старого и нового, момент непредсказуемости вводится в понятие эмерджента.

Введение понятия принципиальной непредсказуемости связано с тем, что, несмотря на специально подчеркиваемую эмердженистами мысль о различии между естествознанием и философией, философский анализ становится частью естественно-научного. Связь между уровнями определяется только по наличному предшествующему уровню. Такое предшествование более простых уровней более сложным («новым») отождествляется с процессом их познания, и именно отсюда следует и тезис о непредсказуемости.

Необходимо учитывать тот факт, что история развития точного естествознания начинается с механики, которая по традиции считалась основанием всякого иного научного объяснения, а также наиболее простой наукой (в первую очередь, вследствие ее определенности и точности). Однако реальный процесс отражения действитель-

ности смог начаться при наличии полного набора описываемых уровней и задолго до появления трудов Декарта и Ньютона — уже в то время существовали обширные знания о закономерностях самых высоких уровней, включая общественные отношения. Классические работы Макиавелли по теории государства появились на 100 лет раньше, чем работы Галилея по основам механики. Уровневые отношения и связь различных этапов развертывания познания далеко не одно и то же. Кроме того, общий объем знаний не сводится только к тем знаниям, которые оформлены как специальные естественно-научные знания. Это признают и эмерджентисты, заявляя о наличии собственно философских знаний. Но если это так, то и суть предвидения нового не может быть сведена к уровневым отношениям.

Концепция уровней в теории эмерджентистской эволюции имеет и еще одну весьма важную функцию — последовательность возникновения новых уровней от более простых к более сложным рассматривается как временной аспект всеобщей эволюции. Но при этом следует отметить, что в отличие от других вариантов теорий творческой эволюции в концепции возникновения нового эмерджентными эволюционистами рассматривается не только временное следование одних уровней за другими, но также проблема их взаимодействия, взаимообусловленности и возможности перехода от одного уровня к другому. Эта задача пересекается с той проблематикой, которая затрагивается при анализе связи форм движения материи в материалистической диалектике.

Само понятие уровней в ряде случаев сходно с понятием форм движения, однако (у отдельных авторов больше, у других — меньше) эти понятия отличаются по своему конкретному содержанию. Основной признак уровня — его эмерджентность по отношению к другим уровням характеристик. Это принципиальное положение единодушно признается всеми представителями теории эмерджентной эволюции. Но относительно вопросов о том, каково собственное содержание уровня, что конкретно в природе представляет собой уровень, мнения эмерджентных эволюционистов значительно расходятся. Соответственно меняется и оценка новизны.

Как отмечает Гоудж, различными представителями эмерджентного эволюционизма предлагается выделять разное число уровней, и в связи с этим обнаруживается различная степень общности в подходе к тому, что считать уровнями [21]. Л. Морган перечисляет 4 следующих друг за другом эмерджентных уровня: психофизические события, жизнь, ум и дух, или бог. А С. Александер выделяет 5 уровней: пространство — время, материю, жизнь, ум и божественность.

К другой группе можно отнести тех, кто различает в качестве уровней структурные образования, исследуемые современной наукой. Например, П. Опенгейм и Х. Путнам предлагают рассматривать в качестве набора уровней следующий ряд: элементарные частицы, атомы, молекулы, клетки, многоклеточные организмы и социальные группы. Наконец, М. Дилер полагает, что выделение ограниченного числа уровней и, соответственно, их опреде-

ленные характеристики всегда будут страдать неполнотой вследствие того, что они не отражают массы качественно отличающихся систем, имеющих в природе. Поскольку каждый подлинный эмерджент приносит новое в мир, то различное по объему содержание, которое вкладывается в понятие уровня, неодинаково характеризует и понятие нового в различных вариантах концепции эмерджентной эволюции.

Подробнее, чем у других авторов, уровневые переходы рассмотрены в работе «Пространство, Время и Божество» С. Александра. Проблема уровневых переходов не может не испытывать влияния других общеполитических предпосылок возникновения этой концепции, в первую очередь связанных с рассмотрением основного вопроса философии. С. Александр неоднократно подчеркивал, что объекты познания существуют независимо от сознания. Это связано у него также с тем утверждением, что отдельные уровни следуют во времени друг за другом, и сознание появляется на базе уже имеющих вещей и зависит от них, как высшее зависит от низшего. «Объекты обязаны сознанию только тем, что они познаются», — отмечает С. Александр [22, р. 106]. В этом плане философская позиция выступает как противопоставление распространеному в период становления эмерджентного эволюционизма махизму. Психический характер объектов, зависимость качеств объекта от субъекта он называет пред-рассудком и высказывает убеждение, что «сам опыт продемонстрирует существование объекта как чего-то непсихического» [23; 24].

Эта материалистическая тенденция обесценивается в связи с рассмотрени-

ем материи как одной из разновидностей реальности, связанным с трактовкой материи как вещества, с представлением о пространстве — времени как о некоторой самостоятельной реальности, как о субстанции, существовавшей до материи (в смысле вещественности), состоявшей из «точек — моментов», которые, в свою очередь, представляют собой определенные идеальные действительности.

Последнее обстоятельство заставляет оценивать концепцию С. Александра как идеалистическую натурфилософию, трактовующую идеализации математической физики как некоторые реальности. Характеристики геометрии реальности замещаются на реальность геометрии, собственно физическое содержание вытесняется математическим, а последнее приобретает статус действительности. «Точки — моменты» — это некие «метафизические элементы». Понятие метафизического первичного элемента — следствие крайнего абстрагирования, попытка превзойти уровень и общность математической абстракции одновременно с отказом от специфики философского знания.

Проблема соотношения пространства — времени и материи в общем плане может успешно решаться лишь в рамках материалистической диалектики. С. Александр не может обойти категорию материи, рассматривая общеполитические основания появления нового, пытаясь найти общие принципы эволюции реального мира, однако под материей он понимает лишь один из уровней становления реальности. Уровневые переходы, появление фундаментально нового С. Александр начинает с обсуждения связи движения

и вещества, которое он обозначает также термином «материя». Следует, впрочем, отметить, что и слово «вещество» С. Александер употребляет не в том смысле, которое оно имеет в физике: например, пространство — время он именуется также веществом («первоначальным веществом») [25]. С. Александер справедливо отмечает, что «очень трудно представить себе движение как вещество без чего-нибудь, что двигается».

В поисках этого «чего-нибудь» он останавливается фактически на содержании физического понятия поля, предполагая поле первичным по отношению к другим реальностям. Делается это в довольно сложной форме: «Пространство всегда наполнено временем, т. е. нет такой вещи, как пространство само по себе, но есть система движений, которая в своей продолжительности создает пространство — время и во всем этом нет вакуума» [26], т. е. абсолютной пустоты. Следует отметить, что термин «поле» С. Александер не использует, его работа создавалась в период, когда еще не до конца была изжита концепция эфира.

Проблема, с которой в данном случае сталкивается С. Александер, далеко не проста. Это классическая ситуация, смысл которой состоит в том, что ее обуславливает необходимость содержательным образом связывать философские и естественно-научные знания. Одно это отношение уже представляет собой сложную проблему. Но это только первый шаг к поставленной задаче — выявлению особенностей эволюции реальных систем, новых типов отношений, а также общих черт таких переходов.

Здесь при помощи философского и естественно-исторического подходов ставится вопрос: можно ли говорить об эволюции или об уровневых связях как о некоторой реальной форме отношений, в оценке которой философский и естественно-научный подход приводят к единому решению, разнящемуся только степенью детализации.

Эволюционные эмерджентисты черпают основные понятия своей теории из наличного научного багажа и специально ограничиваются им. Философская обработка этих естественно-научных понятий сводится, в основном, к опущению ряда черт научных понятий и, тем самым, к повышению уровня абстрактности.

Давая философский анализ уровней (ступеней существования), С. Александер сетует на трудности их описания, которые, как он полагает, коренятся в неудовлетворительном состоянии научного знания: «Великие открытия в физике, которые меняют наши понятия о материальных вещах, еще не пришли к своему завершению» [27]. Этим обстоятельством определяется и количество выделяемых уровней и возможности их описания.

Понятие «материя» используется и С. Александером, и Л. Морганом применительно к разным естественно-научным областям (что характерно и для большинства неореалистов). Как подчеркивает С. Александер, перечисление уровней (ступеней существования) является приблизительным. Их количество могло бы быть расширено, в частности за счет выделения «химической материи» как определенной ступени, находящейся над «физической материей» [28]. Кроме того, считает С. Алек-

сандер, вероятнее всего существуют промежуточные ступени: «Разложение атомов на элементы в электронной теории показывает, что физическая материя является чрезвычайно сложной вещью и высоко организована. Смелым человеком был бы тот, кто стал бы утверждать, что электрон, хотя и наша современная первооснова, не может являть собой комплекс чего-то более простого» [29].

Плюралистическая характеристика материи (как «материй»), в которой воплощается метафизический метод, используемый эмердженистами, усугубляет разрыв между уровнями. Этим обусловлено содержание эмерджентности уровней — переход от предшествующего уровня к последующему (от «старого» к «новому») связан с чрезмерным ограничением преемственности.

На базе этого ограничения выступает также принципиальная невозможность предвидения нового. Отношения между уровнями даны только как отношения особенного к особенному без отчетливой связи первого и второго, без рассмотрения преемственности в рамках общего.

Если учесть, что ограниченный набор уровней представляется эмердженистам лишь как принципиальная схема существования отношений между уровнями и что по мере прогресса науки будет выявляться все большее количество специфических форм организации объективной действительности (а уровни определяются как эмерджентны по отношению друг к другу), то мы неизбежно приходим к парадоксу: увеличение знаний о мире связано с уменьшением возможностей предвидения нового, поскольку выделение очередно-

го уровня — это одновременно и объявление его эмерджентности.

Слабость позиций эмердженистов в освещении связей уровней состоит в том, что при оценке уровней, понятие о которых близко к понятию форм движения, они не учитывают единства абсолютного и относительного, подчеркивая лишь относительность, специфичность уровней. «Нельзя предсказать вновь возникающий характер жизненных событий, — пишет Л. Морган, — при полном знании только физико-химических явлений, если жизнь будет вновь возникающим аккордом не только благодаря простому сложению, но и более сложному, непрерывному взаимодействию нот» [30]. Справедливо обращая внимание на то, что частный вид отношений не может быть признан универсальным, абсолютным, эмердженисты сводят его содержание только к его особым характеристикам.

При этом рассмотрение проблемы связей уровней затруднено тем, что эмердженисты выступают решительными критиками механицизма. Л. Морган подчеркивает, что «вся доктрина о возникновении является протестом против механистического толкования и самым тем, что ни на есть антитезисом механистического подхода» [31]. Он следующим образом характеризует механицизм: «Основной чертой механического, если это будет предпочтительнее — механистического, толкования является то, что оно дается только в терминах результатных эффектов, определяемых алгебраическим суммированием» [32].

Тем не менее, эмердженисты постоянно подчеркивают свою надежду на

то, что наука в состоянии «сделать многое для выяснения возможной результативной непрерывности живого и неживого» [33]. В работах С. Александра, У. Мак-Дугалла, Р. Браунинга, как и у других авторов этого направления, рассматривается вопрос о сущности связей результатов и эмерджентов. Признавая необходимый характер эмерджентов, они стремятся обнаружить переход к «конститутивным признакам» (эмерджентам) от составных признаков (результантов), пытаясь оставить за результатантами роль начала, связующего уровни. В материалистической диалектике эта проблема известна как единство прерывного и непрерывного.

В концепции эмердженистов возникновение нового рассматривается не только через различение уровней, оно характеризуется также как появление некоторой системы взаимосвязанных признаков, к которым относятся целостность (и соответственно — форма), качества и свойства. Но поскольку эти категории рассматриваются в преломлении специфических, характерных для данной категории понятий, их роль в характеристике нового можно определить как первичные понятия теории эмерджентной эволюции.

Под категориями в трудах С. Александра понимаются перманентные свойства пространства и времени, такие как тождественность, всеобщность, конкретность, отношение, порядок, субстанция, количество и интенсивность, целое и часть, движение. Понятие качества он использует при характеристике отношений между сложными конфигурациями пространства — времени. В анализе философии С. Александра, проведенном Т. И. Хиллом,

понятие качества также не определяется как основная категория этой концепции. При этом дается ссылка на С. Александра [34, с. 186].

Действительно, С. Александр не включает качество в число «перманентных свойств пространства и времени», т. е. он не оценивает всякое отдельное существование как нечто качественно определенное. Но при характеристике уровневых отношений новое (в уровневом смысле) понятие качества, отличающее данный уровень от иных уровней, используется С. Александром постоянно и несет значительную смысловую нагрузку. Примечательно, что, несмотря на отсутствие качества в числе базовых категорий концепции С. Александра, он вынужден вводить понятие качества при анализе нового.

С. Александр смешивает онтологический и гносеологический аспекты категорий, и особенно отчетливо это проявляется именно при рассмотрении категорий качества: «Качество есть нечто эмпирическое, что в случае, кроме случая движения, появляется из уровня существования более низкого, чем оно само» [35].

В его трактовке качество — это некоторый новый тип отношений в сравнении с предыдущим. Новизна его отмечается в связи с повышением сложности (причем именно уровневого характера). Так, С. Александр оговаривает случаи существования объектов, не выходящих за данный уровень, хотя сложность их выше обычной — в этом случае объекты не приобретают иного качества: «Существует тело или материал низшего уровня, одна часть которого так сложна, что словно надделена фактически новым качеством» [36].

Л. Морган занимает по отношению к категории качества более четкую позицию: он использует понятие качества как одно из центральных. Л. Морган полностью разделяет точку зрения С. Александра на то, что качество — это уровневое отношение. Указывая на то, что С. Александер употребляет термин «качество» только тогда, когда он говорит о возникновении новых качеств в процессе эволюции, сам Л. Морган, рассматривая эту категорию, подчеркивает: «что на некоторой последней стадии процесса эволюции возникло качество жизни; и еще позднее — качество сознания» [37]. Л. Морган отчетливо понимает, что качество, представленное лишь как уровневое отношение, не дает возможности связать его с другими характеристиками объектов. В основе его интерпретации этой категории лежит понятие взаимосвязи.

Через рассмотрение взаимосвязей он подходит ко второму значению понятия качества, которое им употребляется независимо от жесткой схемы уровней эволюции, в более широком смысле. У Л. Моргана качество выступает как полноправная базовая категория, которая перерастает рамки конкретной схемы уровней отношений. Для выяснения содержания категории качества он вводит понятия системы и ее внутренних и внешних связей.

Л. Морган определяет, что взаимосвязи, «которые полностью достигаются внутри данной системы», — внутренние; «взаимосвязи этой системы с некоторой другой системой или системами» — внешние. Совокупность (систему) внутренних взаимосвязей он называет сущностью и далее определяет соотношение свойств и качеств.

Такой подход — существенное продвижение вперед, так как С. Александер специально не различал свойства и качества. «Поскольку свойства естественной сущности, — пишет Л. Морган, — определены внутренними взаимосвязями, я буду говорить о них, как о качестве, которое является выражением этих внутренних взаимосвязей. Поскольку свойства естественной сущности определяются внешней взаимосвязью с другими подобными сущностями, я буду говорить о них, как о качестве, которое выражает эту внешнюю взаимосвязь» [38]. Отсюда то, что появляется на любой стадии возникновения, есть новый тип взаимосвязи. «В силу таких новых типов взаимосвязи естественные сущности приобретают новые качества не только в их собственном бытии, но и новые свойства в отношении других сущностей» [39].

Таким образом, здесь подход Л. Моргана как будто близок диалектико-материалистическому. Однако весьма существенно определить, что же именно понимается под системами, каково деление систем по типу.

У Л. Моргана в этом случае основную роль продолжает играть понятие уровней. Л. Морган остается на позициях С. Александра, хотя и предлагает несколько иной набор уровней. Он выделяет системы «сознания — материи — жизни», системы «жизни — материи», системы «материи». И, наконец, предлагает еще один тип систем, который можно получить, если «спуститься на шаг ниже» — к пространству — времени. «Цельная система без сознания является только жизнью — материей; цельная система без жизни является только материальной. Но ниже по-прежнему есть

то, что при отсутствии материй является только пространством — временем» [40].

Понятие «цельной системы» предполагает всю наличную действительность в определенный период эволюции реального мира, т. е. носит метафизический характер. Связь между системами осуществляется в «восходящем порядке эволюционного прогресса». Первая система — это пространство — время, которое исторически, по мысли С. Александера и Л. Моргана, предшествует другим системам. В наличном пространстве — времени еще нет «эффективной физической взаимосвязи». Во второй фазе прогресса новое состоит в «появлении материи» как системы физических взаимосвязей.

Отвлекаясь от специфического понимания «материи» и фактического идеализма, проявления которого здесь можно наблюдать, обратим внимание на то, каким образом эмерджентные эволюционисты трактуют взаимодействие между системами, как характеризуется связь между предшествующей системой и новой системой, появившейся на ее основе? Бесспорно признается только то, что новая, появившаяся в процессе эволюции система сложнее, нежели предшествующая. В этой связи важно учитывать, что новая система представляет собой качественно иные связи, чем ее базовая система. Исходная система, представляющая собой пространственно-временную связь в континууме, состоящем из точек-мгновений, которые выступают условиями все время меняющейся связи, «дающей чистое движение», затем оказывается новой системой, обогащенной новыми взаимосвязями. Сам Морган ставит

вопрос о том, допускается ли в рамках принятых им первичных условий существование пространственно-временной связи отдельно от физических явлений в новой, более сложной системе. И отвечает на этот вопрос в агностическом ключе, заявляя, что в познании «можно проникнуть не глубже, чем до явлений, которые в их первоначальной форме не только пространственно-временные, но также физические» [41].

Можно сказать, что здесь агностицизм — следствие круга в логике: в начале выдвигается идея существования абстрактных точек-мгновений, определяется их реальный характер, а затем, при столкновении с практикой научного познания, приходится признать, что исследование действительного физического мира не дает достаточных оснований для вывода об их подлинном бытии. Таким образом, вопрос о связи нижежащей системы по отношению к новой, более сложной, в данном случае остается, по существу, открытым.

Это же отношение может быть рассмотрено в несколько другой плоскости: какова степень участия старых (более фундаментальных) связей в новых, появившихся в результате эволюции, при сосуществовании старой и новой системы? Для характеристики взаимосвязей Л. Морган использует специфическое понятие «эффективность». Под эффективностью он подразумевает следующее: «когда взаимосвязь присутствует, то возникают некоторые изменения в ходе происходящих событий, которые бы не возникли, если бы взаимосвязь отсутствовала» [42].

При рассмотрении соотношения первого и второго уровней (по уровневой классификации Л. Моргана) возник-

кает вопрос о степени включенности отношений более глубокого, предшествующего уровня в новые уровневые связи, т. е., если формулировать вопрос на языке Л. Моргана, сохраняется ли их эффективность? Сохраняют ли пространственно-временные взаимодействия, существующие наряду с физическими, вступая в новые взаимодействия, свой продуктивный характер либо они остаются нейтральными по отношению к новым взаимодействиям?

Вопрос весьма существенный и нетривиальный. Но в рамках теории эмерджентного эволюционизма, распространяющей табу на уровневые взаимосвязи, ответить на этот вопрос невозможно. Л. Морган вынужден признать, что на подобный вопрос «невозможно дать ответ на основе нашего (эмерджентных эволюционистов — Г. Е.) критерия» [43].

Таким образом, переход от одной системы к другой, от предшествующего качественного состояния к новому качественному состоянию, который имеет место в процессе «творческой эволюции», представляет собой прерывность, которая и фиксируется эмерджентными эволюционистами. Значительно сложнее обстоит дело с выяснением вопросов непрерывности и механизмов связи предыдущего и последующего качества. Этот аспект проблемы Л. Морган освещает, опираясь на философский и естественно-научный подходы.

Утверждая то, что должны существовать какие-то реальные связи между старыми и новыми системами, он усматривает их в некоем одновременно и абстрактном, и непосредственно данном субстрате, роль которого выполняет пустая пространственно-временная

связь: «Плавность существует, но эта плавность событий заключается в том, что методологически понимается как пространственно-временная основа» [44].

С одной стороны, такое основание непрерывности старого и нового уровня представляется как реальная, вполне конкретная связь, с другой стороны, про эту же основу говорится, что она есть нечто, доступное только философскому, но ни в коей мере не естественно-научному исследованию. Такой запрет связан с эмерджентным характером нового уровня, в данном случае — вещественно-материального.

Таким образом, анализ связи старого и нового приходит к логическому тупику вследствие агностического содержания понятия «эмерджент». Противоречие дополняется смешением философского и естественно-научного планов освещения проблемы. Это один из главных недостатков теории эмерджентной эволюции, на который обращают внимание многие авторы, в том числе и сочувственно относящиеся к этой концепции. Так, П. Миль и Р. В. Селларс усматривают основной порок теории эмерджентной эволюции в ее тенденции: «грубо смешивать с категорией “эмерджентные свойства” черты, которые требуют радикально отличающейся трактовки, такие как чувственные качества, жизнь, цель, ценность, мышление» [45, р. 476].

Взаимосвязь старого и нового состояний рассматривается эмерджентами также в аспекте преемственности и накопления новых свойств, которые в сумме дают качественно отличающуюся от прежней систему. Наиболее подробно вопросы преобразования свойств

рассматривал С. Александер. Появление нового состояния, новой системы он описал как возникновение «вторичных качеств» на базе первичных качеств. Опираясь на идею Дж. Локка о первичных и вторичных качествах, С. Александер считает вторичные качества теми компонентами, которые и представляют собой новые характеристики, формирующие связи новой системы.

Понятие «первичных качеств», или «первичных свойств», по мнению С. Александера, отражает специфические черты данной ступени существования (уровня). Соответственно, каждая из множества ступеней существования обладает собственным набором первичных качеств. Первичные свойства вещества, например, «являются отличительными чертами материальности» (вещественности — *Г. Е.*) [46]. К ним С. Александер относит величину, форму, число, движения различных видов. Кроме свойств, являющихся основными для вещественной ступени существования, у нее обнаруживаются вторичные свойства.

Вторичные свойства отличаются тем, что они не могут проявляться на уровне той системы, которой они порождаются. Они представляют собой черты, проявляющиеся только в новом уровне отношений. Эта общая схема может быть интерпретирована различным образом.

С. Александер делает акцент на том, что именно вторичные качества и являются проявлениями того нового, что в совокупности выступает как новый эмерджентный уровень. В том случае, когда в виде нового уровня выступает познающий субъект, может возникнуть

субъективно-идеалистическая конструкция. Вторичное качество (свойство) определяется как высшее выражение сущности первичного, как сама эта сущность («разум» или «душа» первичного).

«Таким образом, в то время как мы не можем сказать, что вибрации эфира определенной длины волны — красные, мы все же можем сказать, что движения в материальной вещи, в силу которых эфир передает нашим глазам только вибрации определенной длины волны, являются красными. Вторичные качества, таким образом, являются рядом новых качеств» [47].

Здесь налицо известная философская коллизия. Однако она приведена в специфической форме. Общее основание, которое в конечном счете приводит к многочисленным ошибкам эмерджентистов, в том числе приводит их к идеалистической позиции, проявляясь в искаженной трактовке самого смысла сущности и качества.

С одной стороны, совершенно справедливо отмечается, что качество не может быть только внутренней характеристикой вещи, что оно обязательно имеет и свое внешнее выражение. С другой стороны, эта его внешняя составляющая непомерно усиливается, делается акцент на ее самостоятельности, во внешнем выражении (вторичном качестве) дана некоторая новая самостоятельная сущность (проявляющаяся, например, в ощущении красного цвета). Эта новая относительно самостоятельная сущность затем выступает как основной элемент нового эмерджентного уровня.

Новый уровень не дан как результат отношения объектов, минимум двух

объектов, но дан как некоторое имманентное свойство одного базового объекта, которое таинственным образом отрывается от этого носителя и тем самым образует нечто новое. То есть понятие «внешнего» дано как противопоставление самой материальности объекта, отсюда неизбежна идеалистическая позиция, как в общем плане, так и в отношении выяснения природы нового.

В этой же связи оцениваются и проявления активного характера нового эмерджентного образования. «Вторичные качества» выступают как актуализация первичных потенций. «Взятая как таковая, вещь обладает качеством в потенциальной форме» [48]. Эмердженисты справедливо подчеркивают, что качества обнаруживаются лишь в том случае, когда они выступают как некоторая активность. Если эта активность носит длительный характер, то возникает «постоянное вторичное качество», которое представляет собой не только нечто новое, но и является базисом для эмерджента — нового состояния [49].

Понятие качества используется эмердженистами, в первую очередь Л. Морганом и С. Александером, и как совокупная характеристика некоторой структуры: «Некоторое сочетание физико-химических процессов не делает структуру, которую они образуют, организмом. Назвав ее организмом, мы только отмечаем факт, что ее поведение, ее реакция к побуждению, проявляет характер, отличный от того, который обычно интересует физиков и химиков, и в этом смысле новый, с соответствующим ему качеством жизни» [50].

Однако это новое появляющееся качество не сводится, по мнению С. Алек-

сандера, только к организации: «Одной организации, конечно, недостаточно, ибо даже атомы высоко организованы и кристаллы часто приводятся, например, как высокоорганизованные вещи» [51]. Новый комплекс «больше не является чисто материальным, хотя он все же материален» [52].

Что же в данном случае обеспечивает это новое? Эмердженисты отказываются ответить на этот вопрос, ограничиваясь констатацией связи старых и новых уровней отношений: «Почему бы материи, чье качество возникло из пространства — времени, не вырасти, в свою очередь, в новое качество, причем первичное вещество будет оставаться тем же, а материя будет оставаться веществом, ближайшим к жизни» [53].

В последнем случае эмердженисты сталкиваются с проблемой сводимости отдельных форм движения материи и проявляют обоснованную осторожность, отвергая сводимость [54]. Сложность вопроса о соотношении форм движения материи особенно ярко проявляется в случае, когда речь идет о генезисе нового вида связей в реальной эволюции³. В этом случае несводимость одних форм движения к другим перерастает, в трактовке у эмердженистов, в абсолютизацию прерывности между предшествующим и новыми уровнями.

Обращает на себя внимание широкое употребление эмердженистами понятия качества для выяснения сущности нового. Однако нечеткая характеристика этого понятия, отсутствие различения качества и свойства, сме-

3 Это, на наш взгляд, одна из наиболее уязвимых сторон теории эмерджентной эволюции.

шение философского и естественно-научного аспектов категории качества, само деление на первичные и вторичные качества — все это лишает эмердженистов возможности эффективно использовать категорию качества для объяснения сущности нового.

Давая общую характеристику эмердженистской концепции нового, прежде всего следует обратить внимание на особенно ярко проявившиеся недостатки этой теории. К ним относятся:

1. Идеалистические основания эмердженистских схем эволюции.
2. Смешение естественно-научного и философского аспектов проблемы.
3. Механистически понимаемые причинно-следственные отношения (отсюда — причинно-следственные отношения допускаются только на уровне результатов).
4. Неспособность принять диалектическое положение о единстве абсолютного и относительного (что особенно ярко проявляется в критике эмердженистами механицистов).
5. Плюралистическая характеристика материи (как «материй»). Отсутствие четких критериев уровней, отсюда — предложения разных количеств уровней и, следовательно, размытая оценка новизны.
6. Агностицизм как принципиальная позиция в гносеологической характеристике нового.

Вместе с тем эмердженистская концепция представляет интерес тем, что в ней проявилась потребность в освещении общефилософской сущности нового, в том числе связь этой проблемы с запросами естествознания. В теории эмерджентной эволюции четко прослеживается необходимость отказа от ме-

ханицизма. Представители эмерджентной философии обратили внимание на то, что проблема нового должна решаться в связи с выяснением сущности целостности — отношения целого и частей, а также с анализом воздействия простого на сложное и обратно. В работах эмердженистов нашли отражение такие вопросы, как роль категорий качества и свойства для выяснения сущности нового, необходимость углубленной трактовки понятия изменения. Наконец, в их работах ставится вопрос о связи сущности нового с сущностью прогресса.

Критическая реакция на учение эмердженистов о новом весьма разнообразна — от полного отрицания концепции в целом (С. Пеппер, В. Мак-Дугалл, Ж. Маритен), полунегативного отношения (А. Пап, П. Коуз, Э. Нагель, Р. Карнап) до создания «смягченного варианта» концепции появления нового в «эволюционном эмердженизме» (Р. В. Селларс, М. Чапек и М. Бунге).

Философия эмердженистов подвергается критике с различных позиций. Несостоятельность концепции возникновения нового, предложенной эмердженистами, обусловлена целым рядом предпосылок, что вызывает многостороннюю критику. В. Мак-Дугалл подверг критике теорию эмерджентной эволюции с материалистической позиции. Сама идея эмерджента и, соответственно, теория в целом, предполагает перенос закономерностей познания на природу, является отождествлением бытия и мышления. Об этом свидетельствует уже сам факт выделения непредсказуемости как содержательной характеристики эмерджента. В связи с этим В. Мак-Дугалл сосредоточива-

ет свое внимание только на негативных сторонах работ эмердженистов: «Вообще я хочу пойти дальше и заявить, что не только нет никакой эмерджентной эволюции в физической области, но и что в этой области вообще нет никакой эволюции в строгом смысле слова» [55, р. 127]. Так называемая «эмерджентная эволюция», по его мнению, отображает лишь законы творчества и эволюцию творческого мышления.

Однако В. Мак-Дугалл, в свою очередь, был убежден в том, что не следует делать различия между законами функционирования и законами развития, все закономерности реального мира, в конечном счете, могут быть познаны через рассмотрение механических закономерностей: «Цель физических наук — выразить или интерпретировать все физические события в терминах наименьшего из возможных числа, неопределенных эмпирически постулатов». Именно это и будет «вести к возможности познать все свойства неорганических субстанций, объяснить механически все физические события и в принципе предсказать их» [56].

Справедливая критика пороков эмердженизма, вытекающих из идеалистического решения основного вопроса философии, данная В. Мак-Дугаллом, ослабляется его собственным ярко выраженным механицизмом.

Более развернуто представлена критика эмердженизма в связи с каузализмом эмердженистского учения о новом. Даже в работах механицистов, против которых выступали эмердженисты, определенные преимущества оставались на стороне тех, кто придерживался лапласовских представлений о связи причины и следствия, так как это, кро-

ме признания каузальности, позволяло избегать агностицизма. Эмерджентные эволюционисты столкнулись с возражениями: основными аргументами против самого понятия эмерджента выдвигались принцип причинности и несостоятельность агностицизма. Так, С. Пеппер возражает против понятия эмерджента. По его мнению, оно предполагает, что все новые характеристики есть некоторый патологический эффект по отношению к принципу причинности. Но поскольку такое патологическое явление свободно от каузального действия, следовательно оно выпадает из созидательных, причинно обусловленных изменений в природе. Если же оно выпадает из созидательных изменений в природе, то соответствующая доктрина не рассматривает какие-либо закономерности. Отсюда — доктрина эмерджентной эволюции ничего не объясняет в отношении разнообразия к сложности реальной природы, не сообщает о необходимости возникновение нового [57].

Критика понятия эмерджента приводит ряд авторов к выводу о необходимости широкого толкования смысла обусловленности. В этом случае делается попытка, с одной стороны, сохранить признак непредсказуемости эмерджента, с другой стороны, избежать акаузальности. Такова, например, позиция А. Лавджоя: возможность объяснить характеристики эмерджента уровня *B* предполагает способность показать, что они следуют из предсуществующих условий уровня *A*, согласно правилу, по которому *B* следует только за *A*. Каузальное объяснение в этом смысле «полностью согласно с верой в эмерджентность» [58, р. 30]. Следует от-

метить, что даже связь нового и старого состояний, в толковании А. Лавджоя, выглядит как простая констатация временного предшествования причины следствию.

Тезис о состоятельности понятия эмерджента тесно связан с различием каузальности и других видов детерминации. Такую позицию занимают представители «эволюционного эмерджентизма» — философы-материалисты М. Бунге, Р. В. Селларс, М. Чапек.

Аргументация М. Бунге заключается в том, что хотя эмерджентия нового может быть непознаваемой, если основываться при ее рассмотрении только на одной причинности, ее можно изучить с помощью «общей категории детерминации, не исключающей причинность» [59, с. 211]. М. Бунге, критикуя агностическое отрицание возможности объяснения возникновения нового, считает, что оно вытекает из попыток использования только строгого (механистического типа) каузализма [60]. Более широкое понимание детерминации позволяет принять различие между результатными и эмерджентными свойствами. Результатные свойства, по мнению М. Бунге, полностью детерминированы причинно, они повторяются и принципиально предсказуемы, эмерджентные свойства являются новыми и непредсказуемыми.

В этом смысле они необъяснимы (с позиций строгой причинности). Но поскольку они могут быть приняты в терминах категорий детерминации, дополняющих причинность, такими отношениями, как функциональная взаимозависимость, структурная или целостная детерминация, самодетерминация, они могут быть объяснены [61]. Кауза-

лизм как таковой вообще исключает качественно новое, поскольку он связан именно с непрерывностью. Предел каузального объяснения сам по себе является признаком обнаружения нового состояния и в этом аспекте уже может быть использован для объяснения нового. М. Бунге вполне прав, обращая внимание на необходимость глубокого выяснения смысла детерминации для объяснения закономерностей возникновения нового.

Основательный анализ возникновения нового был проведен Р. В. Селларсом, который представлял не столько критическую реакцию на теорию эмерджентистов, сколько позитивную разработку проблемы. Важнейшим для понимания нового утверждением, с точки зрения Р. В. Селларса, является признание того, что движение есть единство устойчивости и изменчивости. Сложность проблемы нового состоит, в первую очередь, в противопоставлении этих двух тенденций. В крупнейших обобщениях — эволюции и законе сохранения — это противопоставление доводится до предела. Р. В. Селларс цитирует А. Лавджоя: «Почти каждая наука за всю ее историю мало интересовалась временем как таковым и избегала темы о временном характере вещей. Она была заинтересована в “неизменных законах природы” — законах, которые в основном, как полагали, относительноны к временным последовательностям, но сами они (законы) рассматривались как вещи, которые были не подвластны времени» [62, р. 263].

Противоположная картина реальности вырисовывалась на основе эволюционных представлений — все вещи в мире изменчивы и преходящи. Все

конкретные объекты появляются вследствие изменений и относительно в связи с их зависимостью от условий. Более того, на базе старого возникает нечто новое, как это происходит при эволюции живой природы.

Р. В. Селларс, в отличие от большинства авторов, рассматривающих проблему нового, не ограничивается анализом данных современной ему науки и философии, но использует материал из истории философии. Он совершенно справедливо отмечает, что явный конфликт между неизменностью и изменчивостью был отмечен уже древнегреческими мыслителями. Это столкновение особенно четко прослеживалось в оппозиции элеатов последователям Гераклита, и эти отношения явились основой концепций последующих оппозиционных школ.

Новое может быть понято лишь при рассмотрении процесса его возникновения как неразрывного единства изменения и устойчивости, сохранения и эволюции. С точки зрения причинности, затруднения в объяснении нового связаны с абстрактным противопоставлением причинности и условий, в то время как реальное изменение не только имеет причину, но и является функцией условий [63]. Р. В. Селларс обращает внимание на связь понятия нового с трактовкой категории целостности. Новое определяется как внутренними, так и внешними объекту связями, «оно не определяется полностью внешним» [64]. Новое возникает как новый вид целостности — оно «является результатом процесса интеграции» [65].

Противоречивость проблемы нового связана с тем, что процесс интеграции пытаются рассматривать как дви-

жение продуктов анализа. Но гносеологическое своеобразие заключается в сводимости целого к собственному составу и строению и предполагает, в том числе, обратную задачу — выводимость целого из частей. Эта задача остается нерешенной, и именно в ней, по мнению Р. В. Селларса, состоит одно из основных затруднений объяснения нового.

Р. В. Селларс показывает, что проблема нового связана, в первую очередь, с изменениями сложного целого — именно в таком виде она выступает в научном знании. «Проблема, которая стоит перед наукой в настоящее время, заключается в том, чтобы гармонизировать новые формы организации, новые типы поведения, новые свойства с более стабильными и фиксированными основаниями неорганической природы» [66].

Аналогичную задачу при рассмотрении проблемы нового ставил в свое время еще П. Гассенди. Отличие позиции Р. В. Селларса по данному вопросу обусловлено прогрессом науки. Р. В. Селларс под «стабильными и фиксированными основаниями» имеет в виду не столько устойчивость свойств, сколько повторяемость, сходство закономерностей: «Неорганическая материя значительно более активна и подвижна, чем предполагал старый атомизм» [67].

Новое следует рассматривать, как справедливо подчеркивает Р. В. Селларс, в рамках процесса перехода от возможности к действительности. Новое всегда первоначально предстает как некоторая возможность. Как сама возможность, так и переход от возможности к действительности материально обусловлены. Нужно отметить, что понятие возможности в контексте работ Р. В. Селларса отличается от категории

«возможность» в трактовке представителей материалистической диалектики: возможность как некоторая объективно существующая тенденция приводится в связи с рассмотрением категории «потенциальность», понятие «возможность» — сугубо гносеологическая категория, которая вместе с понятием «невозможность» отражает «различие между знанием и объектом знания». «Это существенно дедуктивные категории, отражающие статус знания. Сказать, что вещь или событие невозможны, значит исключить вещь или событие из реальности (считать исключенной — *G. E.*)» [68]. «Сказать, что это возможно, не значит вещь включить (считать включенной — *G. E.*), но отрицать, что она должна быть исключена» [69].

По мнению Р. В. Селларса, возможность и невозможность — это категории здравого смысла, не поднимающиеся до философского уровня оценок нового. Он выделяет 2 уровня раскрытия этих категорий. Первый — отражение прошлого обыденного опыта. Так, житель жаркой страны может заявить, что отверждение воды невозможно. Другой уровень обнаруживается при столкновении понятий в системе научного знания: например, вечный двигатель невозможен, потому что это противоречит принятым принципам термодинамики. Второй уровень представлен Р. В. Селларсом как высший уровень возможности [70].

Следует отметить, что в контексте «вечный двигатель» может рассматриваться и как «вечное движение», поэтому данный уровень и объявляется высшим, в последнем случае «вечное движение» приобретает философский статус. Вечный двигатель и вечное дви-

жение — весьма различные вещи: во втором случае можно полагать, что мы имеем дело с положением о движении как форме существования материальных объектов и тогда принципы термодинамики оказываются частным случаем.

Невозможность вечного двигателя является выражением необходимости связи различных форм движения. Селларс, характеризуя возможность, ограничивается только гносеологическим аспектом вопроса. Правомерная постановка вопроса о выделении уровней возможностей только намечена Селларсом, он не различает естественнонаучный и философский подход, общая оценка возможности носит в его концепции сциентистскую окраску. Отсюда он рассматривает возможность как то, что характеризует нашу способность к предсказанию и представляет собой «просто сокращенное выражение генетической непрерывности процесса со своим прошлым, выражение каузального детерминизма» [71].

Сложность проблемы предсказуемости нового, как отмечает Р. В. Селларс, состоит в том, что не различаются законы функционирования и актуальные процессы причинения. Реальное причинение, конкретный процесс богаче, чем закон, который выражает лишь необходимое, устойчивое, повторяющееся. Новое возникает именно в процессе реального причинения, в котором всегда есть различия, поскольку в природе никогда не бывает полного повторения. Предсказуемость, в силу того, что она опирается только на законы, относительна к степени повторяемости [72].

Эта идея, принадлежащая Д. С. Миллю, определяет одно из важных направлений изучения возможностей предви-

дения нового. Предвидение нового зависит не только от богатства содержательной стороны законов, но и от выяснения их взаимосвязи, в рамках которого могут возникать эффекты, подобные тем, которые Д. С. Милль называл «гетеропатическими законами».

Позицию, близкую к взглядам М. Бунге и Р. В. Селларса на возникновение нового, занимает М. Чапек. Анализируя особенности развития современной физики, он выдвигает задачу формирования «концепции становления в отношении физического мира» [73]. Концепция становления понимается им как процесс формирования нового. Принимая полностью трактовку М. Бунге вопроса о связи понятий нового и причинности, он так же, как и Р. В. Селларс, считает необходимым условием для характеристики нового разработку категорий возможности и действительности. Важным отличием нового, по его мнению, является признание его необратимости, при этом новое должно иметь качественное отличие от предшествующих состояний.

Группа авторов, которую принято называть «эволюционными эмерджентистами», в трактовке понятия нового предполагает, в основном, лишь терминологическое сходство с концепцией эмерджентной эволюции. Последовательная материалистическая позиция, использование категорий диалектики приближает их взгляды к диалектико-материалистическому объяснению механизмов возникновения нового. Но в отличие от диалектического материализма, сторонники которого при освещении переходов от старого к новому состоянию использовали большое число взаимосвязанных категорий, эмер-

джентные эволюционисты для решения этой проблемы привлекают только узкий спектр категорий — потенциальность, актуальность, возможность и действительность, детерминация в ее широком понимании. Они не затрагивают, например, проблемы механизмов перехода от старого к новому как развертывания внутренних противоречий и т. д. Привлекает внимание то, что эволюционные эмерджентисты стремятся к четкому различению субъективной и объективной диалектики в разработке проблемы нового.

Особого внимания заслуживает постановка проблемы нового в неопозитивизме.

Внимание к проблеме нового среди сторонников позитивизма в значительной степени связано с реакцией позитивистов на концепции эмерджентных эволюционистов. Это обусловлено тем, что позиции эмерджентных эволюционистов и позитивистов в общефилософском плане противоположны — отношение позитивистов к философии эмерджентных эволюционистов с самого начала было отрицательным. Главная задача, которую ставили перед собой эмерджентисты — описание процессов возникновения нового в реальном мире, стремление выработать концепцию всеобщей эволюции, напоминающую конструкции натурфилософов, — делала философские предложения эмерджентистов неприемлемыми для позитивистов. Однако в философии эмерджентистов принципиально важное место занимает вопрос о предвидении нового, ставится проблема возможностей экстраполяции знания. Кроме того, ставятся вопросы о собственных закономерностях развития

теоретического знания — возникновению нового знания на базе предшествующего, затрагивается тема связи эмпирического и теоретического знания. Эта проблематика, совпадающая с кругом интересов позитивистов, и определила их внимание к проблеме эмерджентности.

Этот интерес обусловлен также логикой развития самого позитивизма, который в 1960-х гг. начинает все большее внимание уделять теме эволюции научного знания и, тем самым, возникновению нового знания. Особенно ярко это проявилось вследствие разочарования в возможностях редукционизма относительно теоретических суждений и дискредитации нигилистического отношения к эвристике. Однако и сегодня позитивизм рассматривает философию как философию науки и ограничивает свою задачу теми рамками, которые отражены в замечании А. Папа: «Я вижу задачу философии как науки в тщательном анализе понятий, принципов и методов, используемых в науке» [74, р. 302]. Задача предвидения и принципиальные возможности предвидения, по его мнению, являются «жизненно важными» аспектами философии науки.

А. Пап — один из первых философов позитивистского направления, обратившихся к подробному анализу предложений эмерджентистов. Первое, на что обращают внимание позитивисты, — это тезис о непредсказуемости эмерджента. Так же, как П. Коуз, Э. Негель и Р. Карнап, А. Пап отмечает, что вера эмерджентистов в абсолютную непредвидимость является ошибочной: то, что сегодня представляется как совершенно непредсказуемое, с прогрессом науки может оказаться вполне

предвидимым. В этом отношении он, по существу, возрождает позицию Льюиса, именно таким образом и оценивавшего эмерджентности.

По мнению А. Папа, говорить об абсолютной непредсказуемости — это «метафизический обскурантизм» [75]. Те, кто следуют за С. Александером, говоря о существовании «абсолютно нового», как полагает А. Пап, скорее всего не представляют себе смысла самого этого понятия. Таким образом, А. Пап сразу же переводит проблему нового в область гносеологии. Он сохраняет деление на результаты и эмерджентности как обозначения новых явлений, однако выступает против слишком «жесткой» трактовки эмерджента.

А. Пап, как и другие критики жесткой трактовки эмерджента, исходит из того, что предвидение является комплексом отношений между конкретными характеристиками и более глубокими основаниями — системой логики, обычным языком и общими теориями. Отсюда, на вопрос о том, является ли в принципе конкретный набор характеристик достаточным для предвидения, можно ответить утвердительно в том случае, если данное понятие (предвидимое) возможно соотносить с терминами, связанными с данной теорией. Если это возможно, то и новые характеристики предвидимы, если нет — то не предвидимы. Эта позиция соответствовала рекомендациям П. Хенли, предлагавшего концепцию эмерджентности полностью перевести в логический план, заменив принцип непредсказуемости нового анализом логической новизны [76]. Этим и руководствовался А. Пап, осуществляя анализ проблемы нового.

Проблему предвидения, в рамках которой А. Пап определяет содержание нового, он рассматривает в двух аспектах: возможности характеристики новых свойств путем интерполяции из старых законов, без нарушения границ их компетенции, и предвидение путем экстраполяции известных свойств и законов с выходом за пределы эмпирической области, на которой они базируются. Возможности интерполяции ограничиваются характеристикой событий типа результатов, поэтому здесь новое может иметь место как вариант повторяемости. Наибольший интерес представляют возможности экстраполяции. В случае экстраполяции возможны также 2 варианта: новое свойство или отношение как результат рекомбинации (новой) уже известных свойств или отношений и случай, когда возникает некоторое «вторичное качество», обусловленное рекомбинацией исходных компонентов — собственно «эмерджент».

А. Пап занимает двойственную позицию в оценке содержания эмерджента. Хотя многие эмердженты являются относительными в только что упомянутом смысле, существует достаточное количество случаев абсолютной новизны, связанной с тем, что ее характеристики можно, в конечном счете, получить только остенсивно, через прямое указание. В этой связи приводится пример: особенности химического вещества, например, аммония, могут быть эмерджентными — выражение «резкий запах» может быть обусловлено только органами чувств. Таким образом, А. Пап поддерживает критикуемые им предложения эмердженистов, но переводит проблему в иной ракурс, к рассмотре-

нию вопроса о возможности наличного знания и делает попытку детализировать картину отношения старого знания (наличного) к новому знанию. А. Пап останавливается на том, что предсказуемость нового относительно исходной теории (или уровню учтенных законов) и в этом смысле относительно к уровню наличного знания в целом.

Это в определенной степени противоречит утверждению эмердженистов о том, что непредсказуемость нового не зависит от степени развития нашего знания. Впрочем, этого «смягчения» содержания эмерджентности А. Пап достигает за счет того, что он не столь определенно, как это делал С. Александер, характеризует полноту имеющегося знания. Если по условию, которое выдвигалось С. Александером и Л. Морганом, наличные знания строго ограничивались характеристиками предшествующего уровня эволюции объективной реальности и тем обстоятельством, что в этом наличном уровне в принципе нет ни одного признака, характеризующего новое (в противном случае имелось бы и явное или неявное предварительное знание о нем), то в предложениях А. Папа, несмотря на внимание к собственно логической стороне дела, совершенно неопределенным выглядит то, что называется старым, или предшествующим новому, знанием.

Именно эта размытость оснований и дала возможность А. Папу выдвинуть смягченную трактовку понятия «эмерджент», оставив его содержательно прежним. Более того, позиция позитивиста лишает его возможности рассмотреть отношения субъект — объект в динамике, обусловленной изменениями

самого объекта (в то время как в рамках философии эмердженистов такая попытка делается), феноменологический редукционизм, присущий его концепции, сведение нового к «новому в опыте» обесценивает и возможности оценки собственной динамики знания.

Значительное внимание проблеме нового уделил Э. Нагель, причем так же, как и А. Пап, рассматривая ее в связи с критикой понятия эмерджент. В отличие от А. Папа он основывается на положениях детерминизма, отводит большую роль особенностям трактовки законов (особенностей их взаимосвязей), предлагая рассматривать законы как эмерджентные и неэмерджентные. Причем деление это определяется уровнями отношениями в том смысле, который отводится уровням эмердженистами. Задача предсказуемости нового сводится к вопросу о соотношении законов, принадлежавших различным уровням. Недостаток освещения представителями теории эмердженизма проблемы предвидения Э. Нагель видит в том, что они рассматривают возможность предвидения только на базе законов, принадлежащих к низшему уровню организации. «На деле же, когда теория объясняет поведение микрообъектов в терминах микрообъектов, должны еще вводиться специальные законы, которые связывают проявляемые черты макрообъектов с чертами микрообъектов» [77, р. 315–316]. По сути дела, в этом случае рассматривается не столько проблема предвидения, сколько связного описания этой проблемы, принципиальной возможности перехода от одного аппарата описания к другому. В этом отношении Э. Нагель следует за эмердженистами, но в отличие

от них четко различает исторический и логический аспект возникновения нового, сводя их при этом к видам описания, как и требует того предварительная позитивистская ориентация.

Следует отметить, что критика Э. Нагелем эмердженистов носит имманентный характер, что делает ее достаточно содержательной, в ряде случаев он ставит вопросы, уточняющие возможные направления исследования механизмов появления нового знания.

Описывая общие черты концепции эмердженистов, Э. Нагель в первую очередь обращает внимание на то, что в этих теориях новое характеризуется предварительно заданной непредсказуемостью, подчеркивая, что для этой доктрины «как раз наиболее приемлемо то, что свойство есть эмерджент относительно данной теории, но не есть новое во временном смысле» [78].

Так, например, свойство тел обладать весом не проистекает из классической теории физического пространства и времени, однако нет причины полагать, что тела начинают обнаруживать гравитационные свойства после того, как исследованы их пространственные свойства. Э. Нагель, приводя подобный пример, подчеркивает надуманность картины эволюции физической реальности, предлагаемую эмердженистами. Он обращает внимание на то, что в некоторых случаях ход научного предвидения (или возможности описания) совпадает с последовательностью реальных процессов в природе.

Например, опираясь на теорию атомной структуры, можно дедуцировать, что азот и кислород способны создать форму воднорастворимого аммиачного газа, при этом в реальной

истории, по-видимому, не было до определенного момента случаев появления растворенного в воде аммиака. Таким образом, растворение аммиачного газа в воде было новым событием для своего времени. Отсюда Э. Нагель делает вывод о том, что вопрос о новом — это не только вопрос о непредсказуемости, но и вопрос о том, что может быть установлено только эмпирическим историческим исследованием [79].

Историческое исследование дает возможность установления, является ли некоторое событие действительно новым или нет. Э. Нагель совершенно справедливо обращает внимание на то, что одной из существенных трудностей, которые неизбежно возникнут даже в случае проведения исторического исследования, является неполнота наших знаний о прошлом. Это служит препятствием для того, чтобы с уверенностью квалифицировать какое-то событие как безусловно эмерджентное, как абсолютно новое. По сути дела, здесь Э. Нагель ставит вопрос о неправомерности метафизического представления о новом.

Известно, что современная физика накопила достаточный опыт для того, чтобы осторожно относиться к метафизическим рекомендациям. В этой связи Э. Нагель считает: «Мы не обладаем достаточными основаниями, чтобы решить без сомнения — являются ли процессы атомного и субатомного уровня, которые, как мы верим, имели место всегда, такими же, как сейчас, или они характеризуют только текущую космическую эпоху» [80]. Таким образом, приводится довод в подтверждение того, что нельзя описать абсолютно новое посредством естественно-научного исследования.

С другой стороны, научные данные убедительно свидетельствуют о том, что жизни на Земле не было до определенного периода ее эволюции.

Э. Нагель считает, что при рассмотрении этого вопроса сталкиваются различные возможности трактовки эмерджентности. Однако следует обратить внимание на то, что в первом случае говорится об относительности возможностей физической теории, о границах ее компетенции, во втором — оцениваются факты в границах теории, так что это — кажущаяся трудность, идущая от смешения двух планов темы. В этих примерах проявляется проблема соотношения частного и общего знания, если вести речь о гносеологическом аспекте и противоречивости нового, если говорить об онтологическом аспекте этой темы.

Следует согласиться с Э. Нагелем в том, что особенностью обсуждения проблемы нового является то, что такие понятия, как «свойство», «процесс» требуют уточнений. Действительно, естественно-научное и философское содержание этих понятий различается, правомерна и собственно философская разработка содержания этих понятий, особенно в контексте их связи.

Свойство может рассматриваться в весьма широком диапазоне — от атрибута до того случая, который предлагается в качестве иллюстрации Э. Нагелем: например, образ, формируемый квадратом, несомненно, иначе воспринимается в случае, если он формируется квадратом, стоящим на одном из его углов. Можно ли второй образ считать связанным с появлением нового свойства? Если это не так, то в чем отличие новой черты? Э. Нагель делает вывод:

в случае, если это новое, то тогда любое изменение следует рассматривать как иллюстрацию эмерджентной эволюции.

Материалистическая диалектика снимает этот вопрос, рассматривая свойства и качество во взаимосвязи и выделяя понятие существенных свойств. Впрочем, и Э. Нагель поднимает вопрос о существенных признаках. При этом он берет прилагательное «существенные» в кавычки, полагая, что оно полностью обусловлено контекстом рассматриваемой проблемы.

Стремление к исчерпывающему описанию, без идеи выделения главного (с объективными основаниями критериев существенности свойств) приводит к тому, что описание возникновения нового либо вырождается в трюизм — «все изменяется», либо приводит к утверждению об иррациональности нового.

Рассматривая содержание эмерджентности, Э. Нагель специально выделяет проблему сведения содержания к предшествующему, «элементарному» уровню. Отмечая, что хотя сами по себе «процедуры классической физики» не подразумевают, но и не противоречат идеям эмерджентной эволюции, их неверная философская интерпретация приводит к агностической позиции в оценке нового. Это касается таких интерпретаций физики, согласно которым физические свойства вещей являются «элементарными» (основными).

Несостоятельность такого подхода особенно заметна на примере механики — механика как наука оперирует «ограниченным и избранным набором теоретических понятий». Но, несмотря на это, многие механики (и их философские интерпретаторы) продолжают

считать свой предмет универсальной наукой о природе. Объяснение возникновения какого-либо нового свойства с точки зрения механической теории в лучшем случае состоит из указания на условия их проявления «в терминах механики».

«Когда структура механической или какой-либо иной теории классической физики проанализирована, то тем самым доказывается, что истинность теории не зависит от принятия или отрицания исторического тезиса о том, что в течение времени новые черты и индивидуумы появляются во Вселенной» [81]. То есть классическая физика не может разрешить этот вопрос, ее аппарат индифферентен к раскрытию содержания эмерджентности. Предсказание некоторого нового в классической физике (по мнению Э. Нагеля) — это повторение известного ей, так же, как и объяснение нового — это сведение его к известным структурам.

В данном случае мы имеем дело с вынужденным обращением к теме взаимосвязи форм движения материи и к проблеме несводимости форм движения к какой-либо одной из них. С этой стороны вопроса о возникновении нового тесно связана задача «элементарности», освещение которой является одним из условий для выяснения особенностей возникновения нового. Выяснение содержания элементарности, действительно, является одним из важнейших аспектов проблемы возникновения нового — здесь сходятся и вопрос о связи форм движения, и вопрос о соотношении части и целого, а именно возникновения целостности, несводимой к старым отношениям и выступающей как новое.

Вопрос о возможности предсказания и описания нового связан не только с ограниченными возможностями законов, относящихся к определенной дисциплине (отражающих особенности взаимодействия определенной формы движения), но и с проблемой историчности связей в рамках формы движения. Эта тема, которая в свое время рассматривалась А. Пуанкаре, затрагивается и Э. Нагелем.

Отмечая правомерность такой постановки вопроса, Нагель добавляет, что «большинство ученых, несомненно, будут склоняться рассматривать принятый закон как правильный. Только при определенных постоянных предшествующих условиях они скорее станут рассматривать его просто как предельный случай более широкого, более общего закона скорее, чем примут, что полная структура физических явлений подвергается эволюции» [82].

Естественнанию известны случаи объективного изменения некоторых констант, например, изменение периода осевого вращения Земли, в результате чего возможно большое количество изменений, не исключаяющих и появление новых свойств в общей массе связанных с этим явлений. Можно предположить, что универсальные константы, подобные скорости света в вакууме, тоже меняются со временем и в разные периоды этих изменений оказывают различное влияние на множество физических и связанных с ними нефизических процессов.

Эта мысль, высказываемая методологами физики, в принципе аналогична утверждению о сфере действия любого закона. Действительно, при раскрытии содержания понятия «закон» обычно

рассматривается только аспект устойчивости отношений, которые он отражает, в то время как можно говорить о более общем и более частном содержании закона применительно к нему самому. То есть речь идет о том, что количественная и качественная характеристики закона не одно и то же. Так, например, даже изменение некоторой константы еще не снимает ее самое.

Э. Нагель обращает внимание также на то, что с проблемой возникновения нового связаны и вопросы воздействия на его внешние связи и отношения: «Эмерджентные законы проявляются в том, что новые типы поведения преобразуются в новые виды зависимости, причем перестают существовать прежние комбинации и интеграции, имевшие место до этого» [83]. В том случае, если химиками получены в лаборатории вещества, которые никогда не существовали прежде, то в результате этого могут быть обнаружены такие свойства, такие способы взаимодействия с другими веществами, которые также являются новыми. Это подтверждает идею о том, что радикальная новизна никогда не бывает новой одна — в результате меняется целая система отношений.

Производя критический анализ понятия эмерджента, Э. Нагель поставил ряд вопросов, безусловно, и сегодня представляющих интерес. Часть из них нашли отражение в диалектике — это проблема взаимосвязи форм движения материи, соотношение исторического и логического, другие — такие как взаимосвязь законов — свидетельствуют о возможности дальнейшего развития этих тем в связи с выяснением закономерностей возникновения нового.

Последовательное рассмотрение проблемы нового принадлежит также П. Коузу, который вполне определенно формирует свое отношение к позитивизму, ставя своей целью выработку «естественно-научного мировоззрения» [84]. П. Коуз последовательно рассматривает агностические моменты подхода к новому, в основном с материалистических позиций, опираясь на работы А. Бергсона, С. Александра, П. Тейяр де Шардена и ряда других авторов. Его аргументация сводится к требованию различения объективной и субъективной диалектики, учета их взаимосвязи, что имеет отношение к его оценке возможностей научного объяснения и предвидения. Так, например, основным аргументом в пользу постоянно расширяющихся возможностей предвидения, как считает П. Коуз, является возникновение кибернетики.

Критикуя эмердженистов, П. Коуз (несмотря на то что он различает объективный и субъективный планы возникновения нового) останавливается на трактовке эмерджентности как явления, относящегося «к области знания». Он следующим образом определяет содержание эмерджентности: «Если одна наука эмерджентна по отношению к другой, то из этого не следует, что явление, описываемое и объясняемое первой, части которого также описываются и объясняются второй, не может быть описано первой наукой» [85].

По сути дела, это определение подтверждает позицию Л. Моргана относительно связей уровней. Но в отличие от эмердженистской трактовки, где недопустимы переходы ни от высшего к низшему уровню, ни от низшего к высшему, в определении, сформулиро-

ванном П. Коузом, сохраняется запрет только на редукцию — переход от высшего к низшему уровню. Отличительной особенностью выступает введение описываемого события как элемента, одновременно принадлежащего обоим уровням. К сожалению, анализ самого этого элемента не позволяет судить о том, какова объективная диалектика уровней.

П. Коуз поднимает вопрос о соотношении случайности и необходимости и их роли в возникновении нового, решая его в том ключе, который характерен для кибернетики: новое возникает и закрепляется в том случае, когда при достаточно долгом протекании стохастического процесса перекомбинации элементов возникают устойчивые и самовоспроизводящиеся комбинации, в то время как неустойчивые элиминируются. Рассматривая соотношение случайности и необходимости в процессе формирования новых свойств, П. Коуз основывается на положении Р. Эшби о связи случайного и необходимого, возникающей при эволюции системы, не касаясь теоретических разработок биологии в этой области, а также собственно философского анализа.

Оценивая особенности трактовки проблемы нового авторами позитивистского направления, следует отметить значимость самого факта их обращения к вопросу об изменяющихся системах, о переходе от одного состояния к другому, о возникновении нового, невзирая на то что рассмотрение этого вопроса сводится, в основном, к эволюции знания. В связи с этим представители позитивистского направления вынуждены более широко ставить вопрос о связи субъекта и объекта.

Особого внимания заслуживает критика этими авторами положения об эмерджентности, их критические замечания в связи с агностицизмом эмерджентистов, постановка вопроса о соотно-

шении законов различных научных дисциплин, о необходимости уточнения ряда понятий, в которых раскрывается содержание перехода от предшествующего состояния к новому.

1. *Мельвилль Ю. К.* Чарльз Пирс и прагматизм. М., 1968.
2. *Pierce Ch.* Chance, Love and Logic. N.Y., 1923.
3. *Bergson H.* On the Pragmatism of William James: Truth and Reality. N.Y., 1946.
4. The Encyclopedia of Philosophy. N.Y., 1967. Vol. 4.
5. *Джемс У.* Прагматизм. СПб., 1910.
6. *Dewey J.* Influence of Darwin on Philosophy. Broomington, 1965.
7. *Ibid.* P. 4.
8. *Dewey J.* Logic: the Theory of Inquiry. N.Y., 1955.
9. *Ibid.* P. 66–67.
10. *Dewey J.* Experience Knowledge and Value. The Philosophy of John Dewey. N.Y., 1951.
11. *Ibid.* P. 600.
12. *Morgan C. L.* Emergent Evolution. N.Y., 1931.
13. *Ibid.*
14. *Ibid.* P. 5.
15. *Ibid.*
16. *Ibid.* P. 2.
17. *Wheeler W. M.* Emergent Evolution and the Development of Societies. N.Y., 1928.
18. *Goudge T. A.* Emergent Evolutionism. The Encyclopedia of Philosophy. L.–N.Y., 1967. Vol. 1.
19. *Morgan C. L.* Op. cit. P. 6.
20. *Ibid.*
21. *Goudge T. A.* Op. cit.
22. *Alexander S.* Space, Time and Deity: the Gifford Lectures at Glasgow 1916–1918. L., 1920. Vol. 1.
23. *Ibid.* P. 16.
24. *Ibid.* Vol. 2. P. 87.
25. *Ibid.* P. 50.
26. *Ibid.* P. 51.
27. *Ibid.* P. 52.
28. *Ibid.* P. 53.
29. *Ibid.*
30. *Morgan C. L.* Op. cit. P. 6.
31. *Ibid.* P. 7–8.
32. *Ibid.* P. 8.
33. *Ibid.* P. 7.
34. *Хилл Т. И.* Современные теории познания. М., 1965.
35. *Alexander S.* Op. cit. Vol. 2. P. 67.
36. *Ibid.* P. 68.
37. *Morgan C. L.* Op. cit. P. 6.
38. *Ibid.* P. 19.
39. *Ibid.*
40. *Ibid.* P. 22.
41. *Ibid.* P. 23–24.
42. *Ibid.* P. 20.
43. *Ibid.* P. 23.
44. *Ibid.* P. 24.

45. *Meehl P. E., Sellars R. W.* The Concept of Emergence // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis, 1956. Vol. 2.
46. *Alexander S.* Op. cit. Vol. 2. P. 56.
47. Ibid. P. 59.
48. Ibid. P. 61.
49. Ibid. P. 60–63.
50. Ibid. P. 62.
51. Ibid. P. 63, 65.
52. Ibid. P. 65.
53. Ibid.
54. Ibid. P. 65–73.
55. *McDougall W.* Modern Materialism and Emergent Evolution. L., 1927.
56. Ibid. P. 125.
57. *Pepper S. C.* Emergence // The Journal of Philosophy. 1926. Vol. 23.
58. *Loweogoy A. O.* The meaning of Emergence and its Models. N. Y., 1926.
59. *Бунге М.* Причинность. М., 1962.
60. Там же. С. 50.
61. Там же.
62. *Sellars R. W.* Evolutionary Naturalism. Chicago – N.Y., 1922.
63. Ibid. P. 256–258.
64. Ibid. P. 265.
65. Ibid.
66. Ibid. P. 262.
67. Ibid.
68. Ibid. P. 266.
69. Ibid.
70. Ibid.
71. Ibid. P. 265.
72. Ibid. P. 258.
73. Ibid.
74. *Pap A.* The Concept of Absolute Emergence // The British Journal for the Philosophy of Science. L., 1952. Vol. 2.
75. Ibid. P. 303.
76. *Henle P.* The Status of Emergence // The Journal of Philosophy. 1942. Vol. 39.
77. *Nagel E.* The Structure of Science (Problems in the Logic Scientific Explanation). L., 1961.
78. Ibid. P. 375.
79. Ibid.
80. Ibid. P. 376.
81. Ibid. P. 377.
82. Ibid. P. 379.
83. Ibid. P. 380.
84. *Cows P.* Philosophy of Science. Princeton, 1965.
85. Ibid. P. 308.

В. А. ВОЛКОВ

НАДЕЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ (ПО СТРАНИЦАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА СЗАГС «ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА»)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*научно-практический журнал,
государственная служба, реформа,
кадровые вопросы*

KEY WORDS:

*theoretical and practical journal, civil service,
reform, staffing policy*

Статья посвящена научно-практическому журналу «Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе», издаваемому Северо-Западной академией государственной службы. Автор подробно рассказывает об истории данного издания, его тематике, рубриках и основных авторах.

Год от года растет круг подписчиков журнала «Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе». На его страницах последовательно раскрываются вопросы формирования кадрового состава государственной гражданской службы субъектов СЗФО в соответствии с современными принципами кадровой политики в органах государственной власти, а также круг тем, связанных с дальнейшим реформирова-

The article is dedicated to the theoretical and practical journal “Civil Service. Bulletin of the Coordinating Council on Staffing Policy, State Awards and Civil Service at Plenipotentiary Representative of the President of Russian Federation in the North-West Federal Region”, edited by the North-West Academy of Public Administration. The author gives detailed expounding of the edition history, of its subject matter, headings, and the main authors.

нием и развитием государственной службы, способствующих формированию единого информационного пространства в регионе.

Идея создания вестника возникла в мае 2006 г. на первом заседании Координационного Совета, действующего при аппарате полномочного представителя Президента РФ в СЗФО. Информированность органов власти СЗФО по вопросам кадровой политики, обмен опытом сложившегося в субъектах правового регулирования в данной сфере — проблема, давно назревшая и актуальная в свете осуществления реформы государственной службы. В научно-

практическом журнале публикуются материалы по самым актуальным проблемам кадровой деятельности, способствующие выработке единой стратегии в сфере формирования кадрового потенциала Северо-Западного федерального округа и страны в целом.

И хотя вестник — журнал новый (пока вышли 5 номеров), он уже успел зарекомендовать себя как издание весьма востребованное, найти свой круг читателей не только среди кадровых служб СЗФО, но и в среде научной общественности. Среди подписчиков журнала — государственные организации Северо-Запада, а также Москвы, Северной Осетии, Чувашии, Приморского края, Амурской, Белгородской, Камчатской, Сахалинской, Свердловской, Тамбовской, Тульской, Тюменской, Челябинской областей, Республики Казахстан и др.

Можно утверждать, что издание способствует созданию условий для объединения усилий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, образовательных учреждений СЗФО в определении единых подходов к нормативно-правовому обеспечению деятельности кадровых служб.

Периодичность издания — 2 раза в год. Первый номер за 2008 г. открывает статья заместителя полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе А. Г. Нестерова, в которой автор дает анализ основных подходов к проблеме проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы субъектов РФ, вносит предложения по унификации процедур конкурсного отбора [1].

В публикации руководителя департамента по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе аппарата полномочного представителя Президента РФ в СЗФО В. А. Баркина «Об особенностях реформирования государственной гражданской службы в субъектах Федерации Северо-Западного федерального округа» обобщен опыт работы по созданию законодательной базы, рассчитанной на модернизацию, радикальное изменение ситуации в правоприменении и формировании кадрового потенциала высокого уровня [2].

В каждом номере вестника публикуются решения Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, в которых содержится своего рода итог работы на уровне субъектов СЗФО по вопросам совершенствования законодательной и нормативно-правовой базы в области реформирования государственной гражданской службы, призванного способствовать выработке новых подходов в организации государственной службы, формированию условий для ее эффективного функционирования.

Под рубрикой «Дискуссия» публикуются материалы, подготовленные главным советником департамента по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе аппарата полномочного представителя Президента РФ в СЗФО Т. В. Кравцовой. В них можно ознакомиться с практикой работы представителей исполнительных органов власти субъектов Фе-

дерации Северо-Западного федерального округа, а также мнением научной общественности в сфере создания современных управленческих технологий, выработки показателей эффективности деятельности органов власти и государственных служащих и другим актуальным вопросам, решение которых призвано способствовать оптимизации института государственной гражданской службы. Именно на стыке науки и практики становится возможным формирование единой кадровой политики и совершенствование правового регулирования в сфере государственной службы.

В разделе «Информационно-аналитические материалы» представлены публикации руководителей субъектов СЗФО, ученых РАГС, СЗАГС по правовым аспектам формирования системы управления государственной гражданской службой, повышению престижности государственной гражданской службы, по вопросам борьбы с коррупцией.

В статье вице-губернатора Ленинградской области, руководителя аппарата губернатора и правительства Ленинградской области С. А. Козырева рассматриваются правовые аспекты формирования системы управления государственной гражданской службой в субъектах Российской Федерации [3]. В другой его статье, опубликованной во втором номере за 2008 г., обобщен опыт реформирования государственной гражданской службы Ленинградской области [4].

В публикации профессора Российской академии государственной службы при Президенте РФ В. Л. Романова «Коррупция как дезорганизующий фактор развития общества» анализируются

причины возникновения коррупционных отношений, предлагается ряд мер по пресечению коррупционных действий [5].

В статье профессора кафедры связей с общественностью Северо-Западной академии государственной службы Л. Е. Вострякова приведен анализ критериев оценки престижности государственной гражданской службы региональными чиновниками [6].

Доцент кафедры социологии и социальной работы СЗАГС М. А. Кашина рассматривает вопросы повышения престижности государственной гражданской службы как важнейшее условие эффективного формирования кадрового потенциала [7]. В другой публикации автора обобщены результаты анкетных опросов, проведенных Северо-Западной академией государственной службы по проблеме обеспечения государственных гарантий на гражданской службе [8].

В рубрике «Лекция» размещены материалы преподавателей вузов Москвы и Санкт-Петербурга, осуществляющих подготовку специалистов в области государственного и муниципального управления, посвященные проблемам становления системы управления государственной службой в современных условиях, управления персоналом государственного аппарата [9; 10].

На «Страничке герольдмейстера» приведены описания орденов «За заслуги перед Отечеством» и Святого Георгия, а также история этих наград.

В разделе «Издания Северо-Западной академии государственной службы» вниманию читателей предлагаются новинки научной и учебной литературы в сфере государственного и муниципаль-

ного управления, правовых вопросов государственной службы и социологии.

Материалы журнала призваны налаживать диалог между представителями органов исполнительной власти и населением, обеспечивать прозрачность функционирования государственной службы.

Издатель вестника — Северо-Западная академия государственной службы — ведущий образовательный и научно-исследовательский центр, где сконцентрированы силы, способные обеспечить разработку теоретической и методологической основы кадровой политики СЗФО. Преподаватели академии, осуществляющие исследования в этой сфере, стали постоянными авторами научно-практического журнала.

В состав редакционного совета и редакционной коллегии журнала вошли

ли представители всех субъектов Российской Федерации СЗФО, что позволяет учитывать опыт, накопленный органами государственной власти всего Северо-Запада России. Журнал включен в объединенный каталог «Пресса России» (подписной индекс — 29515). Редакционная подписка на журнал «Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе» осуществляется через Северо-Западную академию государственной службы (тел. / факс (812) 335 42 16; 199178, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., 61, оф. 12).

1. *Нестеров А. Г.* Основные тенденции реализации конкурсных процедур в органах власти субъектов РФ Северо-Западного федерального округа // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2008. № 1. С. 4–11.
2. *Баркин В. А.* Об особенностях реформирования государственной гражданской службы в субъектах Федерации Северо-Западного федерального округа // Государственная служба... 2008. № 2. С. 4–13.
3. *Козырев С. А.* Правовые аспекты формирования системы управления государственной гражданской службой в субъектах Российской Федерации // Государственная служба... 2008. № 1. С. 30–35.
4. *Козырев С. А.* Опыт реформирования государственной гражданской службы Ленинградской области // Государственная служба... 2008. № 2. С. 36–40.
5. *Романов В. Л.* Коррупция как дезорганизующий фактор развития общества // Государственная служба... 2008. № 1. С. 36–47.
6. *Востряков Л. Е.* Оценка престижности государственной гражданской службы региональными чиновниками // Государственная служба... 2008. № 2. С. 43–50.
7. *Кашина М. А.* Повышение престижности государственной гражданской службы как важнейшее условие эффективного формирования кадрового потенциала // Государственная служба... 2008. №1. С. 48–61.
8. *Кашина М. А.* Государственные гарантии на гражданской службе как элемент социально-правового статуса региональных гражданских служащих // Государственная служба... 2008. № 2. С. 51–65.
9. *Соловьева А. К.* Социально-правовой статус государственного гражданского служащего в системе государственного управления // Государственная служба... 2008. № 1. С. 64–76.
10. *Атаманчук Г. В.* Управление и персонал государственного аппарата // Государственная служба... 2008. № 2. С. 66–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ ABOUT THE AUTHORS

Александров Владимир Борисович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Заведующий кафедрой культурологии и
русского языка
Доктор философских наук, профессор
kr@szags.ru

Alexandrov Vladimir Borisovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
The Head of the Chair of Culturology and Russian
Language
Doctor of Philosophy, Professor
kr@szags.ru

Александрова Светлана Петровна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Профессор кафедры гражданского и трудового
права
Кандидат юридических наук, доцент
kgtp@szags.ru

Alexandrova Svetlana Petrovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Professor of the Chair of Civil and Labor Law
Candidate of Juridical Science, Associate
Professor
kgtp@szags.ru

Алякринская Марина Андреевна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Доцент кафедры культурологии и русского
языка
Кандидат филологических наук, доцент
kr@szags.ru

Alyakrinskaya Marina Andreevna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Associate Professor of the Chair of Culturology
and Russian Language
Candidate of Philology, Associate Professor
kr@szags.ru

Бабкина Людмила Николаевна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Профессор кафедры финансов и государственного
регулирувания экономики
Доктор экономических наук, профессор
figre@szags.ru

Babkina Ludmila Nikolaevna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Professor of the Chair of Finances and State
Regulation of Economy
Doctor of Economics, Professor
figre@szags.ru

Волков Виталий Александрович

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Проректор по научной работе
 Доктор политических наук, профессор.
 Заведующий кафедрой политологии
 polit@szags.ru

Дергачева Елена Игоревна

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Аспирант кафедры математики и моделирова-
 ния социально-экономических процессов
 kmimsep@szags.ru

Дробин Максим Евгеньевич

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Соискатель кафедры финансов и государствен-
 ного регулирования экономики
 figre@szags.ru

Евдонин Геннадий Александрович

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Доцент кафедры математики и моделирования
 социально-экономических процессов
 Кандидат технических наук, доцент
 kmimsep@szags.ru

Елфимов Геннадий Михайлович

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Заведующий кафедрой государственного и
 муниципального управления
 Доктор философских наук, профессор
 gmu@szags.ru

Volkov Vitaliy Alexandrovich

Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration
 Prorector for Research
 Doctor of Political Sciences, Professor. The Head
 of the Chair of Political Science
 polit@szags.ru

Dergachyova Elena Igorevna

Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration
 Postgraduate student of the Chair of
 Mathematics and Modeling of Social and
 Economical Processes
 kmimsep@szags.ru

Drobin Maxim Evgenyevich

Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration
 Applicant of the Chair of Finances and State
 Regulation of Economy
 figre@szags.ru

Evdonin Gennadiy Alexandrovich

Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration
 Associate Professor of the Chair of Mathematics
 and Modeling of Social and Economical Processes
 Candidate of Technical Sciences, Associate
 Professor
 kmimsep@szags.ru

Elfimov Gennadiy Mikhailovich

Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration
 The Head of the Chair of State and Municipal
 Management
 Doctor of Philosophy, Professor
 gmu@szags.ru

Журавлев Владимир Павлович

Санкт-Петербург
Избирательная комиссия Ленинградской области
Председатель
Кандидат юридических наук
iklenobl@mail.ru

Захарова Наталья Васильевна

Москва
Российский государственный торгово-экономический университет
Доцент кафедры мировой экономики

Кандидат экономических наук, доцент
nat_zakh@mail.ru

Иванчук Ирина Анатольевна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной службы
Профессор кафедры культурологии и русского языка
Доктор филологических наук, доцент
kr@szags.ru

Измайлов Альберт Федорович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной службы
Научный редактор редакционно-издательского отдела
Кандидат филологических наук
rio@szags.ru

Краснолуцкий Геннадий Николаевич

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной службы
Доцент кафедры политологии

Кандидат философских наук, доцент
polit@szags.ru

Zhuravlyov Vladimir Pavlovich

Saint-Petersburg
Election Committee of the Leningrad region

Chairman
Candidate of Juridical Science
iklenobl@mail.ru

Zakharova Natalya Vassilyevna

Moscow
Russian State Trade and Economical University

Associate Professor of the Chair of World Economy
Candidate of Economics, Associate Professor
nat_zakh@mail.ru

Ivanchuk Irina Anatolyevna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Professor of the Chair of Culturology and Russian Language
Doctor of Phylology, Associate Professor
kr@szags.ru

Izmailov Albert Feodorovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Scientific Editor of the Editorial-Publishing Department
Candidate of Phiology
rio@szags.ru

Krasnolutsky Gennadiy Nikolaevich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Associate Professor of the Chair of Political Science
Candidate of Philosophy, Associate Professor
polit@szags.ru

Кучерявый Михаил Михайлович

Екатеринбург

Уральское объединение Военно-Воздушных сил
и противовоздушной обороны

Командующий

uk@szags.ru

Kucheryavyi Mikhail Mikhailovich

Ekaterinburg

Ural Formation of Air Force and Antiaircraft
defense

Commander-in-Chief

uk@szags.ru

Лапина Наталья Юрьевна

Москва

Институт научной информации по обществен-
ным наукам

Ведущий научный сотрудник

Доктор политических наук

info@inion.ru

Lapina Natalya Yurievna

Moscow

Institute of Scientific Information on Social
Sciences

Senior Scientific Researcher

Doctor of Political Sciences

info@inion.ru

Плиева Азинат Ориховна

Санкт-Петербург

Северо-Западная академия государственной
службыСтарший преподаватель кафедры иностранных
языков

Соискатель кафедры политологии

aplieva@yahoo.com

Plieva Azinat Orikhovna

Saint-Petersburg

North-West Academy of Public Administration

Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages

Applicant of the Chair of Political Science
Politology

aplieva@yahoo.com

Савинкова Тамара Викторовна

Санкт-Петербург

Северо-Западная академия государственной
службыДоцент кафедры культурологии и русского
языка

Кандидат филологических наук, доцент

kr@szags.ru

Savinkova Tamara Viktorovna

Saint-Petersburg

North-West Academy of Public Administration

Associate Professor of the Chair of Cultorology
and Russian Language

Candidate of Philology, Associate Professor

kr@szags.ru

Торба Александр Васильевич

Калининград

Аппарат правительства Калининградской
области

Руководитель

torba@gov.kaliningrad.ru

Torba Alexander Vassilyevich

Kaliningrad

Government Office of the Kaliningrad region

The Chief

torba@gov.kaliningrad.ru

Трушина Ирина Александровна

Санкт-Петербург

Северо-Западная академия государственной
службыСтарший преподаватель кафедры культуроло-
гии и русского языка

kr@szags.ru

Trushina Irina Alexandrovna

Saint-Petersburg

North-West Academy of Public Administration

Senior Lecturer of the Chair of
Culturology and Russian Language

kr@szags.ru

Цинченко Галина Михайловна

Санкт-Петербург

Северо-Западная академия государственной
службыДоцент кафедры социологии и социальной
работы

Кандидат социологических наук

ssr@szags.ru

Tsinchenko Galina Mikhailovna

Saint-Petersburg

North-West Academy of Public Administration

Associate Professor of the Chair of Sociology and
Social Service

Candidate of Sociological Sciences

ssr@szags.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Уважаемые авторы!

Для публикации в журнале Северо-Западной академии государственной службы «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» принимаются научные материалы, соответствующие основной научной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления сложными социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления.

Порядок экспертизы и рецензирования материалов

1. Статьи, поступающие в редакцию от авторов, принимаются в установленном порядке. Автор(-ы) готовит и представляет в редакцию:
 - экземпляр статьи на бумажном носителе, подписанный автором и заверенный подписью руководителя подразделения, а также электронную версию статьи;
 - рецензию, содержащую обоснованную рекомендацию к опубликованию статьи и заверенную подписью и печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная ре-

цензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору(-ам) по его запросу направляется аргументированный отказ. Основанием для публикации является положительная рекомендация двух рецензентов журнала — докторов наук по специальности.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение 1 календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - сведениями об авторе, которые указываются в первой подстрочной ссылке – сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - аннотациями на русском и английском языках, раскрывающи-

- ми основное содержание статьи (не более 400 знаков с пробелами каждая);
- ключевыми словами (от 5 до 10) на русском и английском языках.
2. Технические требования к материалу:
- поля — 2,5 см везде;
 - номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - шрифт — «Times New Roman»;
 - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы не в алфавитном порядке, а в порядке следования), 12 кегль, междустрочный интервал — 1.
3. Порядок расположения материалов:
- инициалы и фамилия автора (ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе (ах);
 - название статьи. Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - аннотация на русском языке;
 - аннотация на английском языке (идентична аннотации на русском языке);
 - ключевые слова на русском языке;
 - ключевые слова на английском языке;
 - основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
- абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - расстановка переносов — автоматическая (меню «Сервис» → «Язык» → «Расстановка переносов». Принудительную расстановку переносов не применять);
 - все примечания (в том числе сведения об авторе) оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
 - все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем не допускаются);
 - нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - маркированный список пунктов начинается только в виде тире;
5. Оформление ссылок:
- ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 — 2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив), основное заглавие документа, сведения, относящиеся к заглавию, сведения об ответственности, сведения об изда-

- нии, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретная страница)¹. Области библиографического описания разделяются точкой;
- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой.

1 Примечание: ссылки на электронные ресурсы содержат следующие элементы: ФИО автора (если указано); основное заглавие документа; сведения, относящиеся к заглавию; название сайта, портала; сведения об ответственности (указание принадлежности, назначения сайта); год размещения материала в сети (если указано); режим доступа (URL); дата обращения.

6. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word-Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *tiff или *jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе:

Савельев Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор. РАГС при Президенте Российской Федерации (Москва). Профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода "золотым легионом" постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004. 740 с.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

— *монографии:*

Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 238 с.

— *статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: пер-

спективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. 324 с.

— публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002-2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

— статьи в научных журналах:

Муази Д. Эмоциональное измерение глобализации // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 68–75.

— статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. 22 с.

— правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 //

Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

— архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293 а. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

— электронные ресурсы:

Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta. Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения 20.09.2008).

4. Ссылки на таблицы и рисунки (приводятся внутри текста):
(табл. 2).

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»**

**ЦЕНТР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ
ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ**

Профессиональная переподготовка руководителей и специалистов различных сфер ведется в Северо-Западной академии государственной службы с момента ее создания (1991–1992 гг.). Ежегодно в Центре обучаются около 1000 человек. За прошедшие годы профессиональную переподготовку прошли около 12 тыс. человек — те, кто, получив первое высшее образование и опыт профессиональной деятельности, ощутил необходимость перемен в своей жизни.

Учебный процесс в Центре обеспечивают 19 кафедр, более 70 высококвалифицированных преподавателей (около 26% — доктора наук, профессора; 71% — кандидаты наук, доценты).

Большинство наших выпускников — это государственные и муниципальные служащие. Однако профессиональную переподготовку в Центре проходят руководители и специалисты государственных и муниципальных организаций, негосударственных, предпринимательских структур.

Профессиональная переподготовка государственных служащих осуществ-

ляется на основе заключаемых с органами государственной власти государственных контрактов по итогам проведения открытых конкурсов. Порядок их проведения, а также основания для направления государственных служащих на профессиональную переподготовку установлены Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также Положением о порядке получения дополнительного профессионального образования государственными гражданскими служащими Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 1474 «О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации».

Что такое профессиональная переподготовка:

— Самостоятельный вид дополнительного профессионального образования (основной регулирующий документ — Типовое положение об образовательном учреждении дополнительного профессионального

- образования (повышения квалификации) специалистов, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. № 610).
- Важный компонент профессионального образования, позволяющий интегрировать его разные уровни и формы, выстраивать гибкую образовательную траекторию, реализовать принцип «образование через всю жизнь».
 - Цель профессиональной переподготовки — приобретение, углубление и обновление профессиональных знаний, умений и навыков для выполнения нового вида профессиональной деятельности.
 - Учебные программы профессиональной переподготовки формируются с учетом требований государственного образовательного стандарта по соответствующей специальности высшего образования, постоянно совершенствуются и корректируются с учетом актуальности проблематики, мнения заказчиков и слушателей.
 - Объем аудиторной нагрузки: 504–520 часов. Срок обучения: 6–10 месяцев (в зависимости от даты поступления, учебного графика, применения дистанционной технологии обучения).
- Диплом о профессиональной переподготовке:**
- это документ государственного образца;
 - дает право на ведение нового вида профессиональной деятельности (в соответствии с наименованием программы);
 - обеспечивает соответствие установленным по должности квалификационным требованиям в случае отсутствия требуемого высшего образования.

Будем рады видеть Вас и Ваших коллег в числе наших слушателей!

Адрес: Санкт-Петербург, ул. Чернышевского, д. 6/10
E-mail: cpp@szags.ru

Директор: Китин Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент
каб. 402, тел.: (812) 740 59 72

Заместитель директора: Савичев Виктор Александрович,
кандидат экономических наук, доцент
каб. 401, тел.: (812) 740 59 72

Отборочная комиссия (прием документов на поступление):
каб. 309, тел.: (812) 740 59 77
понедельник, среда и пятница: 10.00 – 17.00
вторник и четверг: 12.00 – 18.00

TO THE 200-TH ANNIVERSARY OF N.V.GOGOL

- 5 **V. B. ALEXANDROV**
Oeuvre of Gogol in the Light of the Postmodern Paradigm
- 14 **T. V. SAVINKOVA**
Gogol's Jubilee and the Problems of National Identification
- 20 **M. A. ALYAKRINSKAYA**
"Human destiny is to serve, and all our life is serving": ideas of devotion and service in the book "Selected citations from correspondence with friends" written by N. V. Gogol
- 28 **I. A. TRUSHINA**
Optima Solitude in the Life and Oeuvre of Gogol
- 38 **I. A. IVANCHUK**
Gogol as "Columbus of the Realistic Style of a Dialog"

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 46 **V. P. ZHURAVLYOV**
Legal Basis and Specific Features of Organization of Activity in the Election Committees of Municipal Units in Russian Federation: Questions and Answers
- 50 **A. V. TORBA**
Practice of Administrative Reform Realization in Kaliningrad Region

POLICY AND A LAWFUL STATE

- 58 **S. P. ALEXANDROVA**
Trust Agreement on Property Comprising Specific Target Capital of Non-Profit Organization
- 68 **M. M. KUCHERYAVYI**
Potential Challenge to the Safety of Russia in the Air and Outer Space
- 76 **N. V. ZAKHAROVA**
Management of the Innovative Processes in the European Union: Role of Joint Scientific and Technical Policy of the EU Countries
- 93 **G. N. KRASNOLUTSKY**
Intelligentsia and Perestroika: Crash or Obtaining Hope?
- 105 **A. O. PLIEVA**
Foreign Policy as a Constituent of the Political Field of the EU

POWER AND ECONOMY

- 115 L. N. BABKINA, M. E. DROBIN**
Life Expectancy in the Regions of Russian Federation as an Index of Population Life Quality
- 140 E. I. DERGACHEVA, G. A. EVDONIN**
Decision Solution in Management: Possibilities of Quantitative Modeling

SOCIETY AND REFORMS

- 148 N. U. LAPINA**
Social Reforms in Russia: What Is the Vector of Changes?
- 173 G. M. TSINCHENKO**
Training of Specialists in the Field of Social Work in the Frame of the Bologna Educational Process
- 179 A. F. IZMAILOV**
Information Model of a City (on Some Approaches to the Solution of the Problem of Information Relation Modeling in Urban Environment)

HISTORY AND CULTURE

- 187 G. M. ELFIMOV**
The Concept of NEW in the Theory of Emergent Evolution

SCIENTIFIC LIFE SZAGS

- 223 V. A. VOLKOV**
Solid Tool of Reform of Public Administration (Along the Pages of Theoretical and Practical Journal of NWAPA "Civil Service")

2009. №1 (33)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Научно-практический журнал Северо-Западной
академии государственной службы

Выходит четыре раза в год

Все статьи рецензируются

Редактор ПАСТАРНАКОВА О. А.

Аннотации статей и перевод
на английский язык СТАНКОВОЙ Е. Н.

Корректор ХАЛИТОВА Ю. В.
Дизайн обложки и верстка ПАШКОВСКОЙ Н. И.

Сдано в набор 11.03.2009 г.
Подписано к печати 25.03.2009 г.
Формат 70×100/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,0
Тираж 650 экз. Заказ № 1078

Цена свободная

Издание зарегистрировано Северо-Западным региональным управлением
Комитета Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации СМ 4 № П-2046 от 10 июля 1996 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс издательских и полиграфических работ
выполнен ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел.: (812) 235-15-86, e-mail: manager_nestor@bk.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ:

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ